

Елена Рябова-Березовец

ВЕНЕЦ БЕЗБРАЧИЯ

Сборник повестей об одиноких дамах

Елена Рябова-Березовец

**Венец безбрачия. Сборник
повестей об одиноких дамах**

«Издательские решения»

Рябова-Березовец Е. А.

Венец безбрачия. Сборник повестей об одиноких дамах /
Е. А. Рябова-Березовец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933114-4

Замечательный писатель Герман Гессе как-то написал о том, что одиночество — это самое нормальное состояние человека! Соглашаться не обязательно... Однако нельзя не согласиться с тем, что в нашей стране довольно много одиноких дам! В своих повестях автор (с чувством юмора и психологическими изысканиями) делает попытку разобраться в том, почему иные женщины оказываются одинокими, никогда не выходят замуж и детей воспитывают вполне самостоятельно! Ну, и как вообще они живут?..

ISBN 978-5-44-933114-4

© Рябова-Березовец Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Провинциалка	7
Бедная Вика	22
Маргарита и мастер, или Женские прелести	42
Любовь	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Венец безбрачия

Сборник повестей об одиноких дамах

Елена Александровна Рябова-Березовец

© Елена Александровна Рябова-Березовец, 2018

ISBN 978-5-4493-3114-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Елена Рябова (Березовец) родилась в 1955 году в г. Барнауле.

В 1979 году окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова по специальности «журналистика».

С начала восьмидесятых по начало девяностых годов прошлого века работала завлитом в Алтайском государственном театре им. В. Шукшина. Писала рецензии на спектакли местных и гастролирующих театров. А также сотрудничала с радио и ТВ! То есть была, в сущности, пиарщицей!

В середине 90-х начала сотрудничать с газетой «Свободный курс», где стала основателем отдела культуры и искусства.

В 1997 году принимала участие в российском конкурсе провинциальных журналистов, пишущих на темы культуры и искусства, который проводился газетой «Культура» и Институтом «Открытое Общество» (фонд Сороса). Заняла третье место в номинации «Рецензия».

В конце 90-х работала в главной краевой газете «Алтайская правда» – заместителем редактора отдела культуры и образования. Публиковалась в столичных изданиях: журналах «Театральная жизнь» и «Театр», а также в газете «Культура».

Склонность к писательству, в сущности, «преследовала» автора со школьной скамьи. Но всерьез она занялась созданием литературных произведений в зрелом возрасте – после сорока лет.

Сегодня в творческом портфеле Елены Рябовой (Березовец) – два романа – «Год кондуктора, или метаморфозы любви» и «Век кондуктора, или Ночь смерти глазами любви», восемь повестей (историй из жизни одиноких женщин), и семь миниатюр, посвященных волшебной природе Горного Алтая.

Романы представляют собой двухтомник, но при этом каждую книгу можно читать, как самостоятельное произведение.

В 2012 году переехала из Барнаула в село Турочак Республики Алтай, где продолжает заниматься литературной деятельностью.

Провинциалка

Стреляться было нечем! А поскольку цианистого калия, который сожительница и даже как бы подруга Аглая, по ее словам, держала прямо в комнате на самом видном месте, все равно было не найти, потому что Аглая скорее всего врала, то ей не оставалось ничего другого, кроме как смотреть на себя со стороны. И видеть следующее: взрослая дурра, с почти уже высшим образованием, жжет ладан, травится никотином, тупо смотрит в окно и хочет застрелиться.

И это в то самое время, когда на столе – не нюханный диплом, а на факультете – незнакомый руководитель, уже не чающий ее, наверное, лицезреть.

Взять разве поехать сегодня. Выйти в эту липкую весеннюю сырость, потосковать в метро, потолкаться на факультете, с кем-нибудь поболтать, похихикать – словом, укрепиться и посмотреть на свое мерзкое настоящее с какой-нибудь другой точки.

Она – назовем ее Инной – встала со спального дивана и принялась лихорадочно натягивать джинсы: надо срочно, сию же минуту выбираться из высотки, пока этот проклятый сталинский ампир на Ленинских горах окончательно ее не раздавил. Стоило ли переться за тридевять земель в столицу, – с жалкими остатками иронии думала она, запирая дверь, – для того, чтобы изводиться из-за каких-то штанов, или, выражаясь более интеллигентно, из-за недоустройства личной жизни...

***

Да нет, конечно же, в Москву они – самые решительные школьники советской провинции – ехали вовсе (или не только?) за личной жизнью, а, в первую очередь, за самым качественным в стране образованием, которое, как они мечтали, должно было распахнуть перед ними двери столичных, а то и (поскольку Инна и ее будущие друзья выбрали в качестве будущей профессии жутко модную в семидесятые годы журналистику) забугорных редакций, издательств, агентств и прочих учреждений и служб, связанных с литературной или около того деятельностью.

Что ж, мечтать, как всегда считалось в нашем народе, не вредно. А ближе к рубежу веков даже стало считаться, что и полезно: мыслеобразы, дескать, формируются, а потом и в жизнь воплощаются.

Может быть, теперь они, и правда, воплощаются, да только во времена сугубого коммунистического материализма любые мыслеобразы рассыпались в прах об одну из главных установок «социалистического общежития»: трудись там, где ты прописан. Или там, где тебе приказут. Да вот только в столице ее бывшим студентам, будь они хоть семи пядей во лбу, трудиться, как правило, не приказывали. И без них, дескать, с семью пядями народу полным-полно.

И это, в общем-то, было правильно. Ведь если бы в столице ежегодно оставались все желающие новоиспеченные специалисты (а вкусить столичной «манной» желали буквально все!), то ей (столице) пришлось бы разрастись в результате до размеров всей нашей страны. Или во всяком случае до ее половины.

А, впрочем, это тоже было бы правильно. Пусть бы вся страна сделалась столицей, чтобы провинция перестала, наконец, на нее обижаться: у них там, дескать, есть все, а у нас – вошь на аркане, да и та в дефиците. И это при развитом-то социализме!

Короче говоря, все светлые мечты о столичной карьере упирались в одну маленькую и с виду невзрачную штучку – в штамп о московской прописке. Который, в свою очередь, упирался в другую, себе подобную штучку – тоже в штамп, но уже о браке. С законным жителем столицы, разумеется.

И это все надо было как-то совместить с ах-любовью, которая, как девятый вал, цунами, горный оползень или иное стихийное бедствие, буквально с первых же учебных дней с головой

накрывала ежегодно тысячи дорвавшихся до свободной столичкой жизни вчерашних провинциальных школьников, избавившихся посредством отъезда за тридевять земель от осточертевшей родительской опеки.

Однако если в первые два-три года все они, вступая в любовные связи, руководствовались исключительно велениями своих юных горячих сердец (или других, желающих любви) частей тела, то впоследствии – на четвертом, а особенно на пятом курсах – многие индивидуумы того и другого пола стали всерьез задумываться о том, что любовь должна приносить не только моральное или, на худой конец, физическое удовлетворение, но и материальную (в виде пресловутого штампа в паспорте) пользу.

Ох, что тут началось! Сколько любовных драм стало разыгрываться и сколько подушек и дружеских плеч пропитываться слезами! Ибо в одночасье распадались прямо на глазах самые стойкие, самые влюбленные (или казавшиеся таковыми), самые проверенные временем пары. Любовь повсеместно попиралась и предавалась, покинутые любовники навсегда (так они во всяком случае провозглашали) теряли веру во все разумное, доброе, светлое и вечное, а самые обиженные даже делали попытки (в условиях общежития, правда, заведомо безуспешные) свести счеты с жизнью.

Не легче было и тем, кто в результате погони за столичной пропиской моментально определялся общественным мнением в ряды презренных предателей. Например, Иннин однокурсник Славик, неожиданно для всех за полгода по получения диплома женившийся на беременной (не от него) продавщице из ГУМа, всякий раз искренне мечтал провалиться под землю, когда в него впивались начиненные ядом презрения взгляды подружек покинутой им девушки – умницы, отличницы и красавицы Верочки, которую угораздило родиться в Курске.

Еще круче маялась близкая Иннина подруга Олечка. Урожденная «рязанская мадонна», отмеченная невесть откуда взявшимся в этой русской провинции французским шармом, она была безнадежно (хоть и не безответно) влюблена женатого волоокого красавца-болгарина Любочку (краткое производное от Любомира). А поскольку со своей болгарской женой Любочка по каким-то своим (и к нашему повествованию отношения не имеющим) причинам разводиться не собирался, Олечка была вынуждена с горя крутить роман с ненавистным ей, но по уши влюбленным москвичонком Павликом – незначительным (в сравнении с модельной Олечкиной выправкой) ванешне, но с оч-чень незаурядной профессиональной родословной.

На четвертом курсе Олечка (а куда деваться?) вышла за своего Павлика замуж, родила первого на их курсе ребенка и весь пятый курс неустанно лила слезы в своей прелестной однокомнатной квартирке на проспекте Мира. Плакивала студенческую вольницу и загубленную женскую жизнь.

Впрочем, Олечке мало кто сочувствовал. В основном завидовали и говорили, что она бесится с жиру. Поэтому поплакаться на свою скорбную участь она могла только Инне, которая осталась единственным связующим звеном между счастливым общежитским прошлым и тоскливым настоящим.

Инна же Олечку не только искренне жалела, но и стопроцентно ее понимала, ибо в ситуации находилась очень на Олечкину похожей. С той лишь заметной разницей, что никакой москвиченок Инны не домогался, а свою будущую столичную судьбу Инне еще предстояло как-то решать.

Да и попробовал бы кто-нибудь Инны домогаться! Он бы тут же получил в лоб, нос и ухо по самое что ни на есть первое число. Не от Инны, разумеется, а от Фила, которого по-настоящему звали Теофил и который был ревнив почище, чем темнокожий шекспировский Отелло.

Тут надо сказать, что в сравнении Фила с Отелло не было совсем никакой натяжки, потому что оба они относились к одной и той же расе. Фил был приятного коричневого цвета – кофе с небольшим количеством молока.

Африканское происхождение Филадельфия сильно огорчало Инну маму, закоренелую коммунистку и партийного работника. Мама печально писала из далекого голода Г.: «...цвет кожи, доченька, не имеет значения. Но – чуждая нам идеология!»

Бедная счастливая мама, она не дожидая до того часа, когда выяснилось, что не их идеология нам чужда, а наша – чужда не только им, но и нам самим. Если бы мама была жива, она бы обязательно умерла от недоумения.

Инниной маме также не нравилось, что у Филадельфия, кроме чуждой нам идеологии, есть еще семья. Инне тоже не нравилось, что у Филадельфия есть семья, но ни он, ни Инна не были виноваты в том, что Филадельфия был на десять лет старше Инны и успел жениться еще тогда, когда Инна и не предполагала, что станет учиться в Москве и встретится с Филадельфием.

А не встретиться они не могли, так как учились на одном курсе и в первые полгода учебы жили в одном общежитии. И даже на одном этаже. А потом Филадельфия переехал в более комфортабельную высотку. Ему, как иностранцу, сделали исключение.

А сначала Филадельфия, как и все нормальные студенты на первом курсе, жил в комнате на четырех однокамерниках. И в этой же комнате жил Василий Косолапов, одногруппник Инны. Василий в Инну бы влюблен едва ли не с первого дня, но очень этого стеснялся, поскольку затылком едва доставал Инне до плеча. Он-то и познакомил, на свою голову, Инну с Филадельфием, чтобы потом все пять лет тихо страдать.

***

Познакомленный с Инной Филадельфия пригласил Инну на ночное свидание в темный холл их этажа. Холл был темный потому, что в общежитии в час ночи вырубали свет. Очевидно, чтобы студенты не переутомились учебой.

Это было очень гуманно, и в холле обыкновенно случались сразу несколько свиданий. Участники свиданий очень быстро научились уважать друг дружку и обстоятельства и делали вид, что никого кругом себя не замечают. Вернее, сначала замечали (насколько это вообще было возможно в темноте): кивали, здоровались, помахивали ручкой. А потом, увлекшись беседой или чем-нибудь еще, уже не замечали.

Филадельфия ждал Инну на самом удобном месте – на диване. Остальное были – кресла, стулья и три подоконника. Инна с трудом разглядела Филадельфия в темноте, потому что на нем был темный спортивный костюм, и все это вместе сливалось с диваном.

Инна нашла Филадельфия по белкам глаз, блеску зубов, огоньку сигареты и запаху импортного табака. По этому запаху в семидесятые годы прошлого столетия можно было почти безошибочно узнать иностранца. Но это было только в начале первого курса, потому что уже в конце его многие наши курили их табак. И внешне тоже больше бывали похожи не на наших. Понятное дело: это не наши помогали нашим всем, чем могли, извлекая из этого материальную да и моральную (а как же – мир, дружба, любовь!) пользу.

Но это было потом, а пока Инна села рядом с Филадельфием на диване и закурила импортную сигарету Филадельфия. Инна еще не любила Филадельфия, но он был ей симпатичен, поскольку ухаживал за ней издали уже целый месяц. А еще Инне было интересно, все ли тело у Филадельфия одинаково коричневого или есть на нем какие-нибудь светлые пятна. Оказалось, есть – ладони.

Филадельфия поцеловал Инну, и ей это тоже понравилось. Они немного поцеловались, а потом он сказал с легким акцентом:

– Теперь ты – моя девушка. И должна вести себя хорошо. Если вижу тебя с кем-нибудь, тебя – ненавижу, а ему – дам!

Инне понравился такой крутой подход, потому что в ее восемнадцать лет на нее никто еще так активно не посягал. И, хотя девственницей Инна уже не была, нормальных долгих отношений между мужчиной и женщиной она еще испытать не успела. Правда, пару недлинных романов (тут даже лучше сказать «повестей» или «рассказов») она к моменту встречи с Филадельфием

за спиной имела. А недлинными они были потому, что Иннины предметы, как назло, оказывались гораздо старше Инны и были, соответственно, заняты другими женщинами. Поэтому долгих отношений с Инной они не могли себе позволить, чтобы не разбивать советскую семью – ячейку общества.

А вот Фил разбить свою несветскую ячейку не боялся, несмотря даже на то, что у его жены ежегодно рождались дети. От Фила, разумеется, и от летних каникул.

Но Фил не боялся разбить свою ячейку африканского общества вовсе не потому, что относился к Инне несерьезно. Относился он к ней как раз очень даже серьезно: называл ее своей девушкой, потом даже женой, кормил ее и поил и по средствам одевал; а она ему стирала рубашки, носки и даже, пардон, трусы, когда они стали жить в одной и той же высотке.

А не боялся Фил потому, что в конце четвертого курса предложил Инне стать его второй (!) женой. Инна было обиделась, но Фил рассудительно сказал на чистом русском:

– На тебе же не будет написано, что ты – вторая.

Однако на пятом курсе Фи засомневался в своем предложении. То есть сначала он усомнился в Инне, в ее настоящей и грядущей верности их странной африканской любви. А повод для сомнений у него, заметим, было предостаточно И вот почему.

***

Пока Фил был рядом – в непосредственной или относительной близости – Инна не испытывала сомнений в любви к нему. Зато испытывала, кроме любви, немалое уважение. Такое, какого до сих пор не испытывала никогда и ни к кому. Так уж складывалась ее жизнь до Фила, что она всегда с прискорбием отмечала в мужском поле недостаток ума. Почти со всеми своими ровесниками ей, как правило, бывало скучно. Ждать, когда они повзрослеют и поумнеют, Инне было некогда, а помогать вырастать – не приходило на ум самой Инне.

С Филом же вопрос об уме просто не возникал. Во-первых, они, хоть и общались на русском, но, в сущности, говорили на разных языках. А во-вторых, рядом с Инной Фил все равно становился дураком, но дураком влюблены – и это было приятно. Хотя Инну уже раздражало, что он ни о чем, кроме их отношений, с ней не говорит и больше всего любит делать это в постели. Фил называл это по-французски – фэр-ля-мур. Об умном у них в Африке с дамами говорить не полагалось, а, может, даже считалось моветоном.

Для умной беседы существовала мужская компания, в которую Инну все же иногда приглашали, поскольку она почти ничего не понимала по-французски, кроме фэр-ля-мур. Компания бывала, по большей части, как и Фил, коричневая. И изумительно здоровая. Любой белый человек, исключая, пожалуй, крепкотелую и розовощекую Инну, выглядел в сравнении с компанией бледным, дохлым, чахлым и изнуренным.

Поэтому, глядя на блестящих, черных, сверкающеглазых и —зубых, веселых мужчин, Инна понимала, что будущее человечества за черной расой. И нисколько этим не расстраивалась. Более того, Инна хотела родить ребенка от Фила. Смуглокожего, красивого, веселого мулатика. Такого, какими были все черные и смешанные дети в их общезитии. Белые рядом с ними казались дохлыми, чахлыми, худыми и недоразвитыми.

Желание Инны родить черного ребенка разделяла даже ее любимая подружка Галочка, время от времени заявлявшая категорически, что уж у нее-то детей никогда не будет: зачем плодить болезни и нищету. Но однажды, принимая и угощая у себя в комнате маленькую и прехорошенькую африканочку Монику, Галочка, стесняясь своих чувств, шепнула Инне:

– Если уж заводить ребенка, то только черного.

Это было тем более неожиданно, что у Галочки ни разу не было черного любовника. Но поскольку Галочка любила Инну, и Фил любил Инну, то и Галочка любила Фила – подружески, разумеется.

Так вот, сидя в компании Фила и попивая какой-нибудь захватывающий импортный алкоголь или поедая в больших количествах приготовленное Филом острейшее мясо с гарнирным «фу-фу» (этакая экзотическая смесь манки с крамалом), Инна замечала, что душой компании всегда бывал Фил. И отнюдь не потому, что – хозяин. Инна видела, КАК на него смотрели гости, КАК они ловили каждое его слово и до колик в черных животах смеялись его остротам, которых Инна не понимала (разве что изредка употребляемое «мерд» – пардон, «дерьмо»). Фил в этих ситуациях совсем не походил на дурака.

А однажды Инне повезло, и она окончательно убедилась в том, что Фил – не только умный, но и тонкий. Это было уже на пятом курсе. Фил к тому времени запросто трещал по-русски, научился даже на чужом языке шутить и уместно материться. А, впрочем, последнему он, как и все другие студенты иностранного происхождения, выучился уже на первом курсе. Наши ругательства, говорили они, в сравнении с вашими – тьфу! Не выразительные то есть. Но шутить на русском могли далеко не все. Очень трудно, признавались они, шутить на чужом языке.

Инна с Филом в тот момент занимали целый блок – две маленькие комнатки с общим выходом в коридор. Сосед и друг Фила Володя Муратов – секретарь партийной организации курса, но, несмотря на это, замечательный парень – куда-то отъехал и разрешил Филу пожить настоящей супружеской жизнью с Инной.

К Филу зашел поболтать студент-заочник Иван Вилкин – длинный, нескладный, с вечно удивленным и глуповато наивным (несмотря на солидный для студента возраст – сорок лет) лицом. Предстоял мужской разговор, и вымуштрованная Инна безропотно удалилась в комнату Володи. Но двери оставались открытыми, и Инна, занявшись от нечего делать утюгом и рубашками Фила, разговор слушала.

Сначала Иван Вилкин, с «присущей» советскому человеку тактичностью, принялся расспрашивать Фила об его семье: любит ли Фил жену, сколько у него детей, и не грустит ли он в такой дали от своих близких?

Фил, ощущая Инну за стеной, отвечал уклончиво, а на вопрос Ивана, ел ли он слонов, рассердился:

– Ты что, сумасшедший? – спросил Фил. – Не знаешь, что слон – священное животное?!

Иван дописывал свой заочный диплом с интригующим и неожиданным для Ивановой глупой физиономии названием. Что-то про непознанные возможности человека и их освещение в средствах массовой информации. Иван, очевидно, скептически относился к теме своего диплома, потому что после фиаско со слонами повел речь о том, что он не верит, к примеру, в то, что какой-нибудь «недоразвитый казах» может написать изящный классический вальс. И что написать настоящий вальс способен лишь представитель развитой древней культуры с традициями. Очевидно, себя-то он и подразумевал под представителем этой самой культуры.

– Не согласен с тобой, Иван, – сказал Фил. – Если у человека есть талант и желание, он может многое. Приведу тебе пример. К нам в страну приехал один французский композитор, стал у нас жить. И написал такую африканскую музыку, которую от нашей родной не отличишь. Мы все ее поем и слушаем, как свою собственную.

Фил помолчал, очевидно, закуривая, и продолжил:

– А как ты, Иван, объяснишь тогда такой факт: я, человек, недавно, по-твоему, слезший с дерева, слушал в Римском соборе хоралы Баха – и плакал?

Инна, замерев с утюгом в руке в соседней комнате, сначала сильно удивилась, однако спустя пару мгновений вспомнила недавний рассказ Фила о своем детстве...

Ну, так пусть и читатель знает о том, что Фил учился в католической школе. И не только учился, но еще и пел – то есть был очень преуспевающим мальчиком-хористом! В те совсем еще юные годы он был религиозным мальчуганом. Причем, весьма убежденным. И потому совсем не удивительно, что он поступил еще и в семинарию и мечтал стать священником!

Но когда в начале шестидесятых (Фил тогда учился в пятом классе) в его стране начался серьезный левый переворот, мировоззрение юного африканца вдруг неожиданно изменилось. Он довольно-таки резко оставил свои религиозные занятия, осознав, что гораздо больше пользы своему народу он принесет не в церкви, а на политическом поприще!

И Фил, недолго думая, встал на тот новый путь, который только что избрала его страна! Фил вступил в молодежную организацию Национального революционного движения и принялся руководить молодежью в одном из округов своей любимой страны. Его искреннюю активность быстро заметили лидеры молодежи, и Фил стал помощником правительственного комиссара в департаменте Н.

Фил настолько проникся «делом трудящихся масс», что уже в 1970 году (когда Филу было лет двадцать пять) он стал членом государственной партии труда, и принимал участие во всех политических боях!

А в 1974 году Фил поступил на журфак МГУ и влюбился в Инну...

...И вот тут мы нарушим ход нашего повествования и вкратце расскажем о том, о чем Инна в студенчестве знать не могла! Да и Фил еще не знал...

После окончания университета, когда Инне с Филом пришлось расстаться навсегда (хотя они так не думали, но!), и Инна отбыла в свой родной город; Фил продолжил свое образование в Стране Советов – и заслужил степень доктора наук в области информации МГУ имени Ломоносова!

Остается только перечислить, КЕМ был Фил в своей стране до самой его смерти, забравшей Фила в семьдесят лет...

Фил остался в памяти своего народа выдающимся организатором! Он был и членом Центрального комитета Союза социалистической молодежи своей страны, заместителем редактора государственного телевидения, советником по социальным и культурным вопросам в отделе печати, пропаганды и информации.

А, кроме того, Фил был начальником отдела исследований и планирования генерального директора печатной прессы страны, генеральным секретарем редакционной коллегии журнала с названием страны, генеральным директором государственного информационного агентства и супрефектом одного из районов своей страны! И везде деятельность Фила называли блестящей!

Вот какой незаурядный темнокожий мужчина достался Инне! Но, увы, на время...

...Инна, замерев с утюгом, представила себе плачущего над хоралами Фила и чуть не зарыдала сама – от любви и удивления. А Фил еще не закончил:

– Значит, я, черный человек, сумел проникнуться чуждой мне классической музыкой. А давай посмотрим, сможешь ли ты, культурный человек, понять нашу африканскую музыку? – И Фил зашуршал пластиками.

«Ай да Фил!» – Взвизгнула про себя Инна и при первых звуках музыки смело вошла в комнату Фила, справедливо полагая, что эта «интеллектуальная» беседа вряд ли может иметь продолжение.

Музыка звучала громко, Фил подпевал тенорком, а Инна, давно адаптированная к непривычным для белого уха диссонансам и даже находившая в них своеобразную гармонию, наблюдала за Иваном. Иван кое-как запрятал недоумение, стал понимающе хмыкать, кивать, улыбаться и даже жестами показывать – во! Однако мину примерно через шесть он взглянул на часы и, как бы вспомнив что-то, фальшиво проорал поверх музыки:

– Старик, прости! Совсем забыл! Мне пора бежать! Консультация! – И бедолагу Ивана прямо-таки вынесло из блока. Народная музыка иногда помогала Филу избавиться от непрошенных гостей. А Инна с Филом под эти гармоничные африканские диссонансы стали смеяться и фер-ля-мур.

Без сомненья, Инна по-своему любила Фила. Но вся беда была в том, что ее любовь оказалась географически лимитированной. Граница ее совпадала с границами Москвы. Фил при этом мог уезжать, куда вздумается – во Францию, в Польшу, в свою Африку, наконец, – и все бывало в порядке: Инна как бы умирала от тоски. Но стоило Москву покинуть самой Инне, как влияние Фила мгновенно улетучивалось. Как будто его африканское колдовство не могло пересечь столичных границ! Особенно остро это ощущалось в Иннином родном сибирском городе Г.

Проводя каникулы среди родных и друзей и постепенно адаптируясь к исключительно светлокожему окружению, Инна начинала воспринимать свою любовь к Филу как нечто чужеродное, как некий парадокс, с ее жизнью никак не совместимый. Просто-таки нонсенс! Инна тщицалась представить себя рядом с Филом, скажем, на главном проспекте Г. – и выходила какая-то ерунда. Не представлялось, не вписывался Фил никаким местом в эту (в столице, впрочем, вполне естественную) ситуацию. И тогда Инна начинала думать, что с Филом надо завязывать, находить себе какого-нибудь завалящего москвича и как-то в этой жизни устроиваться.

Исходя из всего этого, Инна время от времени от Фила уходила и ударялась в поиски. Иногда эти поиски были вполне платоническими, а иногда и не очень.

Местами возникала реальная возможность выйти замуж, но всякий раз наступал момент, когда что-то в Инне орало: «Хватит! Не могу без Фила!» И тогда Инна чуть ли не в халате и домашних тапочках впрыгивала в такси и мчалась в высотку, яростно нашептывая: «Ах, Фил, Фил! Ах, дура я, дура!»

Фил каждый раз прощал Инну, хотя понять причину ее уходов и тем более приходов не мог. И все же на четвертом курсе он сделал ей вышеуказанное предложение, поставив Инне условие хорошо вести себя на пятом.

Но поскольку ни в какие свои отъезды Инна не верила (вы уже знаете, почему), то как раз на пятом-то ей и пришла в голову блестящая идея: выйти замуж за москвича. Потому что в столице, думала она, ей будет легче прожить без Фила, чем в каком-нибудь Г.

Некоторые Иннины друзья, не разделявшие ее привязанности к Филу, эту идею с удовольствием оценили. Правильно, Инуля, сказали они, чего тебе – наших мужиков мало? У нас же есть, знаешь какие мужики – ого-го! Инна знала, какие у нас есть мужики, но она как бы любила Фила и потому мужик ей был нужен – фиктивный. Пусть даже алкоголик какой-нибудь, согласный в уплату за штамп получить и тут же употребить ящик водки.

И вот, наконец, не разделявшие Иннину африканскую страсть друзья отыскали курсом младше некоего Севочку. Маленький юркий москвиченок Севочка жениться не собирался, зато мог оказать услугу. Любую. Причем, совершенно бескорыстно, исключительно из любви к искусству услуг. Севочка нашел для Инны вариант и как-то, выловив ее на факультете, шепнул с уместной таинственностью:

– Сегодня в шесть-ноль-ноль встречаемся у памятника Пушкину.

Севочку Инна знала маловато и для уверенности позвала с собой того самого Васю Косолапова, который познакомил ее, на свою голову, с Филом и теперь был несказанно рад ее с ним развести.

От Пушкина поехали на метро куда-то далеко – Инна этого района не знала. Потом шли пешком – недолго. Севочка гремел ключами от квартиры Дмитрия Петровича (так звали жениха) и объяснял, что тот подстраховался ключами на случай, если вдруг задержится на работе.

А работа у Дмитрия Петровича оказалась очень ответственная и серьезная – строительство объектов к надвигающейся Олимпиаде 1980 года. Дмитрий Петрович, объяснил Севочка, в этом самом строительстве имел немалый вес. Тут в Инну закралось сомнение. Зачем бы это солидному Дмитрию Петровичу понадобился фиксбрак, но спрашивать пока ни о чем не стала, справедливо полагая, что все разрешится в свое время и само собой.

На звонок никто не ответил, и Севочка привычно открыл дверь. Квартира оказалась малюсенькой однокомнатной хрущобой. Очевидно было, что здесь только что сделали ремонт, но не до конца, потому что в комнате все было свалено, как придется. Зато кухня дышала живым деревом – темным настоящим деревом от пола до потолка. Кухонный стол тоже был деревянным, темным. И стояли лавки.

Инна, Севочка и Вася, закурили и принялись ждать хозяина. И тогда Севочка сказал виновато:

– Инна, я тебя немножко обманул. Дмитрий Петрович – мой старый друг. Он года три назад развелся со второй женой, разменял квартиру, а сейчас снова хочет жениться. Не фиктивно, а по-настоящему. Надоели, говорит, московские шлюшки, найди мне, говорит, Сева, хорошую девушку из провинции. И когда я тебя увидел, решил, что надо вас познакомить.

– Не бери в голову, Севочка, – сказала Инна, несколько, впрочем, ошарашенная. – Может, оно и к лучшему. Денег за штамп платить не надо. Если он мне, конечно, понравится.

***

Внешне Дмитрий Петрович оказался хоть куда. Лет ему было примерно сорок пять – это Инна как раз любила. Ничего был и рост. А лучше всего – роскошный русский чуб, зачесанный назад волнистым коком, которым Дмитрий Петрович, похоже, гордился и немного пижонил.

Было очевидно, что и Инна произвела на «жениха» благоприятное впечатление. Теснясь в крохотной прихожей, они все вместе просунули головы в захлавленную комнату, и Дмитрий Петрович обратил внимание Инны на огромный шкаф темного дерева и старинной работы.

– Этот шкаф, – гордясь, сказал Дмитрий Петрович, – стоит столько же, сколько «Жигули». Антиквариат!

– А «Жигули» у вас уже есть, – скорее подтвердила, чем спросила Инна.

– Нет, «Жигули» мне ни к чему. Я их продал, – отозвался Дмитрий Петрович. – Это роскошь, недостойная русского человека.

И вообще я – аскет.

«Дурак ты, а не аскет», – подумала Инна.

А Дмитрий Петрович в доказательство своего аскетизма, между тем, провел их всех на балкон, который почему-то находился на кухне. Там у него была растянута туристическая палатка со всем необходимым для ночной жизни: раскладушка, спальный мешок, фонарик и даже электричество.

– Вот тут я ночую с апреля по сентябрь, – скромно сказал Дмитрий Петрович, – и потому – здоров и бодр.

Да-а, перед Инной был уверенный в себе мужчина со сложившимся и раз навсегда утвержденным взглядом на вещи. Имеющий к тому же два развода. Инне было о чем задуматься. А, впрочем, это были еще цветочки.

Стали накрывать на стол. Мальчики для душевного расположения прихватили с собой бутылку водки и сухенькое для Инны. В тот вечер Инна не отказалась бы и от водки, но нужно было производить впечатление скромной и славной девушки из провинции.

У Дмитрия Петровича нашлись колбаса и сыр, и Инна взялась их нарезать – как-никак женщина в доме. Однако, увидев, как она режет, Дмитрий Петрович перепугался:

– Девочка моя, кто же так режет!!! – Волновался он. – Надо же по-русски, большими ломтями. Вот так! – И он показал, как это делается по-русски.

Потом Дмитрий Петрович достал большую бутылку, сообщил, что мы – русские – пьем водку только из четверти и аккуратно вылил туда поллитра. Водки сразу стало как бы мало. Вася опечалился, но, взглянув, на увядающую Инну, украдкой шепнул:

– Инуля, по-моему, тебе плохо. Если плохо, скажи, я дам ему в ухо.

– Рано, – ответила Инна одними губами.

Пили, конечно, по-русски – из граненых стаканов (ударение на последнем слог), никаких рюмок и тем более буржуйских фужеров Дмитрий Петрович не признавал. Для Инны он тоже не сделал исключения – сухое вино ей подали в граненом. А, впрочем, это-то как раз было неважно, ибо фужеры в общежитии водились разве что у домовитого Васи. И у Фила. Вот тут у Инны первый раз потянуло сердце.

А Дмитрия Петровича меж тем несло.

– Мои молодые друзья, говорил он, – давайте выпьем за Россию. Мы с вами подружимся, ведь мы же все, я вижу, русские люди! Я приглашаю вас к себе на Первое мая. Я буду открывать в этой квартире «Уголок России», здесь соберутся лучшие люди Москвы. Я буду одет в русскую косоворотку и плисовые шаровары. А еще из театра Моссовета мне должны подогнать русские по духу сапоги...

«Русские по духу сапоги – это высоко!» – Про себя хихикнула Инна.

Потом Дмитрий Петрович принялся осуждать советскую молодежь за преклонение перед проклятым Западом. Инна сидела ни жива, ни мертва, хотя особого преклонения перед Западом в те годы не испытывала, а даже, напротив, иногда лениво поругивалась с Филом, защищая завоевания социализма и самую честную в мире советскую печать.

Далее Дмитрий Петрович рассказал молодым друзьям все плохое, что он знал о джинсах. Мальчишки стали прятать ноги под стол, а Инна порадовалась, что на ней вроде бы и джинсы, но не совсем: черные, велюровые, подарок Фила. Тут сердце потянуло второй раз, и Инна обругала себя идиоткой. Надо было, подумала она, надеть старые, вытертые, и тогда, возможно, не пришлось бы сидеть тут и выслушивать весь этот русофильский бред.

А Дмитрий Петрович, между тем, проезжался по всему, чему только можно, чуждому для настоящего патриота своей Родины: по их музыке, их литературе, их изобразительному искусству. Вася уже устал спрашивать у Инны, не пора ли разбить Дмитрию Петровичу его самодовольную морду, но Инна, невзирая на все усугубляющуюся печаль, такой строгой меры не санкционировала.

Стоит ли говорить, что, тепло распрошавшись с Дмитрием Петровичем, подарившем Инне свою визитку и обозначившем час ее звонка к нему (сам он в общежитие ни за что бы не дозвонился), наши молодые друзья доехали на метро обратно до Пушкинской, вышли на Горького (ныне Тверская) и отправились прямехонько в Елисеевский, который, к счастью, еще работал. Они набрали чью-то полную сумку сухого и – эх, гуляй! – взяли такси до Ленинских (ныне Воробьевы) гор.

Об Инниной поездке в высотке знали многие, поэтому обсуждение было бурным, шумным и горячим. Единогласно решили, что Дмитрий Петрович, безусловно, еще тот нудак, но Инне все же следует хорошенько подумать, прикинуть и рассчитать.

Однако Инна ничего рассчитывать не стала, она вдоволь напилась сухого вина, демонстративно порвала в клочья визитку «жениха» и пошла к Филу фэр-ля-мур, объяснив ему, что была на дне рождения у своих столичных родственников. А поскольку эти родственники у Инны действительно водились, и Фил об этом знал, то никаких дополнительных вопросов Инне не задал.

Однако уже назавтра Филу про Иннину поездку донесли. Говорили даже, что донес именно Вася Косолапов. Очевидно, к происшедшему немало чего присовокупили, потому что Фил как с цепи сорвался.

Он как раз успел написать свой диплом, и поэтому времени для того, чтобы срываться с цепи, у него было предостаточно. Фил окружил себя разными халявщиками, какими-то посторонними девицами, по меньшей мере, двух рас – и Инна только успевала переваривать донесения якобы очевидцев. Рассказывали, что в комнате Фила и днем, и ночью творится ТАКОЕ, что просто стыдно рассказывать. Никто и не рассказывал, и Инна так и не узнала, какое же ТАКОЕ происходило в комнате у Фила.

А Фил, между тем, заходил к Инне практически каждый день. Чаше пьяный, чем трезвый. Чаше на одну минуту, чем на две. Уходя, оставлял ее в длительной истерике и не возвращался, чтобы успокоить. Разговоры их были более чем однообразны. Инна спрашивала, что происходит, Фил отвечал, что никому не верит. И мне? А тебе – в особенности.

Более того, Фил, невзирая даже на каких-то светло-коричневых девиц на своем подоконнике, который был виден Инне из ее окна, Инну проверял! И однажды даже дал в ходе проверки по физиономии. Это случилось как раз накануне того дня, с которого мы начали свое повествование.

Был у них – Инны, Галочки и Аглаи – общий любимый друг и однокурсник Хайле с Ближнего к нам Востока. Короче, араб. Они еще на первом курсе, поигрывая в дружную интернациональную семью, побратались и посестрились, и поэтому Хайле считал своим национальным долгом время от времени устраивать «сестрам» красивую жизнь. У Хайле тоже была комната в высотке, однако пользовался он ею лишь изредка, обитая, по большей части, у московских девиц или снимая квартиру. Поговаривали, что Хайле – наверняка шпион, а иначе откуда у него столько денег?! Но доказать эту сплетню нельзя было никак.

Красивая жизнь, которую Хайле устраивал «сестрам», выглядела так: он выходил из лифта в холл, всегда веселый, бодрый, огромный и толстый, с большим черным кейсом в руках и командовал: «Инуля, Галка и ты, Аглая, за мной!»

Кейс обыкновенно оказывался набит каким-нибудь захватывающим киром из «Березки», занимательной закуской и блоками «Кента», который Хайле исключительно курил. И который курили все, кто набивался в этот час в маленькую, но чрезвычайно вместительную комнату Хайле. Халява, сэр!

Хайле вроде бы ничего не делал, но ему было дано создавать вокруг себя такую особенную атмосферу. в которой все вокруг начинали чувствовать себя абсолютно свободными он внешней жизни и собственных проблем людьми. Веселую жизнь Хайле обыкновенно приурочивал к выходным, когда на этаже вечерами бушевали танцы. Хайлевы гости пили, закусывали, курили «Кент», ржали как сумасшедшие, уходили танцевать парами, тройками или все вместе.

И в какой-то момент Хайле с Инной случайно остались вдвоем. А поскольку все двери были настежь, то к ним случайно же зашел Фил и, оценив обстановку, с порога полез в бутылку:

– Хайле, – строго сказал Фил. – Это моя девушка!

– Я знаю, – спокойно и весело ответил Хайле, а Инна присовокупила:

– Никто и не претендует.

– А ты, женщина, молчи! – Уже не просто строго, а грозно сказал Фил и снова обратился к Хайле. – Ты знаешь, я могу тебе сейчас дать, и мне ничего за это не будет, потому что я иностранец.

– А я, по-твоему, кто? – Расхохотался Хайле.

Фил ничего на этот справедливый вопрос не ответил, схватил Инну за руку и потащил за собой. Инна не сопротивлялась, а, напротив, пыталась улыбаться, чтобы создать впечатление трогательной прогулки влюбленных за руку по коридору. Однако по дороге она как-то исхитрилась всунуться к Галочке и прошептать, что ей (в смысле, Инне) сейчас будут «давать».

Фил кое-как дотерпел до Инниной комнаты и почти у самого порога так врезал Инне по физиономии, что она отлетела с визгом на свою – дальнюю от входа – постель. Фил занес над ней стул, и Инне, возможно, сей же час пришел бы конец, но тут в комнату влетела Галочка и разные прочие соседи. Фила обезоружили и, урезонивая, увели, а Инну стали дружно утешать. Словами и коньяком.

В результате всего этого кошмара Инна почувствовала себя заезженной пластинкой в пустой комнате – крутится-крутится по одной бороздке, а иголку сдвинуть некому.

Очень хорошо умела сдвигать сожительница и даже как бы подруга Аглая. Будь Аглая здесь, она бы уже понастроила столько разнообразных психологических конструкций, объяс-

няющих поведение этой «темной» лошадки, которая, по мнению Аглаи, была «умнее и хитрее всех нас, вместе взятых», что Инна, если бы и не сдвинулась с заезженной бороздки, то, по крайней мере, нашла бы в себе силы начать свой диплом.

Но Аглаи не было. Аглая, пережевывая кучу каких-то старых газет семнадцатого, что ли, года, из которых должен был получиться ее диплом, отбыла пережевывать эту историческую кашу в свой родной южный город, где Аглаина мама растила грудного еще Аглаинового ребенка. Жизнь в столице у Аглаи тоже складывалась так себе. Но Аглая не унывала, поскольку в родном городе у нее прошлым летом появился «шанс». Вот она и ездила в родной город с завидной регулярностью – понянчить ребеночка и попасть «шанс».

А бедная Инна сидела одна в комнате, жгла ладан, курила, смотрела в окно и хотела застрелиться или отравиться. Потом смотрела на себя со стороны и соображала, что на этот раз нужно как-то сдвигаться самой. Пока еще в голове все окончательно не сдвинулось.

***

...В центре все таяло, хлюпало и слезилось. Именно в такую серую слякотную пору на Инну снисходил покой. Или, на худой конец, какой-нибудь слабенький его заменитель.

Подходя к факультету, Инна обнаружила на своем лице чей-то настойчивый взгляд. Взгляд был очень знакомым – в нем читалась тоска собачья. Инна догадалась, что взгляд, наверное, похож на ее собственный, отчего-то приободрилась и чуть было не кивнула приветственно. Однако лицо на Инну не среагировало, прошло мимо, и тогда Инна кое-как сообразила, что это был известный, но с ней лично незнакомый артист Станислав Любшин. То, что артисту Любшину тоже тоскливо, почему-то отчасти успокоило ее, и она вошла во двор факультета.

Факультет на фоне окружающей сырости выглядел облезло и плачевно. Его не спасала даже мощная фигура Основателя, на коленях которого Инна уже пятый год мечтала посидеть. Но колени были о-очень высоко.

Внутри оказалось, как всегда, в меру торжественно, в меру мрачно и чрез меры накурено. До конца пары оставалось минут десять – как раз, чтобы выкурить сигаретку. Инна обосновалась на площадке второго этажа и, потихоньку потягивая дым, раздумывала, как странно вот так, во время пары, стоять напротив учебной части и не бояться внезапного появления инспектрисы курса. Станным было и то, что простояв на этом клочке для курения целую вечность, можно было не увидеть ни одного знакомого лица. Все сидят по своим норам и пишут дипломы. Вот, как она, к примеру...

– Привет! – Инна даже вздрогнула. Обернулась, удивилась, обрадовалась. Валерка Витковский был однокурсник, москвич, телевизионщик. В первые три года учебы, когда их истязали физвоспитанием, Инна с Витковским занимались в одной и той же баскетбольной группе. И потому при встречах обычно не ограничивались дежурными приветствиями.

Инне всегда казалось, что они с Витковским чем-то похожи. У него было странное лицо – исправившегося хулигана. Внешне он почти всегда был весел, а глаза печалились. А еще у Витковского было одно исключительное свойство – он умел выворачивать свои суставы во все мыслимые стороны. Чем факультетских спортсменов очень забавлял. Этаким мальчик с печальными глазами – и на шарнирах!

– Много написала? – Спросил Инну Витковский.

– Шутишь! – Хихикнула Инна. – С руководителем приехала знакомиться. Вот жду конца пары.

И они почему-то заговорили... про лошадей, про конный спорт и всякий прочий туризм.

– Ей тридцать пять, она одинока, живет в Таллине, а чем занимается, точно не знаю, – Витковский рассказывал о какой-то своей знакомой. – Она ужасно любит путешествовать, каж-

в мировой моде. В том, естественно, виде, в каком эти самые веяния доходили до фарцовщиков. Впрочем, других способов приобщиться к мировой «высокой моде» у советского народа и не наблюдалось.

Тут надо еще сказать, что в дружеских отношениях Инны с фарцовщиками существовали и некоторые противоречия. Фарцовщики, с одной стороны, уважали Инну за не присущее им стремление к знаниям и завидовали ее временной, но законной стабильности. Полина жаловалась, что во время деловых знакомств постоянно забывает, кем она представляла Олега в прошлый раз. А с другой стороны, они по-дружески презирали Инну за ее неумение делать деньги. Наживать, как они говорили.

А Инна, с одной стороны, по-дружески завидовала их роскошному в сравнении с ней существованию, московской прописке и перспективам, гораздо более, чем у нее, связанным со столицей. А с другой стороны, она также по-дружески презирала своих друзей за то, что они не стремятся овладеть знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Впрочем, последнее больше относилось к Олегу, чем к Полине, которая была не только практична, но и умна, и поэтому понимала, что не пристало женщине всю жизнь заниматься фарцовкой и пару лет назад поступила учиться на какой-то заочный филфак.

Олег с Полиной Иннинному приезду несказанно обрадовались. Олег тут же засуетился, принялся потрошить папиросы, дружелюбно подмигивая Инне:

– Покурим?

Инна знала, что с этого непременно начнется встреча и все полчаса в метро уговаривала себя отказаться от анаши. Однако откуда-то вынырнула другая Инна, пихнула сердито нашу Инну ногой и грубо сказала: «Шла бы ты... Надо же иногда немного расслабиться!» Пришлось нашей Инне взять предложенную папироску.

– Взрываю! – Торжественно сказал Олег и щелкнул зажигалкой.

Инна глубоко затянулась, проглотила дым и, выдохнув остатки, сказала:

– Хороший план!

Олег успокоился и «взорвал» себе, затем Полине, потом включил музыку и улегся со своей папироской на диван – ловить кайф.

А Инна с Полиной, расположившись в креслах друг напротив друга, стали ловить свой кайф в изящной дамской беседе: говорили о кухне, о похудении, о тряпках, мужиках и литературе. Инне очень нравилось болтать с Полиной, и она обругала себя дурой за то, что так редко у них бывает.

Наконец, Полина поинтересовалась Филом. Инна с удовольствием поведала ей многое из того, о чем мы здесь уже рассказали. Излагать было нелегко, потому что анаша все время хихикала в Инне, перепутывала все мысли, приходилось то и дело куда-то отклоняться, а потом подолгу вспоминать, на чем она остановилась перед тем, как отклониться. Но с грехом пополам скорбная ситуация все же была, наконец, изложена. В образном и достаточно объемном виде.

Полина, несмотря на папироску, сделалась очень серьезной.

– Я думаю, – сказала Полина, – тебе нужно уехать с Филом. Хотя, с другой стороны, Африка... Что там у них сейчас с цивилизацией?... Опять же климат...

Полина принялась вспоминать известные ей примеры про девиц, отъехавших в Африку. Примеры были не очень утешительные, и они заехали в тупик.

– Ох, и дуры же вы, бабы, – философски заметил с дивана Олег. – Живи и живи себе, Инуля, как живется. Ты баба умная – куда-нибудь выплывешь. Давайте-ка лучше чего-нибудь пожрем!

Мысль Олега о выплывании Инны показалась накурившимся девицам необычайно глубокой и перспективной, а его предложение пожрать – весьма уместным. И они, изумляясь непреходящей мужской мудрости, направились на кухню.

Едва накрыли на стол, как прибыли еще одни гости – супруги Скворцовы. Юрий был тоже земляком наших героев и близким другом Олега. Он тоже не так давно обосновался в столице, но посредством честной женитьбы на московской прописке. Юрина «прописка» уже имела высшее филологическое образование, работала где-то в прессе и для души занималась фарцовкой. Звали ее при этом Лизой...

Скворцовым тоже дали по папироске и про Инну забыли напрочь. Она нисколько не обиделась, ибо проблемы фарцовщиками обсуждались наиважнейшие: сколько будет стоить с рук пропуск в Лужники, каким образом безопасней клеить фирму в специфических условиях Олимпиады, как выйти заму за иностранца (жениться на иностранке) и прочее. Инна вдруг настолько прониклась этими симпатичными заботами, что в ее слегка обкуренных мозгах завелась и никак не хотела выводиться дурацкая стихотворная строчка: я б фарцовщики пошла, пусть меня научат. Анаша хихикала в Инне, и это было гораздо приятней, чем изводиться Филом.

Когда проблемы предстоящей Олимпиады вчерне были обсуждены, а тарелки благополучно опустели, гостей, естественно, потянуло на философию. И они повели разговор о... социальном и материальном неравенстве при социализме!

– Я думаю, – сказал насытившийся Юра, – что нужно дать всем одинаковую одежду и одинаковую пищу. Каждый будет доволен, зная, что его сосед тоже ест хлеб, а не черную икру, например.

– Ой, да замолчи ты, – прошипела Лиза. – Ты же сам первый подвяжешь свои грязные штаны какой-нибудь замысловатой тряпкой. Чтобы выделиться и не походить на тупого соседа Колю.

– Ты думаешь? – Заколебался Юра.

– Ты уж тогда и породу такую выведи, – вдруг встряла Инна, – «человек довольный». Потому что в себе и окружающих ты никак недовольство не искоренишь. А недовольство, между прочим, двигатель прогресса, – нечаянно сказала Инна и подивилась своей мудрости.

– Вот-вот, – подхватила Лиза. – Ты сам-то чего же недоволен? У тебя куча денег, машина, тряпки, аппаратура, квартира, я, наконец, что немаловажно! А тебе все мало, ты все недоволен, все еще чего-то хочешь. А чего ты хочешь, за деньги не купишь. Вот поэтому я всегда говорю, что деньги – тьфу! – Лиза по-настоящему сплюнула. – К деньгам власть нужна!

Лиза не стала объяснять, для чего именно Юре нужна власть, но Юра опечалился.

– Ну, вот, власть, – сказал он. – А как же быть с недовольными? С теми, кто плохо живет?

– У тебя еще и о них голова болит? – Изумилась Лиза. – Бедняжка ты мой! Ты не о них, а о себе да обо мне лучше заботься. Вот, кстати, посмотрите, как я сегодня позаботилась о себе. Раскрутила одну американку и совсем недорого сделала себе вот эту юбку! – Лиза прошлась по комнате, кокетливо покрутилась.

Обсуждение достоинств юбки и Лизы в юбке заняло примерно минут двадцать. Инна тоже усердно обсуждала, чувствуя, что юбки-то ей, в сущности, и не хватало для того, чтобы окончательно укрепиться. Зато теперь вполне было можно возвращаться к своим баранам. Сравнение Фила с баранами показалось Инне настолько уместным, принимая во внимание то, что произрастало на голове у Фила, что всю дорогу в метро она над ним похихикивала. Благо, поздний вагон был пуст, и коситься на Инну поэтому было некому.

***

...Фил нетвердо перемещался в узком пространстве коридора. На шее у Фила изысканно зависала некто Ирина – девица с поразительно красивой фигурой и на редкость лошадиным лицом. Но зато, по слухам, из крутого дипломатического семейства. Рядом суетился главный общежитский прилипала – кабардинец Славик с бельмом на глазу, с ног до головы приодетый в Филовы шмотки. Очевидно, у Фила стало туго с дензнаками.

– Здравствуйте, мальчики и девочки, – искренне весело сказала Инна и вплыла в свой блок. Расчет оказался верным. Она была весела – и Фил ввалился следом. Один.

– О, Фил, как некрасиво, – укорила Инна. – Ты бросил Ирину. Так резко и прямо в коридоре. Девочка будет переживать.

– Там Славик, – мрачно ответил Фил. – Где ты была?

– Ну, скажем, в театре, – соврала Инна. – Очень веселый был спектакль – о пользе фарцовщиков и вреде алкоголизма. А в самом конце – про цирроз печени.

– Филя шатнуло, и он упал в кресло.

– Ты что, думаешь, что я пьяный? – Угрожающе спросил он.

– Что ты, милый, – Инна смело уселась к Филу на колени и поладила его бараньи кудри. – Ты совсем не пьян, Ты просто очень устал: от Славика, от джина, от московских девиц. А еще ты любишь меня и хочешь на мне жениться.

Фил согласно кивал головой в такт Инниним словам, но физиономия у него была растерянная. Еще бы, она не орала на него, не билась в истерике. А он был по-мужски прав. И любил ее любовью мужа, а, может быть, еще сильнее.

– Ты не пей много, – Инна бережно вела Филя к двери, а то утром голова будет бо-бо.

– Нет, я остаюсь у тебя, – решительно сказал Фил впервые со дня доноса.

– Не стоит, милый, – Инна открыла дверь, – нельзя обижать своих гостей.

Запершись на ключ, Инна села за стол и посмотрела в окно. Там было уже совсем темно, но стреляться не хотелось. Она бесстрастно и безо всякого намека на утреннюю печаль рассматривала сверкающую ночными огнями столичную панораму, курила, неспешно перебирала в голове события и мысли минувшего дня, сортировала их раскладывала по полочкам – и вдруг с удовольствием ощутила, как внутри у нее все потихоньку устраивается.

Да и фиг с ней, с этой столицей, – думала Инна, и с Филом – фиг, и с его Африкой тоже. Стоит только засуетиться, себе же проблем и наживешь, поплыву, и правда, по течению – авось куда-нибудь да и выплыву... Да и Г., если разобраться, не самое тухлое место на свете. Зато уж мама как обрадуется!

Инна придвинула к себе стопку бумаги, взяла ручку и, сделав умное лицо, вывела название своего диплома. Такое же длинное и несурзное, как нос ее научного руководителя.

1993 год

Бедная Вика (Ироническая повесть)

I

– Вика? Здравствуйте, – голос в трубке был с характерной московской оттяжкой, мягкой ленью и легкой иронией. – Это Данелия говорит. Гавриил Александрович

Он вполне мог бы не представляться, поскольку его специфическую интонацию из Викиных знакомых мужского пола не повторял никто. А уж у нее на интонацию память была безошибочной. Как на несложную музыку.

– Какой еще Гавриил? – Вика как бы притворилась, что не узнала. – Архангел, что ли? Ну, здравствуйте, Гарри? Вы где?

– Я тут в гостинице неподалеку от вас. У меня есть сорок минут, и я мог бы...

– Можете, – перебила Вика. – Я уже ставлю кофе... – Вика положила трубку и подивилась себе. Вообще-то утренние звонки обычно вызывали в ней одно лишь раздражение. Ибо она полагала, что утро – не самая подходящая пора для телефонной болтовни. Даже для не первой молодости одинокой женщины. Но это же был Гарри! На него Викино раздражение распространиться не могло. Во-первых, потому, что Гарри был, что называется, «гость нашего города», а во-вторых, гость (для Вики, не для города) – желанный, несмотря даже на то, что всегда неожиданный.

Неожиданность Гарриных появлений как раз импонировала Вике. Гарри почему-то никогда не появлялся в те моменты, когда Вика, скажем, пыталась устроить личную жизнь или просто находилась в тупом уравновешенно-спокойном состоянии. Напротив, его командировки как бы специально приурочивались к колебательному состоянию Викиной нервно-психической системы, к стрессовым ситуациям, связанным со все усугубляющимся дефицитом общения, который возник в Викиной жизни как-то сразу и вдруг.

Это случилось в конце семидесятых, когда двадцатисемилетняя Вика вернулась в родной Г. на постоянное место жительства, влача за плечами почетный груз высшего столичного образования, а также воспоминаний о студенческой пятилетке качества знаний и количества друзей – и больше ничего. И никого.

Следуя материнским наставлениям, выросшим на почве «Морального кодекса строителя коммунизма», Вика все пять лет учебы пребывала в неколебимой уверенности в том, что «главное для женщины – это любимая работа, а остальное, доченька, приложится». Именно так любила говаривать наивная коммунистка-мамочка

Но надо сказать, что в такой же уверенности вместе с Викой пребывала и немалая часть ее московского окружения женского пола. (Сейчас их обозвали бы феминистками.) Эта часть как бы искренне полагала, что ей не к лицу «уж замуж невтерпеж», и потому поощряла разные амурные истории и даже внебрачных детей, а сам институт брака, наоборот, не поощряла.

Брак этой феминизированной части представлялся чем-то низким, недостойным образа настоящей деловой женщины и даже постыдным. Нестыдным и достойным было «посвящать» время «умным» беседам о разной литературе, смысле жизни и судьбах русской интеллигенции. Время же, которое в браке предстояло бы тратить на стирку и кулинарию, считалось пустым, глупым и просто убитым. Это даже однажды обсуждалось на семинаре по философии...

Поэтому к концу пятого курса замуж из Викиного окружения вышли только те «штрейк-брехерши», которые мечтали остаться в Москве. А те, кто не захотел «продать» свою свободу за московскую прописку (или просто не нашел, за кого бы можно было «прописаться») благополучно разъехались по городам и весям, указанным в документе о распределении на работу. Такая вот была для студентов в те годы в нашей стране лафа.

Вика, понятное дело, тоже мечтала в глубине души оказаться «штрейкбрехершей» и остаться в Москве, ибо только в столице она могла бы целиком и полностью предаться тому делу, которому хотела служить: заниматься переводами художественной литературы с известных ей иностранных языков и, может быть, даже обратно. У Вики, конечно же, были и свои, причем несомненные литературные способности, но выдумывать для их претворения в искусственно созданную реальность свои собственные сюжеты ей было лень. Или просто таланта не доставало.

Да и, считала Вика, не женское это дело – становиться профессиональным литератором. Ведь творчеству же тогда надо будет посвятить всю свою жизнь без остатка! А себе что в таком случае останется?

***

Но угнездиться в столице Вике, увы, не довелось: вдруг неожиданно и тяжело заболела мамочка, и Вика, как любящая дочь, вынуждена была распределить самое себя в родной Г. А впрочем, нехорошая эта причина, подумывала Вика в глубине души, была ей даже на руку: слишком уж много надо было в те времена на московскую прописку сил положить. А суетиться Вика не любила. И поэтому, невзирая даже на положительное отношение к ее переводческому творчеству в одном из толстых журналов, Вика взяла да и вернулась в родной Г.

И попала прямиком в среднюю школу – с иностранным, правда, уклоном. И принялась вместо желанных переводов заниматься педагогической деятельностью – обучать подрастающую поросль английскому и немецкому языкам. Но, к счастью, вскоре, примерно так через полгода, Вика с удовольствием осознала, что учительское дело ей в общем-то нравится. И обнаружила, что, кроме литературных, есть у нее еще и психолого-педагогические способности. Детишки ее во всяком случае просто обожали, а старшеклассники даже осмеливались влюбляться.

Но зато коллеги по работе (а были это в основном женщины – причем, по большей части, одинокие и умотанные жизнью или климаксом) относились к Вике без особой любви. И даже с некоторой, можно сказать, неприязнью. А впрочем, это было немудрено, ибо Вика, как ни тщила, не могла не выпадать из их устоявшихся представлений о характере, образе и имидже учительницы средней школы. Вика, как казалось коллегам, «строила из себя сильно умную»: то про книжку какую-нибудь никому не известную заговорит, то вздохнет начнет рассказывать (и анализирует ведь еще, засранка столичная!) о каком-нибудь спектакле или кинофильме... А бесед о простых, понятных и «глубоко человеческих» вещах (о погоде, мужьях, ценах, любовниках, детях и их болезнях, о дырах в семейном бюджете etc) поддерживать не желает. Сразу, бывало, заскучает и в методичку какую-нибудь уткнется.

Однако, несмотря на то, что общаться на интересные ей темы на работе Вике было не с кем, в школе она тем не менее особенно не скучала. А в иные многоурочные дни и думать забывала о том, что есть в окружающей жизни еще какие-то вещи и понятия, кроме школы и обожающих ее детишек.

Трудности начинались по вечерам, когда на Вику вдруг наваливалось отчаянное одиночество, которое действовало на нее так ослабляюще и угнетающе, что она не только за пределы дома, но и даже из своей комнаты выползать не хотела. Сидела себе, дымила как паровоз и крутила на стареньком проигрывателе какой-нибудь раздражающий родительское ухо «проклято-западовский» джаз.

Впрочем, от одиночества Вику иногда спасал младший и любимый брат Ника. Но он, увы, редко коротал вечера под домашней крышей: то очередную любовь крутил, то алкогольно расслаблялся где-нибудь с друзьями.

И бедной Вике ничего не оставалось, как, глотая скупую девичью слезу, строчить (подобно старой деве или какой-нибудь дореволюционной институтке) отменно длинные

письма подружкам, которые так же, как она, изнывали от одиночества и тоски по студенческому бытию вообще и столице, в частности.

***

Но прошел год, другой и третий – и письма стали делаться все реже, суше, короче. И писаны бывали уже совсем о другом: о мужьях, потом о детях и их болезнях, о дырах в семейном бюджете, о дефиците промтоваров и тому подобной муре. Тосковать все как будто потихоньку переставали.

Да и сама Вика потихоньку вроде бы утихомирилась, смирилась со своей провинциальной судьбишкой. А кроме того, нашла себе со временем способ для относительной самореализации и повышения самооценки: она принялась сотрудничать с местной молодежной газеткой, которая с радостью взялась публиковать ее пространные рецензии и прочие культурно-просветительские заметочки.

Круг Викиного общения таким образом заметно расширился, а чувство одиночества, к вящему ее удовольствию, спряталось где-то глубоко внутри и на поверхность выскакивало не слишком часто. А если уже оно сильно начинало ее донимать, то они с Никой брали бутылочку – и с удовольствием поливали Викино одиночество каким-нибудь сладким портвейном, справедливо полагая, что оно напьется допьяна да и снова уснет. Так оно и бывало.

Расслабляться, когда захочется, Вике с Никой никто теперь не мешал. Мать через год после Викиного возвращения из столиц ушла в мир иной, а отец, не переживший и полгода траура, тоже ушел. В мир другой женщины. Таким образом, большая трехкомнатная квартира целиком оказалась в Викином и Никином распоряжении, что дало Вике утраченную было (в сравнении с неподконтрольным студенческим бытием) возможность впадать время от времени в какие-нибудь околоромановые романы. И она даже начала подумывать об «уж замуж невтерпех».

Но тут случилась закавыка: в общении со своими ровесниками Вике почти сразу становилось скучно. А впрочем, ей и всегда почему-то казалось, что мужчины, в отличие от женщин, взрослеют, умнеют и одухотворяются гораздо позже, годам примерно к сорока. Только тогда они и начинают стоять того, чтобы взирать на них снизу вверх, как и положено девушке, – с чувством глубокого и полного уважения.

На ровесников же ей все время приходилось смотреть сверху. А о том, что она просто создана для того, чтобы подчиняться и служить, никому из ее партнеров и в голову не приходило. Ибо впечатление Вика производила совершенно обратное: она казалась независимой, самодостаточной и весьма успешной. Поэтому липли к ней, по большей части, мужчинки жалконькие, замученные кто рабочими проблемами, кто алкоголем, а кто и, как водится, женами. Сил у них хватало только на то, чтобы принести бутылочку, склонить «тонкую» Викину душу к жалости и затащить бодрое Викино тело в постель.

Неудивительно поэтому, что жалостливая Вика почти всегда оказывалась со своими «героями» сначала в постели, а уж потом начинала думать, во что это она опять вляпалась. Зато, если (в зависимости от произведенного на нее впечатления) она в кого-то из своих «героев» влюблялась, она с легкостью тут же прощала этим жалким плаксам и их комплексы, и интеллектуальную недоразвитость, и неумение общаться посредством душ.

Но прощала не навсегда. И более того – очень ненадолго. Ибо в перерывах между постелями и бутылками (да и в постели, впрочем, тоже) ей всегда хотелось поговорить. И не о дырах в чужом семейном бюджете или детских болезнях, а о чем-нибудь не бытовом, возвышенном и вечном.

И Вика просто-таки начинала умирать от казавшегося ей просто тотальным дефицита окрыляющего душу общения. Такого, когда говоришь и чувствуешь, что твои слова достигают не только ушей, но и мозгов собеседника, который в каждой твоей фразе угадывает тот именно

смысл, который ты в нее вкладываешь. И чтобы после беседы возникало такое неземное ощущение, что ты не только сама вербально и душевно отдалась, но и получила нечто большее, теплое и нужное взамен. И чтобы совершился таким образом круговорот энергии в процессе коммуникации. И чтобы это было то самое общение, которое, кажется, французский умник Монтень назвал главным сокровищем в жизни человека. И женщины, надо полагать.

Честно говоря, уверяла себя Вика, она бы с удовольствием поменяла на такое «неземное» общение любой самый улетный физиологический оргазм. Тогда она еще не подозревала, что такое, сексуально не отягощенное общение возможно разве лишь с самим Создателем... Ну, да Он ей и судья...

***

И вдруг в Г. откуда ни возьмись появился Гарри, который взялся общаться с Викторией именно так, как она об этом мечтала: в свободное от командировочных дел время он выслушивал периодически обессилевшую от недостатка энергетических инъекций Вика с такой внимательной искренностью и неподдельным (Вика, по крайней мере, не замечала никакой подделки) интересом, что, естественно, выходило, что очень скоро он знал о ней гораздо больше, чем она о нем.

Причем, Гарри, что было особенно приятно Вике, не просто ее выслушивал, он всегда все об-суж-дал, допрашивал о деталях и делал из ее дурацкой жизни какие-нибудь неожиданные выводы. А говорить с ним можно было, как с лучшей студенческой подружкой или случайным вагонным попутчиком, обо всем подряд! Равно о бытовом, и о вечном... Кроме того Гарри был на десяток лет старше Вики, и она иногда с радостью чувствовала себя рядом с ним полной дурой. И длилась вся эта благодать уже целых семь лет. С очень большими, правда, промежутками...

В сущности, если разобраться, Вика бессовестно эксплуатировала Гарри, но он никогда не жаловался и не только не избегал общения с Викторией, но каждый раз к нему с большой охотой устремлялся. То ли из адекватного Викину отношения к ней – из-за того же энергетического дефицита в его повседневной жизни, то ли от скуки гостиничных вечеров и вытекающего из командировочной жизни стремления к тарелке свежего домашнего борща.

...Раздумывая обо всем вышеизложенном, Вика вошла в ванную

и уставилась в зеркало, прикидывая, успеет ли до прихода Гарри нарисовать себе лицо гораздо более красивой, чем она сама себя считала, женщины. Ее отдыхающая от гнета косметики утренняя физиономия никого, как полагала Вика, не могла порадовать, кроме разве что шестилетней Анны, которая, впрочем, еще спала, выставив из-под одеяла круглую попку в белых трусиках.

Вика скептически изучила в зеркале свое увядающее отражение и решила, что сойдет и так – приятно побеседовать с Гарри вполне можно было и без макияжа.

П

С Гавриилом Данелией Вика познакомилась в местном театре в трепетный для него (театра, разумеется) момент. Решался вопрос почти гамлетовский: быть или не быть спектаклю театра на всероссийском фестивале, который (поскольку это было еще самое начало восьмидесятых) должен был прославлять героический образ рабочего человека на современной ему сцене.

Спектакль местного театра тематике фестиваля не очень-то соответствовал. Героический образ там был, но человек был не рабочий. Скорее, работник, притом партийный и довольно высокого ранга, что не мешало ему быть весьма и весьма положительным. Гораздо положительнее, чем все другие герои – тоже партработники-аппаратчики и тоже очень неплохие. В те времена это было нормальным явлением и в литературе, и на сцене.

Впрочем, героическая рабочая личность в спектакле тоже присутствовала, но – исключительно за сценой. О ней много говорили, даже передавали по трансляции ее мужественный голос, но на сцене эта рабочая личность так ни разу и не появлялась, совершая свои трудовые подвиги скрыто и ненавязчиво.

Таким образом, надо было решить сразу две проблемы: совместим ли описанный спектакль с тематикой фестиваля, и если – да, то соответствует ли его идейно-художественный уровень уровню фестиваля. Решить эти проблемы и пригласили критика Данелию из Москвы. Впрочем, главный режиссер театра, он же отец (или мать?) спектакля не очень волновался. Вернее, он волновался, но лишь до тех пор, пока Москва не дала добро на приезд в Г. своего человека. Ну, а раз уж критик едет в Г., то и спектакль автоматически едет на фестиваль.

В общем, Данелия должен был спектакль смотреть и обсуждать, а Вика это событие в своей газетке освещать, если результат обсуждения окажется для театра положительным. В положительности же результата Вику заверила завлит театра Длинная Ляля – Викина, по рабочей необходимости, большая приятельница. Ляле немного не хватало образования, и поэтому она высоко ценила свою дружбу с Викой, полагая, что она дает ей возможность расти над собой.

Смотреть спектакль в очередной раз Вика не собиралась. Она решила познакомиться с критиком до его начала, уговориться об интервью, а потом до обсуждения отсидеться в Лялином кабинетике.

***

Лялю и критика Вика обнаружила в фойе. Принаряженная по случаю московского гостя, изящно гарцующая на высоченных каблуках, Ляля радушно и свысока изгибалась над Данелией, стараясь от имени театра произвести на него благоприятное впечатление.

Вика осталась стоять на месте, ожидая, когда они, совершив круг почета по фойе и отдав дань фотографиям местных артистов, сами подойдут к ней.

А поскольку смотреть ей тут больше было особенно не на что, она издалека разглядывала московского гостя. Вика увидела, к примеру, что внешность Данелии находится в некотором противоречии с фамилией: признаков предполагаемого южного темперамента не обнаруживалось. Походка его была медлительной, плавной и лениво-спокойной.

Похоже было, что гость знает себе цену, и эта цена – высока. А когда Ляля с гостем были уже на подходе, это впечатление подтвердилось и выражением лица гостя: оно было настолько отстраненным и иронично равнодушным, что необходимая к случаю улыбка выглядела на нем не совсем уместной.

Однако не улыбаться он не мог. Ладно бы одна Ляля, но и Вика тоже смотрела на него сверху.

– А я-то всегда думал, что у меня хороший рост. Где вас выращивали, девочки? – Голос гостя оказался под стать внешности: с характерной московской отяжечкой, мягкой ленью и легкой иронией.

– Это все только наши каблуки, – Ляля говорила шутливо, но как бы и оправдываясь. Испугалась, видно, бедненькая, что обидела гостя своим ростом. И Вика, едва скрывая раздражение Лялиным неуместным оправданием, сказала:

– Нас выращивали в Г., а наши каблука на проклятом Западе. И вы должны испытывать восторг, стоя рядом с нами.

– А я и испытываю, – сказал Данелия, – и в подтверждение предлагаю составить мне компанию на спектакле.

Ляля, как тут же выяснилось, принуждена была смотреть спектакль вместе с критиком по долгу службы, и Вике ничего не оставалось, как присоединиться к ним. Не сидеть же весь вечер одной в Лялином кабинете.

В антракте Данелию перехватил главреж. Очевидно, с целью дальнейшего охмурения. А Вику Ляля утащила в свой кабинет, где озабоченно спросила:

– У тебя все дома?

– В смысле? – Вика собралась обидеться.

– Да не в голове, дура. А дома, ну, в квартире.

– А что?

– Да ты понимаешь, мне главный тонко намекнул Данелию попасть: ну, там накормить, напоить. Смотри, – Ляля раскрыла шкаф, – я винища прикупила, он сухое любит, я тонко выяснила. А повести его некуда.

– Как некуда? А к тебе?

– Понимаешь, – Ляля замялась, – если бы просто посидеть-потрепаться, можно бы и ко мне. А мне бы его еще на ночь пристроить. У тебя же есть свободная комната, а у меня Вова ревнивый.

Вова был очередной Лялин жених, который бы, понятное дело, в такую тонкую театральную ситуацию не врубился.

– Постой, а почему это ему ночевать негде? – изумилась Вика. – Не слабо вы московских критиков принимаете!

– Да это все гребаная администрация! – Ляля любила «ясные» выражения, считая, что ей, как завлиту, все пласты родного языка должны быть и понятны, и близки. – Не смогли пробить ему одноместный номер. Вернее, пробили, но с завтрашнего дня. А он уперся. Лучше, говорит, я у вас в кабинете переночую. А то я знаю, говорит, как это бывает: въеду в двухместный и там и останусь. А мне главный, знаешь, какую обструкцию может устроить?! Зато ты бы и интервью у него дома взяла, чтобы не торчать тут до ночи.

Это было соблазнительно, и Вика принялась звонить домой. Ника был уже дома, один, будущим гостям и связанной с ними выпивке обрадовался и сказал, что, по его скромным подсчетам, отец, который иногда забегал проверить, не шалят ли великовозрастные дети, сегодня не должен появиться.

***

Полдела было сделано, осталось лишь «уговорить принцессу», то бишь Данелию. А что Ляля будет делать, если Данелия не согласится ночевать в незнакомом доме, поинтересовалась Вика.

– А куда он денется! Посмотри, какие мы с тобой забойные девки! (В Лялином кабинете висело большое зеркало.) Ну, а если не согласится, у меня все равно совесть будет чиста. А он, дурак, пусть тогда спит здесь, с пыльными пьесами. Сдвину ему вот эти кресла...

Но сдвинуть Ляля ничего не успела – прозвенел третий звонок, и они помчались в зал.

– Ну вот, Гавриил Александрович, – затарахтела Ляля, усевшись рядом с критиком. – Мы с Викой обсудили, как бы не покидать вас до самого утра.

Брови Данелии медленно всползли и поместились где-то посередине лба.

– Вы что же, Ляля, собрались переночевать со мной в вашем замечательном кабинете?

– Хуже, то есть лучше, – ответила Ляля, и, подмигнув Вике, быстро зашептала ему на ухо.

А поскольку она шептала про Вику, то он на Вику и смотрел, легонько ухмыляясь в аккуратные усики...

Обсуждение спектакля прошло на высоком дипломатическом уровне. Данелия был изысканно корректен, отыскал в спектакле неоспоримые достоинства, а о недостатках сообщил так, как будто они были его собственные – и никого не обидел.

Вика слушала и изумлялась про себя его не наигранной внешней искренности, с удивлением вспоминая, как они только что, сидя в зале, потихоньку от Ляли посмеивались над многими несуразицами и спектакля, и пьесы, и даже пихали незаметно друг дружку в бок. Тогда-то Вику в первый раз и поразила в самое сердце эта их с Данелией согласная синхронность вос-

приятия, этот моментально возникший между ними сенсорный контакт, в котором примерно к середине второго действия и слова стали необязательны.

***

Поэтому, когда Данелия в заключение пожелал спектаклю успехов на фестивале, Вика так расстроилась и разозлилась, что, едва они вышли из театра, тут же, язвительно хихикнув, спросила, когда же он был действительно искренен: с ней в зале или с актерами на обсуждении?

– Это вопрос не для улицы! – вдруг ледяным тоном отрезал Данелия. – Вы же неглупая девушка, Вика, неужели не понимаете?

– А о чем с вами, Гавриил Александрович, можно говорить на улице? – беспокойно закокетничала Ляля, как бы испугавшись возможной ссоры.

– Да вот хотя бы о погоде. И кстати... – Он выразительно развел сразу оба локтя, предлагая им обеим посильную мужскую помощь в преодолении погодных условий. Лялина тяжелая сумка выразительно грекнула при этом на его, ближайшем к Вике плече. Помощь действительно была кстати, ибо вокруг заметал и буранил конец ноября, а льдистая после недавней оттепели земля так и звала с размаху треснуться о нее, скажем, затылком.

Ляля тут же с готовностью уцепилась за Данелию, а Вика, лелея нанесенную и непонятную пока еще обиду, помешкала, локтя как бы не заметив. Так бы она и мешкала до самого дома, если бы не высокие каблуки, не приспособленные проклятым Западом к сибирскому гололеду. Каблуки подвели, и Данелия едва успел свободной рукой ухватить ее за локоть, не уронив при этом сумки.

– Вот видите, – ответил он на ее вынужденное «спасибо», – не стоит так необдуманно обижаться в условиях гололеда.

***

Когда Ника распахнул дверь, замерзших и голодных театралов с порога обдало теплым духом жаренной на подсолнечном масле картошки и уютным Никиным басом, очень располагавшим к тому, чтобы прямо тут же, в прихожей, разлить по первой.

Ляля привычно закокетничала с Никой, и они пошли на кухню дожаривать картошку и резать Лялин еженедельный паек – колбасу по госцене из театрального буфета. А Вика пока повела Данелию в гостиную, усадила в кресло перед телевизором и попросила минутку поскучать.

– Я с удовольствием поскучаю, – сказал гость, – если вы не станете включать верхнего света и не сочтете за трудность согреть мне бокал вина. Я не люблю яркого света, – ответил он на вопросительный Викин взгляд.

– Я тоже, – пробормотала Вика, ощутив, что контакт, кажется, снова возникает.

– И все же почему вы так гнусно оборвали меня на улице? – спросила Вика, когда они синхронно отхлебнули из своих бокалов подслащенное горячее каберне.

– А вы разве не поняли?

Вика помотала головой и отхлебнула еще – для храбрости.

– Вы обвинили меня в лицемерии, а сами совершили маленькое предательство...

Вика, кажется, поняла и еще яростней замотала головой. Но он жестко продолжал:

– Мою реакцию на спектакль видели вы одна, я вам как бы доверился, а вы – такой бестактный вопрос, и при Ляле, – и он тоном отодвинул Лялю на такое от них двоих расстояние, что Вика чуть не разорвалась на неравные половинки: от гордости за сопричастность к нему, с одной стороны; и от некоторой «корпоративной» обиды за Лялю, с другой.

– Но ведь Ляля своя, в Лялю как в гроб, дальше не пойдет, – несвязно забормотала Вика.

– Да причем здесь «пойдет-не-пойдет», – поморщился Данелия.

– Дело-то вовсе не в Ляле, а в вас. Для Ляли все это вообще не имеет значения. Да вы и сами это знаете.

– Я-то знаю, – оторопела Вика. – А откуда знаете вы?

Он вместо ответа как-то непонятно усмехнулся, а у Вики вдруг аж голову повело – такая нахлынула на нее волна доброжелательного, но с легчайшим оттенком иронии понимания. Вику этой волной чуть не сшибло с ног, и она даже присела на низенький столик рядом с его креслом.

Ей вдруг показалось, что он знает все про ее нескладную жизнь. А чего еще не успел узнать, она была готова тотчас же ему выложить. И как она полгода кряду рыдала за престарелым письменным столом, оплакивая свою студенческую Москву; как недостает друзей, раскиданных распределением по нашей необъятной стране; и как иногда кажется, что она запросто может сойти с ума от того, что не с кем поделиться тем, что у нее случается внутри...

Но Викин душевный стриптиз отложила на неопределенное будущее всунувшаяся в темную комнату Лялина лихая физиономия, изрядно похорошевшая и повеселевшая от первых рюмок. Потом, в прямой пропорции к выпитому, она будет становиться сначала обиженной, потом ожесточенной, а уж совсем потом – агрессивно злой. И Нике срочно придется сажать Лялю в такси, громко, чтобы услышал шофер, запоминать номер машины, чтобы «расписную» Лялю, не дай Бог, куда-нибудь не увезли...

– Вы знаете, Гавриил Александрович, и ты моя маленькая птичка, что мы с Никой собрались на ... – Ляля кое-как успела проглотить любимое «ясное» словцо и исправилась, – я хотела сказать – за стол. Вы нам компанию не составите?

– Отчего же? – Данелия допил каплю вина из бокала и поднялся навстречу Ляле, которая, ухватив его за руку, повела прочь из комнаты.

– А вы не позволите называть вас за столом Гавриком или Гаврюшей, а то у меня уже сейчас язык заплетается. Как вас друзья называют? – тархтела Ляля.

– По-разному, – ответил Данелия, – но вашему языку удобнее всего, очевидно, будет «Гарик». Это самое короткое, что я могу вам предложить.

– Тогда я буду называть вас еще короче, если вы не возражаете – Гарри. По ассоциации со «Степным волком» (сноска – роман Генриха Гессе), которого вы мне почему-то сильно напоминаете, – сказала Вика.

– Каким еще волком, твою мать?! – рассердилась Ляля.

– Я не возражаю, – сказал Данелия, а глазами как будто шепнул: «Бедная, бедная Вика!».

***

Стол был обставлен разномастными стульями и табуретками и накрыт аскетически просто, но аппетитно: посредине благоухала сковорода «фирменно» пожаренного Никой картофеля, Лялина колбаса, хлеб и помидоры.

– Ну, давайте разгоним радиацию и увеличим количество эритроцитов в крови, – сказала Ляля, протягивая Нике для разлива очередную бутылку «Каберне».

– Это что же – тост такой? – беспредельно удивился Данелия.

– Ну что вы, Гарик, обижаете, – сказала Ляля. – Это в наших магазинах так «Каберне» рекламируют.

– Тогда давайте выпьем за рекламу, – Ника устал держать бокал на весу, он не любил тостов, предпочитая выпивать без лишних слов. И выпил.

– Напрасно вы так торопитесь, Ника, – с сожалением сказал Данелия. – Первый тост даже в чисто мужских компаниях настоящие мужчины пьют за прекрасных дам.

Это было не Бог весть какое откровение, но для «прекрасных дам» – неожиданно и непривычно. В Лялиной, театральной, и Викиной, газетной (куда ее частенько приглашали, а школьные бабские посиделки вообще были не в счет), компаниях о прекрасных дамах, если

и вспоминали, то значительно позже, иногда уже совсем к концу. И то лишь в тех случаях, когда между кем-нибудь из присутствующих намечалась связь или когда в компании появлялась свежая и недурная собой девица.

– Гарик, родной, позвольте я вас за это обლობызаю! —

Длинная Ляля перегнулась через стол, рискуя свалиться в жареную картошку.

Данелия протянул руку, твердо придержал склонившуюся Лялю и сказал:

– Обლობызаете после, Ляля, когда будете где-нибудь поблизости, – Ляля нетвердо села на стул, а Данелия, обведя всех троих смеющимися глазами, спросил:

– Что, действительно так плохо в Г. с настоящими мужчинами?

Ляля притворно всхлипнула, а Ника приосанился, налил себе еще вне очереди, поставил бокал на согнутый локоть, поднял его зубами и, запрокинув голову, опорожнил одним неслабым глотком.

– Ну, вот и молодец, – Данелия похлопал Нику по плечу, а Вике вновь послышалось: «Бедная, бедная Вика!».

– А интервью? – вдруг встрепенулась Ляля. – Вика, ты что, забыла?

– Ничего я не забыла, – Вика ощущала себя бедной, и Ляля вдруг стала раздражать ее. – Мы с Гарри уже наговорились.

– Нет-нет, Вика, Ляля права, – не согласился Данелия. – Пусть и Ляля тоже послушает мое настоящее мнение о спектакле. Распространяться об этом она, я думаю, не будет, ведь это же спектакль ее шефа...

– Мэтра, – пьяно встала Ляля.

– ...с которым ей еще работать, – закончил Данелия.

– Вот именно, Гарик! – Ляля задрала указательный палец к потолку, как бы восхищаясь прозорливостью Данелии.

– А этот спектакль, девочки, – мягко, как добрый учитель, сказал Данелия, – ни по большому, ни по малому счету никакой критики, конечно же, не выдерживает. Но, по еще большему счету, я думаю, плохи сами эти фестивали, которые, прикрываясь якобы высокой идеей, демонстрируют нашу посредственность. Но отменить фестивали не в моих, да и не в ваших силах, – Данелия сделал паузу и коротко, но внимательно взглянул на Вику. Да и, честно говоря, смотреть тут было больше не на кого. Из гостиной звучала музыка.

***

Ника с Лялей, утомившись длинной речью, выскочили из комнаты.

– Вы, кажется, хотите сказать, Вика, что мне лучше бы в этом не участвовать? Но, увы, это мой способ зарабатывать деньги. А если я встану в позу, как вы, я вижу, хотите мне предложить, то меня просто выкинут из системы. Конформизм, конечно... Но что поделаешь, я ничего не умею вне театра... Как же приятно, что в вашем доме звучат «Битлз», – неожиданно переключился он. – Пойдемте присоединимся.

Ляля в одиночестве пыталась нечто плясать, Ника силится не уснуть в кресле – было очень поздно. Вика с Данелией рядком сидели на диване и слушали молча. И Вика вдруг с радостным удивлением ощутила, что чувствует себя примерно так, как будто она только что провела с этим полужнакомым мужчиной бурную и вдохновенную ночь любви! Но только к ее внезапной радости, показалось ей, почему-то примешивалась и легкая грусть...

Наутро, а вернее ближе к обеду, когда Вика уже успела написать и отнести в редакцию (в школе у нее это был как раз так называемый «методический» день) бравурную заметку о первом и скором выходе местного театра на российскую арену, в которую элегантно вкрапливались высказывания Данелии, позвонила счастливая Ляля. К своей благодарности за блестящий прием и комфортабельный ночлег критика Данелии она присовокупила и признательность своего «мэтра». А Данелия, сообщила Ляля, без административных заминок вселился в одномест-

ный номер и передавал Вике привет. А впрочем, он сам тебе, наверно, позвонит, поскольку взял у меня все твои телефоны. Я говорила тебе, что мы с тобой забойные девки.

Почти сразу позвонил и Данелия. Он предложил Вике составить ему, как вчера, компанию на спектакль другого театра. Вика соблюла свое женское достоинство, покобенилась для приличия, но затем, как бы вспомнив о давно обещанной другому театру рецензии, дала согласие.

Нет смысла подробно описывать последующие вечера. Они были одинаковы: спектакль, медленная прогулка из театра по успокоившемуся ноябрю со славным тихим морозцем и рождественским снежком – и ах, беседы! Начинались они, как правило, с просмотренных спектаклей, а потом переходили к литературе: сколько тут было названо общих любимых авторов, полузапрещенных тогда, элитарных... Еще говорили о жизни вообще и о Викиной (да, больше говорили именно о Викиной), в частности. Словом, хорошее это было однообразие, Вика согласна была бы прожить в нем всю оставшуюся жизнь.

Но командировка у Данелии неизбежно заканчивалась. И вот он уже от всей души благодарил Вику за ее бескорыстное гостеприимство, за потраченное на него время, за чудесное общение, совершенно неожиданное для него в Г. А она в ответ говорила, что уж она-то знает, как скучно бывает командировочному человеку по вечерам в чужом городе. А что касается потраченного времени, то для нее это вовсе не трата, а скорее – приобретение, за что ему от нее большое пионерское спасибо. И Данелия отбыл в аэропорт.

***

А поскольку как раз наступал вечер, время, когда они с Данелией во все предыдущие дни (а было-то их всего три – тьфу, наплевать и забыть!) шли в театр, то Вика в театр и пошла. К Длинной Ляле.

– Ляля, – сказала Вика, закурив сигарету, – что-то мне очень сильно хочется выпить. А тебе?

– Давай, – согласилась Ляля. – А где?

– Пошли ко мне, – сказала Вика, – авось отец сегодня не нарисуетя.

И они пошли, взяв по пути сколько надо бутылок «Каберне», от чего Вика тут же затосковала:

– Как надоело, – сказала она, – расставаться с хорошими людьми...

– Да, мне тоже Данелии будет не хватать, – поделила Викину печаль Ляля. – Так надоело наше Г.-ское жлобье! Так вот и живешь от критика до критика, от разовика до разовика, – Ляля имела в виду заезжавших на одну постановку режиссеров.

Ключи от квартиры позвякивали где-то глубоко на дне сумки, и Вика, слыша за дверью мужские голоса, постучала – звонок давно и упорно не работал. Голоса смолкли, зато послышался отдаленный, но весьма характерный перезвон стекла, и через некоторую паузу дверь распахнулась.

– Ф-фу! – облегченно выдохнул перегаром Ника. – А мы уж думали – отец!

Из комнаты со смиренным облегчением выползали Шурик и Юрик, Никины друзья-собутельники. А впрочем, общие друзья. Так уж повелось с тех пор, как Вика с Никой стали жить вдвоем. Выгонять Никиных друзей Вика как бы не имела права – квартира-то общая. Но, имея статус старшей сестры, иногда выражала недовольство и разгоняла-таки Никины мальчишники. Но иной раз к ним, если честно, и присоединялась, поскольку на разгон выпивающих «сопляков» требовались кое-какие силы, а черпать их Вике было как бы неоткуда.

– Ты не возражаешь, – спросил Ника, кивнув на Шурика с Юриком, – к нам присоединиться?

– Сегодня не возражаю, – сказала Вика и погремела сумкой.

– Я же всегда говорю, что Вика – человек! – радостно сказал Шурик.

– Наш человек! – присовокупил Юрик, восхищенно глядя на сумку.

Выпили безо всяких тостов раз, другой и третий. И завелся душевнейший разговор о том, кто, когда и сколько, и с кем, и как ходили к таксистам, и как мальчишки попадали в вырезвитель, и как однажды суровая Вика вылила остатки в раковину, чтобы не перепить, и как... Бог знает, до чего еще довоспоминались бы, если бы Ника вдруг не возопил:

– А кстати! – он даже пристукнул кулаком по столу. – Где наш друг Данелия? Почему он не с нами в этот час?!

– Наш друг Данелия в этот час уже всю летит над нашей необъятной Родиной, – пояснила Вика.

– А почему мы не попрощались? – обиделся Ника. – Давайте тогда хоть выпьем за него – за мягкую посадку! Вот такой мужик! – Ника показал Шурику и Юрику, какой именно.

За это даже чокнулись, и вдруг раздался стук в дверь.

– Отец! – прошипел Ника. – Убирай со стола компромат! – И пошел на цыпочках открывать.

Все напряглись, стараясь протрезветь, и засуетились тихо, убирая.

– Отбой! – заорал Ника из прихожей. – Вика! Иди сюда, ты сдохнешь от удивленья!

Вика вышла и действительно сдохла. В дверях стоял Данелия с большой черной сумкой в руках и как-то странно улыбался.

– Гарри! – сказала Вика. – Вы опоздали на самолет?

– Нет, – ответил Гарри саркастически, – это самолет опаздывает. И очень сильно – до утра. И мне ничего не остается, как вновь просить у вас прибежища, ибо номер я сдал.

Набежавшая Ляля, повизгивая, принялась раздевать Данелию, потащила его на кухню, где все уже снова стояло и даже было разлито по рюмкам.

– Штраф-ну-ю! Штраф-ну-ю! – скандировали Шурик и Юрик, и Ника налил Данелии полный стакан вина.

– А следующий мы вам согреем, – шепнула Вика Данелии.

– Тост «за мягкую посадку» временно отменяется. Пьем за своевременный отлет! – провозгласил Ника.

О чем говорили дальше, думаем, понятно. Правильно, о беспорядках в аэрофлоте, о нехватке керосина, о том, кто, когда, где, сколько и с кем сидел, о боковом ветре, о взрывах двигателей при взлете и посадке, об ожидании багажа, более длинном подчас, чем сам полет, об авариях и угонах самолетов, об очередях за авиабилетами и прочим дефицитом, о том, что в наших магазинах ничего не купишь, о том, какой у нас вообще везде бардак и закончили каким-то культовым антисоветским анекдотом, который с удовольствием и без купюр рассказала Ляля.

***

Однако чем шумней становилось за столом, чем меньше оставалось непечатых бутылок, тем, как ни странно, больше мрачнел Данелия. Он уже несколько раз вставал и уходил в гостиную к телевизору, откуда бывал с позором возвращаем Никой, Викой или Лялей, а то и сам возвращался, когда там становилось больше трех. Он явно искал уединения, но этого уже никто не мог понять. И Вика тоже. Она вдруг обнаружила, что ему некомфортно даже с ней вдвоем, что разговор у них не склеивается, и никакого контакта не возникает.

Данелия был напрочь выключен из ситуации. И, несмотря на подогретое вино, включиться в нее не хотел или не мог. Да и сама ситуация Данелию как бы отвергала. Ведь ему положено было сидеть в самолете и стремиться в свой дом, а не сидеть в чужом доме и стремиться в самолет.

Вика предложила разогнать компанию, стала искать какую-то свою вину в происходящем. Словом, ударилась в комплексы.

– Перестаньте, Вика, – поморщился Данелия, – вы тут совсем ни при чем.

– Ах, уже и я ни при чем! – спьяну вспылила Вика, пошла и села на колени к Шурику и на Данелию как бы больше не обращала внимания.

А потом была какая-то музыка – нет, не «Битлз», какие-то танцы, кто-то кого-то обнимал и целовал, Ляля уходила в другую комнату с Юриком и быстро оттуда возвращалась, а затем вдруг оказалось, что все уже разошлись, Ника спит на неразобранной постели в своей комнате, Данелия уложен в Викиной, двери их комнат плотно прикрыты, а сама Вика автоматически моет посуду, чтобы утром проснуться и сделать вид, что накануне в этой кухне ничего не происходило.

Вика, пошатываясь, мыла посуду, а внутри нее в это время происходило нечто странное: она обидела Данелию, вдруг пришло ей в голову, и должна перед ним извиниться. Он, конечно, вел себя как самый размахровый эгоист. Вместо уместной благодарности выставлял напоказ свое настроение и унижал этим ее, Вику. (Вика уже забыла, что Данелия честно искал уединения.) Но и она хороша – взяла и обиделась на человека, обиженного аэрофлотом. Да еще и благодарность ей подавай. Кретинка! А вдруг он сейчас лежит там, печальный и одинокий, и ждет ее? Вика аж поперхнулась от такого оборота мыслей – она как раз выпила остатки вина из чьего-то бокала.

В комнате было темно и тихо. Вику штормило, но это была ее комната и ее постель, до которой она могла доползти в любом состоянии. Тем более сейчас, когда ее ждал (это она так думала) Данелия. Она присела на край постели, поежилась от холода (комната была балконная и ветренно-вьюжная, а на ней была одна лишь рубашечка) и потрогала его за плечо, представляя, как сейчас юркнет к нему под одеяло и умрет от тепла и ласки.

– Что это вы такое себе придумали, Вика? – сказал Данелия совсем не сонно и осторожно убрал ее руку со своего плеча. – Идите отдыхать. Все было хорошо. А сейчас нужно спать. Спокойной ночи, Вика.

– Ну, ладно, если вам от этого будет спокойно, – и Вика гордо, как ей показалось, вышла из комнаты.

Упала на диван и укусила подушку. Наутро, когда Вика проснулась, Данелии уже не было.

III

Вика отошла от зеркала, заглянула еще раз в комнату – Анна и не думала просыпаться, – зачем-то затянула потуже пояс длинного черного халата и пошла варить кофе. Ощущение стыда, навеянное было воспоминаниями, быстренько улетучилось (это было давно и неправда!), и она подумала беззлобно, помешивая кофе: «Ах, Гарри, Гарри, педик вы несчастный!»

...Это простое объяснение «стыдной ситуации» они с Лялей изобрели тогда же, семь лет назад. Рассказывать об этом Вике было стыдно, но и не рассказать – хотя бы Ляле – было нельзя, чтобы не умереть от горечи за свою «поруганную» честь.

– Уж можешь мне поверить, я их (имелось ввиду – педиков) знаю, – безапелляционно заявила Ляля. – Ты ему нравилась, это козе было понятно. А чтобы мужик, да еще в подпитии, не захотел женщину, тем более – тебя, ты меня извини. Или я дура, или весь мир сошел с ума!

Впрочем, в «ситуацию» был посвящен и Ника, который за свою склонность к пространственным демагогическим рассуждениям практически на все темы слыл почему-то... психологом.

– Поня-атно! – протянул Ника иронически. – Больше вы ни до чего не додумались? Бабу не захотел – и сразу педик? Ты что, сексбомба Мерилин, что ли, чтобы тебя все хотели? А что же он тогда ко мне ни разу не пристал? Я-то вон какой мужественный, – изгалялся Ника. – А Юрик? Чем бы он твоему Данелии не партнер? Если уж Данелия – педик, то сами вы тогда с Лялей – лесбиянки несчастные!

Ника, казалось, не на шутку обиделся за Данелию. А Вика в ответ собралась не на шутку обидеться на Нику, хотя и сознавала самокритично, что она и вправду никакая не Мерилин.

– Ну, ладно, вытащи камень из-за пазухи, дай лучше докурить, сейчас я тебе серьезно скажу, – Ника глубокомысленно сделал несколько затяжек и вернул Вике сигарету. – Помнишь, я в десятом классе в Наташку Дымову был влюблен? Так ведь я ее не поцеловал ни разу! Знаешь, почему? Вот приду в ней, родителей дома нет, а мы с ней как врубимся, как ты с Данелией про театр, про книжки разговаривать – и все! Как ни пытался от книжек к любви переползти – ничего не вышло.

В результате целоваться она стала с Юриком, а замуж вообще вышла за какого-то спортсмена, который, по-моему, и читать-то толком не умел! Так что тут или беседуй, или целуйся, – заключил Ника. – А то сразу им – педик!

Однако все эти аргументы, несмотря на Никину вдохновенную убежденность, понравились Вике гораздо меньше, чем Лялин вывод. Вывод был занимательнее. Поэтому все же порешили, что Данелия – педик. И Вике сразу стало легче.

А впрочем, особенно тяжело ей и не было, ибо Вика понимала, что она вовсе не влюбилась в Данелию так, как полагается женщине влюбляться в мужчину. Во всяком случае, в других мужчин, которые с ней не беседовали, а целовались, она влюблялась как-то по-другому. Что она вскоре и сделала.

***

На том самом фестивале, на который Данелия благословил местный театр, а Викина газета сочла необходимым ее заслать, Вика влипла в короткий, но бурный любовный роман. И, как оказалось, с последствиями...

– Разве можно называть случайной связь, от которой рождаются дети, – рассудительно сказал Данелия в свой следующий приезд, катя перед собой коляску с очаровательной шестимесячной Анной, которую они вдвоем ежедневно выгуливали в течение месяца – такая длинная у него выдалась командировка.

Подъездные старушки хитро взглядывали на Вику, полагая, что у Анны завелся отец. В чем-то они были правы – на крестного папочку Данелия вполне вытягивал.

О «стыдной ситуации», естественно, не вспоминали – вот не было ее и все тут. К тому же Вика, несмотря на то, что Ляли давно уже не было в Г. – вышла замуж в другой город и от счастья, очевидно, даже не писала – твердо помнила, что Гарри – педик и без особого труда подавляла в себе мимолетное желание прильнуть в его атлетической груди.

А желание, прямо скажем, возникало. То ли Вика была так устроена, то ли таков весь женский род, но все теплеющее чувство душевной близости с Гарри вдруг стало вызывать в Вике желание сблизиться с ним дальше, больше и по-другому.

Да и как, впрочем, этому бедному желанию было не возникать, когда Данелия каждый вечер приходил к Вике, как какой-нибудь муж или штатный любовник, приносил с собой что-нибудь из еды и засиживался так допоздна за беседой или телевизионным спортом, что Вике всякий раз казалось странным, что он встает с единственного для сидения в ее единственной комнате (это была уже другая, ее собственная квартира) дивана и уходит в любую позднь, никогда не забывая чмокнуть Вику в щеку на прощанье.

И каждый раз в этот момент Вика тупо обижалась. Но обида была короткой и слабой в сравнении с естественным быстро приходящим сном вечно недосыпающей матери полугодовалого ребенка. Сон прямо-таки сшибал Вику с ног, едва она успевала запереть за Гарри дверь.

Наутро обида забывалась, растворяясь в не надоедающих заботах об Анне, и Вика, хихикая над тазом с пеленками, уверяла себя, что уж нынче вечером ни за что на Гарри не обидится, уйди он от нее хоть за час до начала своего рабочего дня.

Но обида с настойчивой назойливостью кретинки возвращалась каждый раз, как только за Гарри захлопывалась дверь. И это ее – обиды – постоянство, в конце концов, привело к тому, что Вика привыкла к ней, как к родной, и почти перестала обращать на нее внимание.

Наоборот, Вика принялась про себя гордиться исключительной духовностью их с Гарри отношений, в которую, заметим, никто, кроме них двоих, не верил. Уж подъездные-то старушки точно не верили, хоть и не имели возможности застукать Гарри, выходящим из подъезда ранним утром. А впрочем, ранним утром они у подъезда и не сидели, ибо весеннее (да и любое другое) солнце приходило в Викин двор после обеда и разогревало лавочки как раз к тому моменту, когда мимо старушек с непроницаемо-высокомерным видом проходил Гарри.

А еще в этот Гарриин приезд Вика, кажется, поняла причину возникновения между ней и Гарри этого улетного задушевно-духовного общения – энергообмена мыслями, словами и чувствами. Правда, чувства эти были как бы лишены признаков пола – ну и что с того? Зато с Гарри можно было лучше, чем с любой подружкой, в подробностях обсудить такой, например, щекотливый вопрос как «стоит ли ложиться в постель с домогающимся редактором, и во что такая связь может вылиться?» А потом взять да и поговорить, например, о прозе Хулио Кортасара или о вчерашнем спектакле...

Гарри, поняла в результате Вика, стал для нее чем-то вроде духовного брата (или даже отца), а их безудержное общение стало возможным именно и только потому, что оно было редким и нерегулярным. А также потому (это, похоже, и было самым

главным аспектом), что один из собеседников (в данном случае им был Гарри) оказывался на некоторое время как бы вырванным из рутинного контекста повседневности. И никаких привычных вечерних забот, которыми была полна Гарриина семейная жизнь в столице, у Гарри, когда он приезжал в Г., кроме общения с Викторией не было...

А значит, размышляла далее Вика, вполне возможно, что и в Г. есть люди, по качеству общения подобные Гарри. Да только никто из них в состоянии свободного от рутинной повседневности полета ей, увы, не встречался...

IV

Ш-ш-ш-ш-ш! – зашипел убегающий кофе. И как назло тут же раздался короткий уверенный звонок в дверь. Вика вздрогнула, выругала себя дурой задумчивой: ведь убегают всегда именно тогда, когда она совсем рядом и вроде бы бдит. Она повернула газовый краник и пошла открывать.

Сначала они заглянули в комнату, и Гарри привычно удивился, как выросла со времени его последней командировки спящая «крестница» Анна, а потом, усевшись на кухне за дымящийся кофе, принялись болтать так по сложившемуся обыкновению не натянуто непринужденно, как будто в последний раз виделись не далее как накануне.

Гарри сходу взялся рассказывать Вике о Париже, в котором недавно побывал – о театрах, людях театра, спектаклях и репертуарной политике «проклятого Запада», а потом все больше задавал вопросы, принуждавшие Вику в подробностях воспроизводить события ее, прошедшей между его приездами жизни.

И Вике уже в который раз в самое сердце поразило это невероятное свойство Гарриной памяти: его умение продолжать полугодовой, скажем, давности беседу как будто бы в точности с того самого момента, на котором она в предыдущий его приезд оборвалась. Гарри помнил не только события и факты из Викиной жизни, но и даже имена всех встреченных им в разные годы в Викином доме людей, а также Викиных коллег по разным ее работам! И даже имя-отчество Викиной школьной директрисы, которую звали аж Эвелиной Вениаминовной, Гарри всякий раз произносил без запинки. А Вика в этих случаях со стыдом осознавала, что не может сходу вспомнить имя единственного Гарриного сына – ровесника, кстати, Анны.

Вика тут же расслабилась и заняла о том, как не состоялся только что минувшим летом лелеемый и предвкушаемый ею праздник души: собрать в Москве, где они с Анной провели одну из отпускных недель, былой студенческий круг и хоть на один вечер, на несколько блаженных часов окупиться в атмосферу безмятежного юного прошлого, пообщаться с однокурсниками, в сравнении с которыми (вернее сказать, в сравнении с воспоминаниями о которых) практически все Викино г.-ское окружение казалось Вике поверхностным, однобоким и тусклым. Все-таки, думала иногда Вика, даже откровенные дураки, осмелившиеся приехать в столицу, интереснее своих собратьев, оставшихся в провинции.

При этом у нее доставало ума понимать, что не стоит по своему ограниченному кругу общения судить обо всем Г., но и вырваться за пределы круга она, особенно с появлением Анны, увы, не могла.

***

Культура и искусство Г. и его окрестностей захватывали и радовали ее лишь год-другой. До тех пор, пока она не проникла на кухню и не увидела там частью пустые, а частью грязноватые кастрюли.

Безусловно, здесь, как везде и всегда, случались исключения, выламывающие щель в частотке гребенки, которой Вика прочесывала г.-скую богему. Исключения не пеняли на среду, безденежье, обстоятельства и уж тем более на невидящее руководство. Они занимались себе нешумно тем делом, вне которого себя не мыслили и кроме которого ничего не хотели и не могли. И только наличие этих вот исключений и стало со временем единственным, что удерживало Вику в том круге, который она сама для себя очертила. Или очертили ей...

В сущности, к этим исключениям Вика относилась и Гарри, который ни разу за прошедшие семь лет не пожаловался, не поныл, не покуксился на собачью свою разъездную работу, когда он был то швец, то жнец, то на дуде игрец: писал пьесы, ставил свои спектакли, оценивал чужие или обучал в разных семинарах режиссерской и актерской профессии молодую и не очень поросль из народа.

«Я сам себе выбрал все это, – объяснил Гарри Вике однажды в самом начале их знакомства, – когда понял, что мечты о своем театре – туфта, что создать театр с нуля, с пресловутой вешалки, мне никто не даст. А брать на себя государственный театр, организованный до меня каким-то дядей, категорически не хотел, потому что знал наперед, чем все это кончится. Сначала долго придется доказывать театральным аборигенам, что ты, хоть и молод, но не верблюд, а потом, вне зависимости от того, докажешь или нет, – все равно сожрут. Это была данность, которую лично я не мог изменить. Но зато нашел в ней себе такой способ существования, в котором я могу позволить себе относительную свободу выбора».

Это снисходительно-спокойное, а внешне даже иронически-высокомерное отношение Гарри к обстоятельствам жизни как к данности всегда очень утешало Вику. Жаль только было, что благотворного заряда гарриного не наигранного оптимизма Вике хватало лишь на какое-то время. Но, к счастью, – Викиному, разумеется, – Гарри приезжал всякий раз, как только она начинала задыхаться...

– Но как вы понимаете, Гарри, – продолжала Вика, – никакого студенческого круга я не собрала. Ну, во-первых, лето и отпуска, а во-вторых, все какие-то нестыковки: один может сегодня, другая – только завтра, пятая – вообще через неделю... Ну, в общем, повстречалась с кем успела, поодиночке. Все мне радовались, а я почему-то ощущала себя в... Г.! Представляете, Гарри, они друг с дружкой даже не общаются! – убивалась Вика. – В одной группе учились, чуть ли не из одной сковороды в общежитии картошку лупили, а теперь зацепились в Москве, живут на одной улице – ведь вы-то понимаете, Гарри, что это значит: в Москве да на одной улице оказаться, – и не встречались лет десять. Пока я не приехала и не свела. Нос к носу.

Стыдились, клялись, что уж теперь-то они хотя бы раз в неделю или, на худой конец, в месяц станут встречаться. Искренне так говорили, а я все равно не верила. Не станут. Разве что я стану к ним раз в неделю прилетать из Г. Ха-ха-ха. В общем, Гарри, мне в вашей чертовой Москве, – нарочно грубо заключила Вика, – даже выпить с удовольствием оказалось не с кем!

– Постойте, а где же в это время был я? – напрягся воспоминанием Гарри.

– Не напрягайтесь, Гарри, – остановила его Вика, – мне бы все равно не пришлось в голову позвонить вам, потому что Москва у меня связана со студенчеством, а вы, уж не обижайтесь, с Г. Странно, не правда ли?

– Нет, не странно, – ответил Гарри. – Простите за банальность, но действительно всему свое место и время. Да и я в Москве, кажется, больше прописан, чем живу. А что касается выпить, то вы же знаете, что я всегда рад составить вам компанию. Только ведь у вас, наверно, не достанешь... (Был как раз самый разгар талонной системы, а системой «комков» с проклято-западскими наклейками еще и не пахло.)

– Ну, что вы, Гарри, – возразила Вика. – Пока мы имеем Нику, мы не имеем проблем. Надо только его отловить.

***

Отловить Нику было делом непростым. Он работал в строительном кооперативе и трудился чуть ли не от зари до зари. Иногда даже ночевал на работе, а иногда возвращался к жене полумертвым от усталости или пива – и тут же засыпал до новой зари. Беспробудно.

Поэтому отловить Нику удалось только через три дня – в субботу утром. А поздно вечером Данелия улетал. Поэтому решили сильно не напиваться, исходя из чего и определили Нике литраж. Отдельно и в первую очередь – для сухого (своим вкусам Данелия не изменял), для не сухого и для совсем крепкого, если не окажется выбора.

Данелия доделал к трем часам свои командировочные дела, и они с Викторией посидели в кухне, покурили и болтали о том, о сем.

Уложенная на тихий час Анна периодически бесцеремонно вмешивалась в их беседу, уверяя, что у нее бессонница, и беспокоясь, не уйдет ли дядя Гарри, если она вдруг уснет. Вика громко строжилась, Гарри давал честное благородное, и успокоенная Анна вернулась в комнату и, кажется, справилась с бессонницей.

Через час пришел обессиленный Ника.

– Одиннадцать точек объехал, – сообщил он. – Все закрыто. Приспичило же вам пить в субботу.

– Мы же не можем пить каждый день, как ты, – резонно заметила Вика.

– Тогда дайте мне что-нибудь в зубы покурить, я немножко передохну и пойду дальше, – Ника не любил останавливаться на недостигнутом. – А кстати, Гарик, тебя я заберу с собой, твоя интернациональная внешность может пригодиться.

Данелия вопросительно взглянул на Вику.

– Нет, – ответила она, – я с вами не пойду. Мы же не предупредили Анну.

И они ушли на промысел, как настоящие мужчины, а она, как настоящая женщина, принялась готовить закуску. Однако примерно через час они вернулись пустые.

– Придется идти через дорогу к тете Паше, – не унывал Ника, – добейте-ка мне еще чирик.

Чирик добились, но у Вики тут же испортилось настроение.

– Я не понимаю, почему меня так унижают, – заныла она. – Почему я не могу выпить с друзьями, когда мне этого хочется, а не когда у них есть в наличии? Почему я должна за какой-то поганый дешевый кир так переплачивать?

– Успокойтесь, Вика, – сказал Данелия. – Согласен, что понять это невозможно, но это данность, и ее не нужно понимать. А тем более тратить на это нервы.

– Сейчас, я успокоюсь и смирюсь.

– Смиряться тоже не надо, – сказал Данелия. – Просто относитесь к данности как к данности. Вот я вам рассказывал вчера, как меня обхамили. А сегодня извинились. На что я сказал: «Вы знаете, я всю жизнь живу в хамстве – привык.» Они как бы успокоились, а я добавил: «Но и своего отношения к нему я не менял.» Поэтому не надо смиряться.

Тут и Ника вернулся с победой, выглядевшей как две (хотя заказывали одну) бутылки «Столичной» по спекулятивной цене – сухого тетя Паша не держала.

Заодно и Анна проснулась. Она пришлепала в кухню, увидела бутылки и обрадовалась:

– Сегодня праздник? Мамочка, ты попьешь, а потом мы будем танцевать?

– Обязательно будем, – пообещала Вика. – А пока можешь пойти погулять.

– А дядя Гарик не уйдет, пока я гуляю? – осведомилась Анна.

Данелия Анне обещал.

***

Первый тост Гарри, как настоящий мужчина, предложил за Вику. Он вдруг впервые за все время их знакомства подробно и красиво признался, как это чудесно, что в Г., куда он так часто приезжает, живет Вика. И как этот факт чрезвычайно скрашивает каждый раз его пребывание в Г.

– А я так думаю, – вдруг очень нагло продолжила Вика, – что вы без конца ездите в Г. исключительно потому, что здесь живу я.

– Что ж, это вполне возможно, – не осмелился возразить Данелия.

Из всей дальнейшей, постепенно пьянеющей беседы следует отметить лишь то, что было также впервые. Гарри, нарушив все правила игры, вдруг ни с того ни с сего размечтался о том, как было бы замечательно перенести весь этот Викин микроэтнос, вместе с Анной и Никой, разумеется, поближе к нему – в Москву или, на худой конец, в ближнее Подмосковье. Создавалось впечатление, что по приезде в Москву он все бросит и тут же этим займется.

Товарищ не понимает, думала Вика, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. И что слагаться слагаемые могут только при определенных условиях. Разве что слагаемые переменят отношение друг к другу и вздумают, скажем, умножаться, делиться, возводиться в степень или извлекать друг из дружки корень. Но тогда они будут уже не слагаемыми, а черт знает чем. А насчет извлечения корня надо будет додумать на трезвую голову.

Вика окончательно запуталась и вообще перестала понимать, что происходит. Потому что Гарри вдруг перехватил в полете Викину руку, что-то подложившую ему на тарелку, и прильнул к ней долгим поцелуем. А потом и вообще этой самой рукой завладел и нежно пожимал ее на своем колене под столом, как бы скрывая эту свою мужскую слабость от Ники, который все равно все видел и смешливо посматривал на Вику, не прерывая, впрочем, беседы, которая не имела никакого отношения к плененной Викиной руке, от Вики как бы отделившейся и жившей своей, посторонней личной жизнью.

Наконец, Ника с братским пониманием на физиономии удалился в комнату, и оттуда тут же заверещал телевизор.

Вика, как бы очнувшись, помотала головой и выдернула свою отдельную руку из Гарриного плена.

– Ну, полно, Гарри, – сказала Вика. – К чему эти сантименты? Ведь у вас в каждом городе, небось, есть такая придурковатая Вика.

Гарри ответил не сразу. Сначала он вернул себе Викину руку, ненадолго прильнул к ней и только тогда ответил:

– Вы можете мне не верить, Вика, но я скажу вам – нет. Ни в одном городе у меня нет никакой, как вы несправедливо выразились, «придурковатой Вики». Вы уникальная женщина, Вика. С вами удивительно приятно общаться. Вы прекрасно рассказываете и в то же самое

время умеете слушать. Между прочим, это большая редкость. А еще большая редкость – это, при такой светлой голове, такой замечательно вкусный плов! Но главное – это ваше умение отдаваться общению так, как будто завтра – потоп, – свободной рукой Гарри плеснул в рюмки и провозгласил, – Позвольте мне снова выпить за вас, Вика!

– Да сколько угодно, – ответила Вика несколько рассеянно.

Она слушала и не понимала, о ком он это все? Ведь то, что он наговорил о ней, должна была сказать она. О нем. Кроме плова, разумеется. Интере-есные дела, подумала Вика и с изумлением услышала как бы со стороны свой голос, произносящий буквально следующее:

– А скажите, Гарри, почему мои неисчислимые достоинства никогда не вызывали у вас желания узнать, нет ли у меня каких-нибудь еще? Достоинств, я имею в виду. А вдруг я при моей голове и плове еще и в постели творю чудеса? Может быть, вы педик? Или импотент? – Вика ужаснулась своему цинизму, но остановиться не смогла.

– Ни в каких ваших способностях я не сомневаюсь, Вика, – ни секунды не задумываясь, ответил Гарри, – но и узнавать о них не хочу. Хотя, если честно, узнать иногда очень хотелось. Особенно в мой позапрошлый, кажется, приезд, когда вы почему-то показались мне особенно очаровательной. Я даже запомнил ваш пушистый нежно-розовый свитерок – вы выглядели в нем, как десятиклассница.

– Да, помню, – сказала Вика, – я тогда по уши была влюблена в одного недостойного типа. Вернее, тип в общем-то был вполне достойный, но говорили мы с ним все время как будто бы на разных языках. И не то, чтобы он был так уж глуп. Просто плоскости у нас с ним были разные, да к тому же как бы и параллельные. А это же так трудно – общаться, ни в одной точке, кроме постели, не пересекаясь. Похоже, только вам я могу полностью и с удовольствием отдаться в беседе, Гарри!

– Да ведь и времени у нас на сексуальные сантименты как-то не выкраивается, – заметил Гарри. – Вот и сейчас – мне пора на самолет... А знаете, каждый раз, собираясь в Г., я боюсь, что больше не застану вас. В том смысле, что вы окажетесь заняты – выйдете замуж или вас из Г. куда-нибудь унесет.

– Не бойтесь, Гарри, – ответила Вика. – Хотя нет, бойтесь, конечно, ибо неисповедимы пути... Правда, если говорить о замужестве, мне все больше сдается, что я – родом из «Ста лет одиночества». Если вы, конечно, понимаете, о чем я говорю, – не удержалась от ехидства Вика.

– Я, конечно же, понимаю, – ответил Данелия, – но до «осени патриарха» вам еще далеко.

– Нет, ну вы посмотрите на них, – раздался сверху покровительственный Никин бас, – он ее держит за руку, а сам все равно свистит о литературе. Ну, ты даешь, Гарик! Я просто балдею от твоей непоследовательности.

– Или от моего постоянства? – уточнил Данелия. – А кстати, ты не подскажешь, который час?

– А кстати, я за этим и заглянул. Хотя по ящику очень неслабого Спилберга показывают. Кое-как оторвался. За пивом, что ли, думаю, смотреться, раз Гарик тут решил навеки поселиться...

– Да нет, – сказал Данелия, – пиво мы прибережем на следующий раз. А сейчас разве что маленький посошок за твою сестру, – и он плеснул в рюмки.

– Я такие посошки не употребляю, – обиделся Ника, – налей-ка мне гуманно, по-человечьи! – И, не доверив Данелии, Ника сам наполнил свою емкость. – За свою сестру я люблю выпить много и с удовольствием.

– Не могу ответить тем же в твой адрес, – сказала Вика. – А ты, если будешь так сильно любить меня, обязательно сопьешься.

– Не каркай, – ласково пробасил Ника, осушив рюмку, – лучше отпусти Гарика, а то он на самолет опоздает.

– И то правда, – сказал Данелия и в последний раз пощекотал аккуратными усиками Викину руку.

***

Потом Данелию повели к такси, Ника, прихватив остатки водки, вызвался провожать его в аэропорт, а Вика вернулась к Анне, требовавшей плясок. Вике плясать не хотелось – хотелось думать. Но Анна висела репьем, пришлось включать музыку и танцевать один долгий танец, после чего Анна в изнеможении свалилась в постель – и моментально уснула.

Вика ей позавидовала, но последовать ее примеру, по крайней мере, до тех пор, пока Гарри не взлетел, не могла.

Она долго и тщательно мыла посуду, потом себя, потом курила и вдруг ее осенило позвонить в аэропорт. Ей ответили, что Гарри самолет отправляется без задержки – в двадцать три часа по местному времени.

Оставшиеся полчаса Вика тупо пялилась в какую-то умную книжку, а в двадцать три часа напряжение резко спало – взлетел! – она выключила свет и облегченно заснула.

...Разбудил ее звонок в дверь. От испуга Вику сорвало с постели так резко, что потемнело в глазах. Но нет – это на улице было совсем темно. Ночь. Вика впадала в панику от ночных звонков – все равно, дверных или телефонных. Хотя это вполне мог быть Ника, добывший еще бутылку водки и потерявший счет времени.

– Это ты, Ника? – тихонько спросила она, почему-то не заглядывая в глазок.

– Нет, это я, – отозвалась дверь голосом Данелии.

Вика долго не могла нащупать замок, а включить свет в коридоре ей почему-то в голову не приходило.

Увидеть она ничего не успела, потому что, шелкнув замком и сделав шаг назад, чтобы впустить Данелию – а это действительно был он! – тут же в нем и утонула. Упала на пол Гарриной сумка, и Вика захлебнулась его губами. Не хватало воздуха, кружилась голова, в ушах шумело. Ну вот, мы летим вместе, глупо думала она. А Гарри, когда его губы временно освободились – это Вика утыкалась лицом в его крепкую шею – беспорядочно бормотал:

– Я люблю тебя, Вика, хочу тебя очень... завтра вечером... я не могу лететь сегодня... на завтра билет поменял... хочу тебя очень...

Вика... Гарри... Вика... Гарри... Вика-Вика-Вика... Гарри-Гарри-Гари... Ах!..

***

– Мама, просыпайся уже! Я хочу есть, – сказала Анна.

Вика открыла глаза и обнаружила, что никакого Гарри рядом нет и в помине. А сидит Анна, обложенная куклами, и канючит, что хочет есть.

– Почему ты не в своей постели? – спросила Вика.

– А я всю ночь с тобой проспала! – радостно сообщила Анна.

– Ты почему-то все время с кем-то разговаривала и плакала, и я пришла тебя успокоить. Так незаметно и заснула. Я хочу есть!

– А как же?! – почти простонала Вика.

– Что? – заинтересовалась Анна.

– Ничего, – ответила Вика, – пойду умоюсь.

Но, не дойдя до ванной, Вика зашла в туалет. Закрыла дверь на задвижку (что, заметим, делала крайне редко), уселась на закрытый унитаз, спустила воду и подумала: «Порыдать, что ли?».

Пока она давила слезу, в дверь туалета постучала Анна и строго сказала:

– Мама, выходи скорей, мне туда надо. И я хочу есть!

Ну и ладно, подумала Вика, порыдаю как-нибудь в другой раз.

1990 год

Маргарита и мастер, или Женские прелести

... Ужасающий запах лака Маргарита ощутила еще за дверью и на всякий случай натянула аллергической Сонечке до самого носа прозрачный летний шарфик. И понадеялась: может, этот вредоносный запах струится из соседней квартиры?

Но нет! Лаком пронзительно воняло именно в ее доме, а точнее – в малюсенькой кухоньке, где неровными рядами – на полу, подоконнике и прочих немногих поверхностях – стояли... обнаженные юные девы! Стояли, ясное дело, не сами по себе. И не потому что тельца их, благополучно и целомудренно задрапированные по низу некой вещицей ярко-красного цвета, кончались там, где начинались ноги. Нет! Просто девушки были не живыми, а нарисованными. А еще вернее, написанными разноцветными красками на металлических «полотнах». Девушек было ровно пятнадцать.

– Ой, какие ляли! – Восхитилась было Сонечка, но Маргарита строго увела ее к спальному месту, уговорила нацепить на нос марлевую повязку от гриппа, потеплее укрыла, распахнула все окна (благо, на дворе стояло бабье лето), а кухонную дверь, наоборот, прикрыла поплотнее. А сама уселась посреди кухни и принялась с пристрастием рассматривать Захаровых прелестниц.

Они все были совершенно одинаковые – как будто наштампованные. Молоденькие – лет примерно по шестнадцати; голенькие по самое то, откуда растут ноги; с непропорционально большими кукольными головками (белокурые волосы ниже плеч); с круглыми глазками, невиннейшими личиками, с «барбиными» точеными тельцами (в ручках – роза!) и с огромными – размера шестого, выпадающими их всей этой энной кукольной хрупкости... персями! Причем перси их, поддержанные (вместо лифчика) умелой рукой художника, ничуть не провисали, а торчали, будто невесомые воздушные шарики, нагло, призывно и противоестественно. Торчали так, как в жизни не бывает, если только эти супер-юные дивы сдуру хорошенько не насиликонились...

***

В очередной раз Маргарита влюбилась на пороге своего тридцатилетия. И, как нередко в ее жизни случалось, отнюдь не в того, кто ответил бы ей адекватным чувством.

Во-первых, ее объект был актером того же театра, в котором Маргарита руководила литературной частью. А актер, как известно, – профессия женская, ибо его основное жизненное кредо – нравиться. Желательно всем подряд. И на приобретение и поддержание сего умения у многих актеров уходят, как правило, почти все силы! А отсюда вытекало и во-вторых...

Оказавшись после душевной и подробной (за бутылочкой) беседы, посвященной исключительно полной мук и терзаний актерской, а отчасти и человеческой (с самого детства) жизни, в жалостливых Маргаритиных объятиях, а затем (поскольку час был уже оч-чень поздний) в теплой ее постели, объект не сумел довести до победного конца процесс неминуемого совокупления. И бурно по этому ничтожному для дамы поводу рефлексировал!

И как ни старалась Маргарита, обласканная и уцелованная с головы до пят, втолковать глупому объекту невыносимо простую истину о том, что настоящей, сексуально продвинутой и тонко чувствующей даме для достижения блаженного состояния достаточно одних лишь ласк и повсеместных поцелуев, в сравнении с которыми процесс фактического совокупления представляется грубым и тяжким физическим трудом, объект ни одному ее слову не верил. И все равно комплексовал. Так до самого утра и убивался. А потом больше никогда не приходил к Маргарите в гости в одиночку, допоздна у нее не задерживался, хотя при этом ежедневно после репетиций часами высиживал (неизвестно что) в Маргаритином кабинетике.

По театру, конечно же, ползали слухи о том, что меж Маргаритой и с иголки новым (объект совсем недавно появился в театре) красавчиком-героем случился бурный «театральный роман». И за глаза их, конечно же, называли Мастером и Маргаритой. Только второе имя произносили с чуть ироническим интонационным пиететом, а первое – с легким и гораздо более ироническим презрением, как бы с маленькой буквы, ибо мастером Маргаритин объект пока никак еще себя не проявил. Но скорее всего объекту просто завидовали...

Маргарита же принялась изводиться любовной лихорадкой, возненавидела телефон да еще и испытывала к тому же острое чувство стыда перед своей полуторагодовалой дочуркой Сонечкой, у которой, казалось Маргарите, она бессовестно крада свою материнскую любовь. Да разве можно позволять себе такую дурь, – злилась на свою «тонкую душу» Маргарита, – на пороге к тридцатнику, когда уже, кажется, знаешь всех этих двуногих и безголовых (с мозгами, понятное дело, в каком месте) «инопланетян», для которых банальная эрекция важнее всех сокровищ на свете, вдоль и поперек?! Ан нет же, чувства-с, черт бы их подрал, не умирают-с!

Прямо «Отелло» какое-то получается, – нарочито иронически думала Маргарита об объекте в среднем роде. «Она его за муки полюбила, а он ее – за сострадание к ним!» Впрочем, объект и впрямь черноволосой своей кудрявостью отчасти смахивал на Отелло, а Маргарита не только умела искренне сочувствовать, но иногда даже молилась перед сном, хоть и была официально некрещеной. Но все равно ее вполне можно было грозно спросить: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?!» Ну, то есть Маргарита...

В общем, Маргарита – страдала, объект – рефлексировал, а потом и вовсе уехал почти на целое лето из Г. – на гастроли. Маргариту же на гастроли не взяли, ибо оставить Сонечку ей было не с кем. А таскать с собой по гостиницам – рановато. Да и хлопотно. И Маргарита осталась в Г. – страдать. Но не тут-то было! Ибо в тот же день, когда театр отъехал на гастроли, к Маргарите неожиданно нагрянула модельерша Галочка, которая год назад отъехала в столицу, где вступила в законный брак, а в Г. приехала за тем, чтобы продать, наконец, свою г-скую квартирку.

– Можно я эти пару недель поживу у тебя? – утвердительно спросила Галочка, уверенная в том, что Маргарита ей не откажет. – Неохота в продающейся жилплощади в одиночку скучать. Да и ты, я вижу, какая-то кислая! Как можно киснуть, когда ты в театре работаешь! Там же полно мужиков!

– Да ну тебя в баню! – Рассердилась Маргарита. – Ты разве не знаешь, что актеры – вовсе не мужики. Или недомужики, – и Маргарита быстренько посвятила Галочку в свои страдания по «Отелле»

– Сколько раз я тебе говорила, – тоже рассердилась Галочка, – прекрати в них влюбляться – это пустая трата времени и нервов. С ними можно только по расчету!

– Но я никому не смогу отдаться по расчету! – Возразила Маргарита. – Меня непременно стошнит! Я столько не выпью!

– Вот ты вроде бы умная, – с сожалением сказала Галочка, – а как баба – дура полная! Про «стерпится-слюбится слыхала? Слыхала. А я на практике это неоднократно проверила.

– И что же ты открыла? – Язвительно спросила Маргарита.

– Очень простую истину. Когда начинаешь с любви – это как с горы спускаешься и проходишь путь от восторга до разочарования. И думаешь: как же я могла полюбить такое дерьмо?! А вот когда к объекту ничего кроме легкой симпатии не чувствуешь...

– ...то как будто в гору поднимаешься? – Снова съязвила Маргарита. – Прямехонько к небу в алмазах?

– Ну, это как повезет, – серьезно продолжила Галочка. – Но ты во всяком случае реально видишь все его достоинства и недостатки – никакая дурацкая любовь тебе глаза не застит.

А потом, неожиданно обнаруживая в нем все новые и новые положительные качества, ты начинаешь объектом восхищаться и даже в него немножко влюбляешься. А если он тебя еще и содержит, тогда и вообще – рай!

– А новых недостатков при этом не обнаруживается? – поинтересовалась Маргарита.

– Ну, почему же, обнаруживается, – рассудительно ответила Галочка. – Но они тебя не так сильно разочаровывают, потому что ведь изначально ты и не была очарована. Ты просто принимаешь недостатки партнера как данность, понимая, что ты и сама – отнюдь не ангелица.

– Ишь ты, словцо какое изобрела – ангелица! – Восхитилась Маргарита. – И философствовать выучилась.

– Да какая уж тут философия! – отмахнулась Галочка. – Это жизнь, в которой мужчин выигрывают не те, что умны, красивы и, как дуры, влюблены, а те, кто умеют прикинуться глупыми, красивыми, равнодушными и уверенными в том, что мужик – это не человек, а, скажем, карта, которую нужно правильно разыграть. Но для этого нужно иметь цель и холодный ум. А ты как-то все влюбляешься без цели. И замуж выйти, насколько я знаю, не хочешь.

– Замуж-то, может быть, и хочу, когда влюблена бываю, – возразила Маргарита. – А вот «играть в карты» не желаю категорически!

– Ну и ладно, не играй, – согласилась Галочка. – Давай просто повеселимся, чтобы ты хоть на время киснуть перестала. Давай-ка я познакомлю тебя с одним неместным художником. Он, правда, рыжий и толстый, но хороший собеседник, вполне приличный любовник и деньги умеет зарабатывать. Может быть, он и станет твоим мастером, – хихикнула Галочка.

– Тьфу на тебя! – рассердилась Маргарита. – Какой еще мастер?! Ты же мне отношения предлагаешь по расчету строить! Во-первых, Мастер не деньги зарабатывает, а за идею высшую страдания принимает. А во-вторых, Мастер – это как гром среди ясного неба. Как острый нож посреди улицы! В глаза посмотрела – и сразу любовь! А ты говоришь «рыжий, толстый»... Еще и росточка, небось, как ты незavidного,

– Вовсе даже наоборот, – ничуть не обиделась миниатюрная Галочка. – Для меня он даже слишком велик, а вот тебе, дылде, как раз пара. Кстати, его зовут Захар. Роман о Понтии Пилате он, конечно же, не пишет, но жизнь у него не сахар.

– Хоть и Захар, – сострила Маргарита.

– Ой, и правда, сахар-Захар! – Обрадовалась Галочка. – Но зато он, как Иисус Христос, – еврей. Может, вместе и веру примете и заживете одной семьей, детишек нарожаете. Знаешь, как евреи детей любят?

– Да ну тебя с твоими фантазиями! – Расхохоталась Маргарита. – Вот заставлю вас всех Ритой меня называть.

– Поздно уже, – не согласилась Галочка. – Да и какая из тебя Рита? У меня есть пара знакомых Риток – обе хитрые и злющие. А ты – добрая и хорошая. Мар-га-ри-и-та! В общем, я звоню Захару. А ты пока быстро подумай, не нужно ли тебе сшить что-нибудь? Пользуйся мной, пока я здесь.

***

Однако рыжему Захару Галочка в тот вечер дозвониться не сумела, но зато она раскрыла, сметала и примерила на Маргариту прехорошенький «модельный» халатик из густо-бордовой рисунчатой саржи – длиной в пол, раскованно декольтированный и плотноядно облегающий статную Маргаритину фигуру.

– Ну вот, – сказала Галочка, придирчиво осмотрев Маргариту со всех сторон, – у тебя ведь наверняка нет подходящей вещицы для интимных приемов. А теперь – будет. И дешевая саржа, между прочим, на твоей фигуре и в моем исполнении выглядит не хуже, чем атлас. Захар как увидит тебя в этом халатике – не устоит.

– Да отстань ты уже со своим Захаром! – Весело сказала Маргарита, с приятностью ощущая себя в новой незначительной тряпице чуть ли не женщиной-вамп.

– Не отстану! – Воскликнула Галочка. – Я хочу, чтобы он выступил в роли клина и выбил из твоей головы глупого актеришку.

Но таинственный Захар, как назло, точно в воду канул, и за время двухнедельного Галочкиного пребывания в Г. обнаружить его не удалось. Что в общем-то отнюдь не помешало Маргарите и Галочке с большой приятностью покутить со старыми друзьями-приятелями из б-ской художественной богемы, с которыми Маргарита, лишившись подружки Галочки и обзаведясь дочуркой Сонечкой, зачатой в глубинах театрального закулисья, давненько уже не встречалась.

Художники в отличие от актеров были очень милыми, искренними и щедрыми – вино и даже закуску они привозили собой, а Маргарите с Галочкой оставалось лишь приготовить что-нибудь горячее – натушить, например, картошки с мясом, с актерами же, увы, приходилось скидываться на равных...

А кроме того, художники, в отличие от вечно рефлексирующих (ах, этот режиссер меня не видит!) лицедеев, не столь долго впадали в нетрезвое творческое уныние и не замыкались в беседе на своем непризнанном (или мало признанном) таланте, но зато радовались любой «женской натуре», обнаруживали в ней писаную красавицу, а иной женский недостаток казался им неоспоримым достоинством. Время от времени они даже испрашивали карандашик и листок бумаги – и творили, не отходя от стола, «восхищенные» наброски-портретики присутствующих дам.

Словом, кутить с художниками было весело и лестно, а для Маргаритиной психики, подпорченной идиотскими чувствами к «Отелле», – еще и полезно. И потому к окончанию Галочкиных «гастролей» Маргарита оказалась не только приодетой (за халатиком последовали еще несколько вещичек внедомашнего пользования), но и даже как будто вовсе ни в кого не влюбленной, свободной и вполне уверенной в женской своей неотразимости.

– Я вижу, что мои усилия не пропали даром, – резюмировала Галочка, собирая дорожную сумку. – Квартиру я продала, швейных дел мастером поработала, а твоя хандра, похоже, поутихла. Жди теперь Захара...

– В смысле? – удивилась Маргарита.

– Так я же ему твой телефон оставила, – невозмутимо ответила Галочка. – Вчера, пока ты Сонечку купала, я ему дозвонилась, и он жутко огорчился, что мы уже не увидимся. Ну, я ему твой телефончик и сообщила: ты же, говорю, любишь дам, приятных во всех отношениях.

– Да как же ты могла! Без моего разрешения! – Едва не задохнулась от возмущения Маргарита.

– Ну, я рассудила, что от одной телефонной беседы тебя не убудет, – рассудительно сказала Галочка. – А если он тебя не заинтересует, скажешь, чтобы больше не звонил. И вся любовь...

***

В первые пару вечеров после отъезда Галочки, неумемно энергичной, но, как ни странно, не утомительной и ненавязчивой, Маргарита откровенно грустила. И думала с удивлением о том, что присутствие в доме, где есть маленький ребенок, третьего человеческого существа (пусть даже одного пола) способно, оказывается, создать в жизненном пространстве одинокой матери уютнейшую атмосферу нормальной полной семьи! И стоило лишь Галочке исчезнуть, как в Маргаритиной жизни образовалась холодная зияющая дыра, которая действительно требовала, чтобы ее чем-нибудь заткнули.

Вот это финт! – Изумлялась Маргарита своим престранным ощущениям. – Так, может быть, и впрямь права Галочка: испытывать чувство любви к нелишнему третьему вовсе и необязательно. Достаточно лишь тихой приязни и пиетета к его человеческим качествам.

Вот только как без любви и страстного влечения отдавать ему еженощно самое дорогое, что есть у всякой девушки?! Ответа на сей каверзный вопрос Маргарита, как ни тщи́лась, найти не могла и понимала, что решить сию проблему возможно лишь опытным путем.

А впрочем, уже на третий-вечер-без-Галочки Маргарита перестала ощущать подле себя холодную зияющую дыру, но зато злополучный образ чернокудрого «Отеллы» вновь вынырнул из глубин ее сознания на поверхность. Маргарита уже изготовилась было пролить слезу печали, но помешал телефон.

– Могу ли я услышать Маргариту? – спросил незнакомый мужской голос, тональность которого показалась Маргарите странноватой. Это был скорее тенор, чем баритон, смахивающий интонационно на голос обиженно-раздраженного или капризно-избалованного ребенка.

– Можете, это я, – ответила Маргарита. – А вы кто?

– А я Захар, художник, – простодушно ответил голос. – Мне Галочка ваш телефон оставила и сказала, что вы очень интересная дама и что нам с вами найдется, о чем пообщаться. Но если я вам помешал, навязываться не стану.

– Да нет, вы мне ничуть не помешали, – вежливо ответила Маргарита. – Но о чем, интересно, мы с вами будем беседовать, когда вовсе незнакомы.

– Ну и что? – искренне удивился Захар. – Заодно и познакомимся. Хотя, конечно, лучше бы не по телефону...

– Намек понятен, – ответила Маргарита. – Но настроения принимать гостей у меня сегодня нет.

– Ну, нет, так нет, – ничуть не расстроился Захар. – Но поболтать мы немного можем?

– Немного можем, – разрешила Маргарита. – Начинайте.

– Только давайте на «ты», – предложил Захар и, не дожидаясь согласия, спросил: – Сколько тебе лет?

– Столько не живу́т. А если честно – почти тридцать, – честно ответила Маргарита, удивившись про себя, что ни «бестактный» вопрос незнакомца, ни его предложение перейти на «ты» ее нисколько не раздражили.

– А мне почти тридцать три, скоро вступлю в возраст Иисуса Христа, – сказал Захар, как будто гордясь этим фактом, и весело прибавил: – Я рыжий, толстый и бородатый.

– Неужто и борода рыжая? – тоже развеселилась Маргарита. – Это забавно! Рыжий-красный – человек опасный?!

– Это не про меня, – рассмеялся Захар. – Я же толстый, а значит, добрый. А ты как выглядишь?

– А я не рыжая и не толстая. Я высокая, стройная и, думаю, что хороша собой! – забавлялась Маргарита. – Тебе параметры сказать?

– Необязательно, – ответил Захар. – Расскажи лучше, чем ты в этой жизни занимаешься?

И Маргарита, сама себе удивляясь, принялась с удовольствием посвящать рыжего Захара в тайны материнства и детства, театрального закулисья и своей в нем роли, а потом, передав эстафетную палочку беседы в руки незнакомца, с искренним интересом слушала его весьма таки незаурядную историю.

Оказалось, что Захар – родом с Украины, на художника никогда и нигде не учился, но владеет всеми аспектами этой творческой профессии – от рисунка до скульптуры. Историческую родину он покинул сколько-то лет назад и все это время колесил по городам и весям, зарабатывая на жизнь своим искусством – в частности, проектировал и возводил памятники героям войны и труда в сельской местности. Но в последние два года он живет исключительно в Г., потому что ему здесь нравится. Ну, а поскольку прописка у него украинская, живет он, как всякий иногородний командировочный, в гостинице – причем, в самой лучшей и соответственно самой дорогой. Поэтому, несмотря на солидные, но нерегулярные заработки, накопи-

тельством не занимается и едва сводит концы и концами. Правда, ни в чем себе, любимому, не отказывает.

– Дешевле было бы жениться, – посочувствовала Маргарита.

– Ты с ума сошла! – Перепугался Захар. – Продать свободу за прописку?! И разве это дешевле? Это же еще и бабу содержать придется! А если я завтра уехать вздумаю – разводиться? Или за собой ее тащить? Нет, это очень хлопотно!

– Ты хочешь сказать, что никогда не был женат? – недоуменно спросила Маргарита.

– И женат не был, и детей не имею! – Гордо заявил Захар. – И что самое главное, ни одного дня в своей жизни я не работал на это чертово государство!

– И тебя ни разу не привлекали за тунеядство? – Удивилась Маргарита.

– Пытались, конечно, – ответил Захар. – Но я вовремя убежал. Поэтому я и не сижу долго на одном месте. Но, я думаю, недолго мне бегать осталось. Раз уж в этой стране началась перестройка и закончился социализм, они вот-вот должны принять закон, разрешающий индивидуальную трудовую деятельность. Мы со дня на день его ждем.

– Кто это «мы»? – Удивилась Маргарита.

– А думаешь, я – единственный человек в стране, кто не хочет работать на государство?

– Да я как-то об этом не задумывалась, – растерялась Маргарита.

– А ты задумайся чисто из интереса, – посоветовал Захар. – Много ты от своего государства получила?

– Ну, оно мне высшее образование дало... – Начала было Маргарита.

– ...а денег за твою работу наверняка платят ровно столько, чтобы тебе ни одна копейка лишней не казалась?! – перебил Захар.

– Это так... – Вздохнула Маргарита. – Но я утешаюсь тем, что есть в жизни и нематериальные ценности.

– Например? – С интересом спросил Захар.

– Например, рождение новой жизни. Потрясающе интересно наблюдать, как твой ребенок из бессмысленного комочка плоти на твоих глазах превращается в человечка! – Вдохновенно сказала Маргарита.

– Да, этого я действительно не знаю, – как будто сожалея, признался Захар.

И тут, как будто услышав, что речь идет о ней, проснулась и громко заплакала Сонечка.

– Ты уж извини, – сказала Маргарита, – но я больше не могу разговаривать.

– Я слышу ее плач, – ответил Захар и вдруг воскликнул: – Ого! Мы с тобой почти час проболтали!

– Ну и что? – не поняла Маргарита.

– Да я ни с одной женщиной по телефону больше пяти минут никогда не говорил! Можно я буду тебе позванивать?

– Звони на здоровье, – не раздумывая, ответила Маргарита.

***

Захар стал действительно «позванивать» Маргарите едва ли не каждый вечер, и к концу первого месяца этой насыщенной телефонной дружбы Маргарита почувствовала себя так, как будто знает своего невидимого собеседника едва ли не с пеленок. А впрочем, намеки на это удивительное ощущение проклюнулись в Маргарите уже в самой первой беседе, а каждый последующий разговор оказывался лишь их (намеков) красноречивым подтверждением.

Захар с Маргаритой (а Маргарита соответственно с Захаром) самым естественным образом посвящали друг друга в самые разнообразные подробности дня минувшего: кто где был, что видел, что делал и о чем думал, какую книжку-фильм читал-смотрел и прочая, и прочая. Время от времени Захар, конечно же, зондировал почву Маргаритино настроения на предмет «встретиться не по телефону», но, услышав очередной отказ, никогда не занудство-

вал и тупо на своем не настаивал. То есть Захар, слава Богу, не принадлежал к тому не чтимому Маргаритой разряду «нудаков», которым легче поскорей отдаться, чем долго объяснять, спотыкаясь о недоуменное сопротивление, почему тебе этого не хочется.

А Маргарите ведь и в самом деле ничего, кроме приятнейших телефонных бесед, не хотелось: страшновато было разрушать эту небанальную иллюзорную дружбу визуально-тактильными отношениями между полами. И Захар, похоже, был с невысказанными Маргаритиными опасениями солидарен. Или просто выжидал удобного случая. И, конечно же, дождался...

...В тот вечер, когда суждено было рухнуть их ненавязчивой дружбе, голос Захара в телефонной трубке оказался неприлично взволнованным, растерянным и едва ли не плачущим.

– Маргариточка, золотце, пусти меня, пожалуйста, к себе на одну ночку! – прямо «с порога» бухнул Захар. – Только на одну ночь!

– Не поняла! – растерялась Маргарита. – С какой стати?

– Меня выставили из гостиницы, потому что мне нечем заплатить за завтрашний день. Да еще и администраторша на моем этаже новая появилась! И, как назло, в ночное дежурство! А она ни в какую не верит, что я завтра же заплачу!

– Так ты еще, небось, и денег у меня попросить собираешься? – подозрительно и разочарованно спросила Маргарита.

– За кого ты меня принимаешь?! – Обиделся Захар. – Я же не альфонс какой-нибудь. Я НИКОГДА у женщин денег не прошу! Я же тебе говорю: мне переночевать негде. И все! А деньги у меня действительно завтра будут.

– Но ведь у меня всего одна комната и одно спальное место, – засомневалась Маргарита. – Не могу же я тебя в свою постель положить! Может, ты все-таки попробуешь найти другой выход? Ведь у тебя же в Б. наверняка полно друзей-приятелей.

– Да я уже пробовал! – Воскликнул Захар. – Но никого не застал. Лето ведь... Маргоша, пожалуйста! Клянусь, я тебя не обременю! Я постелить мне можно прямо на полу, я неприхотливый. Ну не на вокзал же мне идти...

– Ладно, – решила Маргарита. – Приезжай. Только в дверь не звони, а постучи тихонько, чтобы Сонечку не разбудить.

И Маргарита решительно продиктовала Захару свой адрес, хотя и ощущала себя слегка изнасилованной, ибо выраженного желания менять привычный ход вещей (пусть даже на один только вечер) она вовсе не испытывала.

***

Маргарита распахнула дверь и остолбенела: Захар оказался не просто толстым и высоким, он был так могуч, что, казалось, заполнял собою весь дверной проем. Медные волосы ниспадали кудрявыми струями на плечи, под искусно слепленным точеным носом веселились, отливая золотом, висячие усы, которые плавно сливались с кудрями рыжей же бороды, достигавшей до самой подключичной впадинки или даже ниже... Глаза у Захара были коричневые, взгляд добрый и слегка взволнованный. Не мужчинка, а картинка! Богатырь из русской сказки! Хоть и еврейской национальности...

Благостное это впечатление нарушал лишь далеко выдающийся живот Захара, так и грозивший, казалось, вывалиться из брюк.

– Вот я какой, – сказал Захар, словно слегка стесняясь и даже извиняясь за свой экстраординарный внешний вид. – А ты, оказывается, очень симпатичная! Гораздо красивей, чем я ожидал. А фигура какая! И этот бордовый халат очень тебе идет. Жаль, у меня на цветы денег не хватило. Вот возьми хотя бы это... – И Захар протянул Маргарите среднего объема пакет, в котором что-то стеклянно звякнуло, и какой-то объемный сверток: «Осторожно, это моя работа»...

– Люблю художников за комплименты и уместные дары, – тихонько рассмеялась Маргарита. – Пойдем на кухню и говорить будем вполголоса, чтобы Сонечку не разбудить.
– А можно я на нее взгляну? – Вдруг спросил Захар, сбросив туфли.
– Только на цыпочках и не дышать. А дары оставь на пороге. – разрешила Маргарита.
– Какая хорошенькая, – прошептал Захар, рассматривая сладко спящую Сонечку. – Кажется, я никогда еще таких маленьких не видел...

***

«Дары», которые Захар извлек из своего пакета, оказались тремя бутылками пива, большой пачкой очень качественного чая, палочкой деликатесной копченой колбасы и коробкой глубоко чтимых Маргаритой конфет «Птичье молоко». Все это в канун будущей эпохальной перестройки государства российского было жутким дефицитом.

– Откуда у тебя это «коммунистическое изобилие»? – От души удивилась Маргарита. – Ведь всего этого в наших магазинах днем с огнем не сыщешь!

– Сыщешь! Просто подход к людям нужно иметь! – Весело ответил Захар, ловко откупоривая пиво одной бутылкой о другую. – А у меня в жизни, чтоб ты знала, две главные страсти: баня да пиво. Потому я и толстый такой. Но зато всегда чистый. Вот сегодня только не успел. Можно я у тебя ванну перед сном приму?

– Да пожалуйста, – почему-то ничуть не рассердившись, ответила Маргарита. – Картошку жареную будешь? Я на всякий случай приготовила.

– Конечно, буду, – обрадовался Захар. – Я уж не осмелился тебя кулинарными просьбами беспокоить, хотя поесть тоже очень люблю. Поэтому...

– ...ты, в отличие от Иисуса Христа, такой толстый! – Весело заключила Маргарита.

– Правильно! – рассмеялся Захар. – Давай свою картошку.

Кухонька у Маргариты была крошечная – хрущевская, и могучий Захар, увлеченно поглощающий картошку, казалось, заполнял собой, так же как и в коридорчике, едва ли не все полезное пространство. Однако, благодаря, очевидно, изумительной легкости застольной беседы, Маргарита с удивлением осознала, что стесненной (ни морально, ни физически) она себя вовсе не ощущает. В том, что Захар был теперь не бесплотным голосом в телефонной трубке, а гиперодушевленным индивидуумом, не было ничего натужно противоестественного. Как будто брат заскочил в гости...

Насытившись и с наслаждением осушив очередной стаканчик пива, Захар вдруг громко и с видимым удовольствием... отрыгнул! Маргарита от сего неожиданного звука аж вздрогнула, как от выстрела и поморщилась, а Захар засмеялся и простодушно спросил:

– Ты считаешь, что это неприлично?

– Во всяком случае не... принято, – растерянно ответила Маргарита.

– А КЕМ не принято? – спросил Захар и сам себе ответил: – Людьми! А ведь отрыжка после еды – вещь вполне естественная. Особенно, когда пьешь пиво: лишний воздух выходит. Что же мне теперь – каждый раз в туалет убежать и воду спускать, чтобы ты не услышала? Но это же бред! Кстати, отрыжка очень полезна для пищеварения, А задерживать воздух насильно – наоборот вредно. Вот ты сейчас выпила пиво – неужели тебе не хотелось отрыгнуть? Только честно!

– Если честно, хотелось, – вынуждена была признаться Маргарита, – но мне было неудобно.

– А почему? – вновь спросил Захар. – Да потому, что кто-то когда-то решил, что это неприлично. И теперь мы все в плену этого стереотипа. А если кто-нибудь придумает, что поглощать пищу на виду у всех – неприлично?! Ведь это же, если вдуматься, очень некрасиво: жующий рот – фу! Не эстетично! Отвратительно! Попробуй понаблюдай за людьми, которые

едят, попристальнее – и ты в этом убедишься. Но жевать почему-то прилично, а отрывивать – нет! Это нечестно.

– Пожалуй, в твоих рассуждениях есть резон, – сказала Маргарита. – Хотя что-то меня все же настораживает...

– Ты подумай на досуге, а я, пожалуй, пройду в ванну, – сказал Захар, – а то мне завтра вставать рано.

Пока Захар с вождением плескался в ванне, Маргарита приготовила два спальных места (незваному гостю – на полу), а потом уселась на кухне с сигареткой. Она курила и думала о том, что Захар, в сущности, очень мил и, кажется, необременителен, что прошедшим вечером она ничуть не утомлена; ну, а что касается отрыжки – невелики издержки... Во всяком случае Захар не лицемерил, а ей самой было вовсе не противно – скорей, смешно... А значит, права была, похоже, Галочка: существование бок о бок под одной крышей и любовь – понятия не категорически синонимичные, возможны и варианты. И, наверное, даже секс на трезвую голову.

И в этот самый момент своих раздумий Маргарита вдруг ощутила на своих плечах две теплые ладони, которые ласково скользили взад-вперед по гладенькой поверхности халатика.

– Я провел у тебя чудесный вечер, – раздался сверху, из-под потолка, умягченный водной процедурой голос Захара. – Можно я тебя за это поцелую?

– Пожалуйста, – зачарованная нежданно приятными ощущениями разрешила Маргарита и подставила Захару щеку.

Захар, не убирая своих ладоней с Маргаритиных плеч, склонился к ее лицу, как бы нечаянно мимо Маргаритиной щеки промахнулся – и попал прямехонько в губы. Поцелуй оказался настолько длинным, серьезным и возбуждающим, что идея устроить Захара на полу отпала как-то сама собой. Легко и непринужденно...

***

...Наутро Маргарита проснулась в состоянии возбужденно радостном: она сделала это! Отдалась безрассудно, безлюбовно и трезво едва ли не первому встречному (тут Маргарита, понятное дело, слегка преувеличила, как бы нарочно зачеркнув небанальную телефонную дружбу) – а чувствует себя почти так же воздушно, как после ночи истинной и взаимной любви. А самое главное: это огромное мужское тело обочь от нее нисколько ее не раздражает и не стесняет. И, что немаловажно, ничем дурным или отвращающе непривычным не пахнет!

Маргарита немножко поковырялась в своей, еще недавно израненной чернокудрым «Отеллой» душе, отыскала там образ героя-мучителя, осмотрела его тщательно со всех сторон, ничуть не взволновалась и даже весело сказала про себя «да пошел ты»!..

А могучее «тело» меж тем шевельнулось, распустило руки в Маргаритину сторону и с полусонной медлительностью устремилось на утренний штурм уже завоеванной Маргаритиной «крепости». Да, художники – это тебе не актеры, – едва успела подумать Маргарита...

– Ты знаешь, что мне пришло в голову! – Спросил Захар после успешного взятия «крепости». – Ты живешь одна, и я – один. Почему бы нам не попробовать пожить вместе? Как Мастер и Маргарита.

– Ой, не смей меня! – не всерьез рассердилась Маргарита. – Это же совсем другая история. Неужели ты в меня уже так сильно влюбился и написал запретный роман и Понтии Пилате?

– Нет, романов я не пишу, – простодушно ответил Захар, честно умолчав о любви. – Но как художник я – очень неплохой мастер. Хочешь, покажу? – Захар легко соскочил с дивана, развернул вчерашний сверток, и Маргарита увидела прехорошенький и преаккуратненький беленький макетик некоего мемориала славы с маленькими, выклеенными из плотной бумаги строеныцами, «металлическими цепями» по периметру и стелой вечного огня посредине!

– Ну, теперь видишь, что я – мастер? И, кстати, сам все буду делать в оригинале – сначала из гипса, потом из металла.

– Один?! – не поверила Маргарита.

– Ну, зачем один? Работника найму, – деловито ответил Захар. – Ну что, попробуем жить вместе?

– Ну да, конечно! – Воскликнула почти уже убежденная Маргарита. – Жить с женщиной гораздо удобней и дешевле, чем в гостинице!

– А вот тут ты в корне неправа, – ничуть не обиделся Захар. – Гостиница – это на самом деле свобода, которая дорогого стоит! А с женщинами я больше двух раз никогда и не встречаюсь. И под одной крышей с ними никогда не жил – я же все время переезжаю. Да и желания такого у меня не возникало.

– А сейчас почему возникло? – Подозрительно спросила Маргарита.

– А черт его знает! – Честно ответил Захар. – С тобой я почему-то не чувствую себя не свободным – и мне не хочется отсюда сбегать!

– Так ведь тебе и сбегать-то некуда. – рассмеялась Маргарита. – Или ты солгал, что тебя из гостиницы выгнали?

– Нет, не солгал, – ответил Захар. – Но ведь я сегодня деньги поеду получать в одном райцентре – и опять могу в гостинице поселиться. Но мне почему-то хочется вернуться к тебе.

– Как-то все это очень странно. Хотя... – Маргарита вдруг вспомнила об «Отелле». – Почему бы и нет?

– Вот и я о том же! – Обрадовался Захар. – Не понравится – разбежимся. Кто нас держит? А я вообще-то тебя не сильно и обременю: на работу ухожу рано, возвращаюсь – поздно и по выходным почти всегда вкальваю.

На том и порешили. Однако стоило Захару покинуть Маргаритин дом и уехать в свою деревню, Маргарита зарефлексовала: ведь незнамо же кого в дом собралась пустить! А вдруг он вор какой-нибудь в законе (дары-то недешевы и отнюдь не с прилавков!) или, например, педофил-извращенец (чего это он на Сонечку первым делом бросился смотреть?!), или вообще черт знает кто?! И посоветоваться не с кем!..

***

Но вернувшийся ближе к вечеру Захар все Маргаритины сомненья с легкостью развеял. Он пришел к Маргарите как в дом родной да еще и привез в подарок Сонечке каких-то книжечек и развивающих кубиков, ибо изъяснялась Сонечка (впрочем, вполне по возрасту) пока еще вовсе невразумительно.

Ну, а та сумма денег, что Захар добыл в «честном бою» с председателем колхоза, который, несмотря на хорошенький макетик, поначалу и слышать не хотел о каких-то там процентах от суммы общего заработка, оказалась так внушительна, что Маргарита (не подав, впрочем, виду) про себя аж ахнула. Таких деньжищ она и в руках-то никогда не держала! Там было не меньше (а то и больше) той суммы, какую платило ей государство за целый год работы!

– На, положи в тумбочку или где ты там их держишь, – сказал Захар без тени самодовольства. – Будешь выдавать мне по потребности, тратить на хозяйственные нужды, а свои копейки оставь себе на булавки.

Впервые в жизни Маргариту кто-то собирался содержать – и она ощутила во мгновение ока такой прилив радостной благодарности, который не шел ни в какое сравнение с материально не подкрепленными чувствами-с! Выходит, права была Галочка?!

Впрочем, тут же вылезла на свет и вторая, неременная, сторона медали, ибо вместе с дензнаками, мелкими подарками и коробкой с разнообразными продуктами питания (и обязательным пивом в том числе) Захар притащил с собой и пакет, плотно набитый Захаровыми вещами, среди которых были, впрочем, одним только грязные рубашки, трусы и носки. При-

чем, рубашки все были изначально сплошь белые или очень светлые – с черным внутренним обручем грязи на воротничках. Трусы тоже были белые, а вернее, не эстетично серые. Но зато носки, что приятно, не стояли...

– Я думаю, тебе не составит труда все это постирать, раз уж мы будем жить вместе, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Захар. – Самому-то мне будет некогда.

– А кто же тебе все это в гостинице стирал? – не утерпев, съехидничала Маргарита.

– Так я их в прачечную сдавал, – простодушно объяснил Захар. – А ты же теперь вроде как моя жена.

– Ах, ну да, – как бы вспомнила Маргарита. – Конечно, постираю. Не могу же я позволить, чтобы из моей квартиры выходил мужчина в грязной рубашке.

– Ну, и еще несколько мелочей, – сказал Захар уже за ужином, – о моих кулинарных предпочтениях.

Утром – обычная яичница или лучше омлет (яйца, мука, лук, помидор и майонез вместо молока), обжаренный с двух сторон, а вечером – что-нибудь мясное плюс обязательно редиска (зимой – капуста) и охлажденный отвар из двух пучков щавеля (!), который на его родине назывался «холодник» и употреблялся вместо русского кваса.

– Впрочем, завтрак я могу готовить себе сам, чтобы специально тебя не будить, – утешил Захар слегка приунывшую Маргариту. – Но все же завтракать в твоей компании мне было бы гораздо приятней.

А потом, пока Маргарита стелила «супружеское ложе», Захару удалось так быстро утихомирить и усыпить вроде бы отчаянно взбудораженную новым порядком вещей Сонечку, что Маргарита просто диву далась и подумала: вот что значит – мужчина в доме!

***

А мужчина тем временем, оставшись в одних трусах, взял с Маргаритиной полки какую-то книжку, нацепил на нос невесть откуда выуженные очки, преспокойно улегся на свое «законное» место и увлеченно уткнулся в текст. Маргарите это понравилось, она тоже взяла книжку и прилегла рядом с Захаром, тоже уткнулась в текст и почувствовала себя ну о-очень комфортно. Надо же, подумала она, не прошло и полгода, а мы лежим уже рядышком привычно и естественно, как старые супруги, – да еще и книжки читаем. Кино да и только! Какое счастье!..

Однако Маргаритина радость оказалась, увы, весьма недолговременной, ибо примерно через четверть часа совместно-отдельного чтения Маргарита вдруг ощутила с изумлением, что хочется ей вовсе не читать. И Маргарита, продолжая тупо пялиться в книжку, принялась, все больше и больше раздражаясь на самое себя, ожидать, когда же Захар, наконец, снимет свои чертовы очки, властно выключит свет и приступит к исполнению своего супружеского долга! Ну и что, что она вовсе не любит этого малознакомого рыжекудрого толстяка? Но ведь он-то, раз уж назвался груздем (ну, то есть сожителем), не должен позволять себе в первый же вечер совместной жизни лежать недвижимой тушей рядом с такой привлекательной дамой, как Маргарита, и не деликатно манкировать ею.

– Все, пора спать! – Сказал, наконец, Захар, закрыв книжку, и, заразительно зевнув, выключил свет.

– А тебе не кажется, что мы ведем себя как престарелые супруги? – Обиженно спросила Маргарита.

– Ты имеешь в виду секс? – простодушно попал в точку Захар, снова зевнул и даже, кажется, пукнул.

– Ну, в общем, да, – не стала жеманничать Маргарита. – Мне как-то обидно, что ты ко мне не пристаешь! А ведь вчера ты был так активен!

– Я очень устал и мне лень, – честно ответил Захар. – Но ты, если хочешь, можешь меня активизировать.

– А кто сначала активизирует меня? – несказанно удивилась Маргарита.

– А зачем? – Удивился Захар. – Ты же сама этого хочешь. Значит, возьми дело сначала в свои руки, потом – в губки – и все будет о кей!

– Ну, уж нет! – Отрезала Маргарита. – К этому процессу мужчина должен подвинуть женщину. И отнюдь не словами. Все, я сплю!

И, конечно же, не уснула! Но зато, всю ночь бестолку и без сна проворочавшись рядом с равнодушным, хоть и горячим на ощупь, телом, Маргарита поняла сразу две огорчительные истины. Во-первых, секса нормальной и трезвой женщине, оказывается, может захотеться и с нелюбимым мужчиной, коль уж он лежит рядом. А во-вторых, вопрос «кто должен начать первым» возникает, очевидно, тогда и только тогда, когда меж партнерами не искрит любовь. Поняла Маргарита и третье: в сексуальной жизни ее, похоже, ожидают одни проблемы...

Однако наутро Захар, очевидно, чувствуя себя виноватым, все же выполнил – деловито и «немногословно» – свой «супружеский» долг. А Маргарита в ответ на проявленное «мужество» собственноручно изготовила «страстному любовнику» огромный, с двух сторон обжаренный и ничуть не подгоревший омлет...

***

В роль замужней и к тому же обеспеченной дамы Маргарита, к немалому своему удивлению, вскользнула так же ловко, как входит нож в размягченное сливочное масло.

Театральная труппа по-прежнему «развлекалась» на гастролях (а потом до конца лета должна была уйти вместе с Маргаритой в законный отпуск), и потому на службе Маргарита проводила не больше часа в день (и то не каждый) – чтобы только отметить да прихватить с собой для очистки совести (они ведь там. На гастролях, пашут, а она тут – бездельничает) пару-тройку новых, тогда еще советских пьес, которые она регулярно заказывала столичным машинисткам, или брала для профессионального развития в театральной библиотеке нечитанных ею классиков – Лопе де Вега там или Бомарше. Образование у Маргариты было не специфически театральное, а просто филологическое и потому знаниями всех тех драматургических богатств, что выработало человечество, начиная с Софокла, Еврипида и Аристофана, Маргарите в дотеатральную фазу жизни овладеть не довелось.

Да и не любила она, честно говоря, читать пьесы! Но зато театр со всей его перманентно-праздничной суматохой и перманентными же интригами – о-бо-жа-ла! И потому с чтением драматургических творений мирилась как с неизбежным злом и издержкой счастливого производства. А впрочем, пьесы для постановки, слава Богу, выбирал вполне самостоятельно и деспотично Маргаритин непосредственный начальник – главный режиссер театра со злодейской фамилией Сатановский, которая (фамилия то есть) как бы утверждала, что гений и злодейство вполне совместны. Хотя бы на уровне фамилии... Ибо режиссером Сатановский был весьма талантливым и по своему творческому почерку – отнюдь не провинциальным. Но это к слову..

К тому, что все лето не обремененная беззаветным и бескорыстным (потому что зарплата была смешная) служением высокому искусству сцены Маргарита с удовольствием принялась разучивать, а затем блистательно исполнять незнакомую ей доселе роль жены и матери полноценной ячейки общества: мама, папа, я – приличная семья.

Ежедневно, вместе с Сонечкой в летней коляске, Маргарита степенно и торжественно, как на светский променад, выходила в магазины и на ближайший базарчик, где очень быстро научилась прицениваться, торговаться и даже выбирать мясо, что совсем еще недавно было для Маргариты наукой непостижимой, ибо от одного только вида разрубленных на куски животных ее начинало поташнивать. Кстати, тому, что торг на базаре не только уместен, но и необходим,

ее научил Захар: покупателя, который не торгуется, – сказал он, – торгаши не уважают. И что вообще торг – это для обеих сторон некая ритуальная игра-развлечение, от которой можно получить, сэкономив несколько рублей-копеек, и моральное, и материальное удовлетворение. Простой и совсем необременительный способ получить лишнюю порцию положительных эмоций. Послушно вняв Захаровой науке, с базара всякий раз Маргарита возвращалась в превосходном настроении. Поди ж ты, мелочь, а приятно!

Содержать Захара в чистоте оказалось делом тоже не очень-то обременительным, поскольку устраивать большую стирку можно было всего один раз в десять дней – в соответствии с числом Захаровых белых рубашек, трусов и пар носков. Постирала все разом (носки, впрочем, отдельно), на другой день погладила – и спи-отдыхай.

Оставались разве что утренние омлеты-яичницы да ужины, которые Маргарита теперь готовила в двойном или даже тройном, чем прежде, объеме – и обязательно с мясом или рыбой. Плюс обязательный отвар из щавеля под названием «холодник». Ну, да и к этому новому кулинарному режиму Маргарита адаптировалась буквально за неделю. И нарадоваться не могла, как ловко у нее все это получается! Ведь выходило так, что разбиться о пресловутый быт любовная лодка Маргариты и Захара категорически не могла. Ибо и быт был не тяжел, и любви, в сущности, не наблюдалось. Наблюдалась лишь искренний пиетет да взаимная благодарность.

Вот Маргарита и философствовала на досуге: каждая, дескать, женщина, – будь она даже самая отпетая феминистка или невольная обладательница мифического венца безбрачия – в глубине души, в подсознании и на генетическом уровне все равно, в первую очередь, жена и мать. А все остальное – любовь-морковь, секс, пот и слезы (счастья, разумеется) – от лукавого...

Да и как было Маргарите не думать таким именно образом, когда с интимной стороной ее жизни с Захаром ничего так и не утрясалось. Маргарита готова была исполнять свой супружеский долг еженощно, а Захар с трудом пересиливал свою могучую лень примерно раз в две недели, используя для ЭТОГО, как правило, естественную утреннюю эрекцию. Маргарита злилась и покрывалась неприсущими ей прыщиками, но превозмочь свои тухлые установки (взять дело в свои руки, а потом – а губки) не могла.

***

А тут еще явился на свет и третий (не считая сексуальных проблем) Захаров недостаток. Первый – это, напомним, честная отрыжка, второй – регулярная порча воздуха в результате ежедневного поедания редиски. Со всем этим Маргарита, впрочем, смирилась довольно быстро, памятуя об искреннем высказывании одного, когда-то очень близкого человека: не стесняйся, устраивать газовую атаку в присутствии женщины есть знак высшего к ней доверия!

Смириться же с третьим изъяном простодушного Захара оказалось для Маргариты затруднительным, ибо он (изъян) напрямую был связан с вышеозначенным неустройством сексуальной жизни. Суть изъяна сводилась к тому, что Захар, едва усыпив Сонечку (что очень быстро стало его святой семейной обязанностью), тут же снимал трусы и укладывался обнаженной розовой тушей на брачное, так сказать, ложе. В одной руке Захар обыкновенно держал очередную книжку, а другой звучно и с вожделием почесывал по окружности пространство собственного тела в непосредственной близости от своего мужского достоинства!

Зрелище это было пренеприятнейшее и даже для Маргариты оскорбительное: он, значит, ежевечернее демонстрирует свой детородный орган, а в ход его пускает два (максимум три) раза в месяц! То есть Захар как будто бы подразнивал Маргариту.

– Тебе не кажется, что совершать так откровенно столь интимный акт – это не очень-то этично! – Не стерпела однажды Маргарита. – Хоть бы простынку, что ли, прикрылся.

– Под простынкой жарко, – отвечивал Захар, оторвавшись от книжки. – В гостинице я вообще весь день хожу голый, потому что летом меня всякая одежда раздражает. Я же толстый и очень сильно потею. Особенно в этом месте, – по-детски доверчиво объяснил Захар. – Но мы же с тобой не станем из-за такой мелочи ссориться. Ведь я не снимаю трусов, пока Сонечка не уснула.

***

Во всех же остальных моментах этот, неожиданно свалившийся гражданский брак Маргариту вполне устраивал. Захар действительно на грязную свою скульптурную работу уходил самым ранним утром, а возвращался – поздним вечером. Так что видела его Маргарита (не считая ночи) всего три-четыре часа в сутки. Этого вполне хватало, чтобы с приятностью побеседовать на разные невысокие темы (иногда, впрочем, речь заходила и о разных искусствах), и явно недостаточно для того, чтобы друг на друга за что-нибудь обидеться, поскандалить и поссориться. Да и не было у Маргариты с Захаром для этого особых поводов.

Спорить, конечно же, спорили, но вовсе не до ссоры и уж тем более скандала. Причем, спорная тема у наших героев была, кажется, всего одна – гипотетическое крещение Маргариты. И, разумеется, Сонечки. Так вот Захар над этой «сумасбродной» идеей регулярно посмеивался.

– Это же чистое лицемерие, – увещевал Маргариту Захар, – не более чем дань дурацкой моде. Как все раньше в партию стремились, чтобы карьеру сделать, так теперь – в церковь, чтобы душу спасти и с себя ответственность за ее спасение снять. Ну, признайся, ведь ты же не веришь в бога?

– Может быть, до конца еще и не верю, – не отрицала Маргарита. – Но я уже на пути к вере. И вовсе не моды ради, а духовного развития для. Я хочу, например, разобраться, почему верили в бога чтимые мною писатели и философы прошлых веков. Люди, гораздо более чем я, просвещенные. Ведь религия – это же целая область мировой истории и культуры. А я в ней – полный профан! А когда случайно захожу в церковь (где, кстати сказать, всегда почему-то испытываю священный трепет), чувствую себя полной debilкой и инопланетянкой.

– Ну, так и займись теологией, – резонно говорил Захар. – А креститься-то тебе зачем? Неужто ты, дама с высшим образованием, поверишь в эти сказки об Иисусе Христе – в то, что он воскрес и вознесся?

– А почему бы и нет? – Возмущалась Маргарита. – В это полмира верит!

– А может быть, все они прикидываются? – Смеялся Захар. – А на самом деле не верят. Потому что поверить в это невозможно! Ты видела хоть одного воскресшего покойника?

– Но ведь Иисус Христос был не простой покойник, – парировала Маргарита. – Он был БОГ! Хотя в его воскресенье я пока действительно не очень-то верю. Для меня это скорее неразгаданная метафора. Но ведь Священному Писанию уже почти две тысячи лет! Немногие книги так долго живут!

– А ты подумай о том, сколько раз за это время они переписывались да с языка на язык переводились. – Резонно говорил Захар. – Осталось ли там хоть слово так называемой божественной истины?

– Ой, не надо загонять меня в тупик! – Воскликнула Маргарита. – И вообще мы с тобой спорим о том, чего почти не знаем. Только я хочу узнать, а ты почему-то не хочешь. Никогда бы и представить себе не могла, что от принятия христианской веры меня станет отговаривать представитель избранного народа. Или предательство Иисуса – у вас в генетической памяти? И вы до сих пор закидываете его камнями?

– Никого я не закидываю, – не всерьез обиделся Захар. – Я просто здраво мыслю! А у евреев между прочим бог другой, вовсе не Иисус Христос. Но я и в него не верю. Я верю в свои руки и в свою голову. И пока еще они меня не подводили! А заповеди я и так не нарушаю: не творю кумира, не убиваю, не краду, не лжесвидетельствую, не желаю дома ближнего сво-

его... А если жену чью-нибудь случайно пожелаю, то только от неведения. От того, что не знаю, есть ли у дамы муж. Словом, порядочным человеком можно быть без веры и без церкви.

Таким вот образом, с разными вариациями, Маргарита и Захар время от времени обсуждали тему Маргаритиново воцерковления. После чего Захар, умаявшись аргументами, обыкновенно засыпал, а Маргарита, напротив, долго не смыкала глаз, тщетно пытаясь представить себе картины воскресения и вознесения. И приходила к выводу, что главное – верить в то, что Иисус Христос был богочеловек, а остальное приложится. Интересно, что в такие ночи Маргарита вовсе не думала о сексе...

***

К хорошим моментам жизни Захара и Маргариты можно было отнести и те выходные дни, когда Захар не уходил на свою работу ни свет ни заря, а оставался до полудня дома – и с нескрываемым удовольствием играл с Сонечкой. Читал ей книжицы, пытался учить буквицам или просто, врубив какую-нибудь ритмичную музыку, с Сонечкой танцевал. В одних трусах, разумеется. И это было вовсе не смешно и не противно, а очень даже впечатляюще – просто загляденье!

Ибо Захар, несмотря на свои слоновьи габариты, перемещался в пространстве, совершая разнообразные танцевальные па, с неожиданной для такой мощной «туши» красотой и грацией. Притом он вовсе не топал своими огромными лапами, как слон, а, наоборот, становился как будто бы чрезвычайно легким и даже невесомым. Этакое, носимое ветром музыки, рыжее пламя огромного костра. И действительно Захар не танцевал – он летал! А его крохотная партнерша Сонечка (одна рука на плече, другая – в Захаровой руке, а ножки – на выпуклости его пуза) смеялась так заразительно радостно, что Маргарита в эти хореографические минуты с легкостью прощала Захару и его ночную лень, и все три противных недостатка.

Кстати сказать, возможно, именно благодаря этим Захаровым урокам танцев Сонечка навсегда полюбила искусство телодвижений и научилась со временем под любую музыку изобретать и исполнять свои собственные музыкально-ритмические композиции.

А однажды, восхищаясь этой прелестной танцевальной парой, Маргарита вдруг остро почувствовала, как искренне Захар любит Сонечку и как ему, наверное, в жизни недостает своего собственного единокровного «наследника». Хоть сам он, может быть, и не отдает себе в этом отчета. А может быть, именно ей, Маргарите, и суждено стать матерью Захарового ребеночка?! Ведь детей (это она точно знала) во всякой порядочной семье должно быть, как минимум, двое!

Маргарита с легкостью представила себе маленькое златовласое существо с карими глазками, мгновенно вспомнила всего единожды испытанное счастье деторождения, сердце у нее приятно защемило и, едва Захар, завершив очередной танец, опустил Сонечку на пол, беззастенчиво солгала:

– А ты знаешь, у меня – задержка...

– С чего бы это? – Удивился Захар. – Ведь мы с тобой так редко занимаемся сексом.

– Когда редко, тогда и метко, – парировала Маргарита. – И что прикажешь делать?

– Ну, ты сама прекрасно знаешь, как поступить в этом случае, – спокойно ответил Захар. – Ты же взрослая женщина.

– И ты позволишь мне убить твоего первого ребеночка?! – Возмутилась Маргарита.

– Вообще-то нет, наверное, – Нерешительно ответил Захар. – Хотя я почти уверен, что детей от меня быть не может. Возможно, ты вовсе и не беременна.

– Неужели тебе не хочется прижимать к груди собственного ребенка, которого бы ты любил еще больше, чем Сонечку?

– Знаешь, о чем я мечтаю? – Согласно не писанным национальным правилам ответил Захар вопросом на вопрос. – Я мечтаю построить огромный дом. В три этажа. На первом будет

большая гостиная, кухня и, например, бильярдная. На втором – комнаты для супругов и детей – двоих или троих. Да! Еще библиотека! А на третьем, поближе к солнцу – мастерская художника... В дворе – бассейн и сауна. А потом... – Тут Захар сделал длинную паузу, задумался, а Маргарита в это время сказала про себя: «А потом мы поженимся и переедем в этот дом!» Но Захар, увы, имел в виду совсем другое:

– А потом этот роскошный дом – взять да и вдуть раза в три дороже начальной стоимости!

Захар произнес эту коммерческую фразочку с такой энергичной экспрессией, что Маргарита аж вздрогнула от столь неожиданного поворота его мыслей.

– О Господи, а я-то думала, что ты для себя этот славный коттеджик построить мечтаешь, – с трудом скрыв разочарование, сказала Маргарита.

– Конечно, для себя, – ответил Захар. – Но если я сначала построю дом или два на продажу, то мой собственный тогда мне ничего не будет стоить! Это же элементарная экономика.

– А где ты возьмешь первоначальный капитал? – Поинтересовалась Маргарита. – Ведь ты же заработанные денежки проживаешь!

– Что-нибудь придумаю, – беспечно ответил Захар, – бизнес какой-нибудь затею. Менее пыльный, чем скульптурные работы, и гораздо быстрее приносящий прибыль.

Этот странно-экономический разговор имел два последствия: Маргарита решила во что ни стало доказать Захару, что у него могут быть дети; а Захар примерно через полмесяца овладел эксклюзивным искусством создания, посредством кузбаслака, картинок на металлических дощечках.

***

Было как раз начало осени. Захаровы деньги (двенадцать Маргаритиных зарплат или даже больше) к этому времени благополучно закончились, Маргарита уже вышла из отпуска, но до первого аванса было еще далеко, и материальное положение новорожденной (хоть юридически и не узаконенной) ячейки общества почти в одночасье резко пошатнулось и даже почти упало. Ибо жить теперь приходилось на жалкие останки тех денежек, которые Захар, кажется, еще совсем недавно предложил Маргарите потратить на булавки.

И тогда с Маргаритиными чувствами к Захару – пиетет плюс радостная благодарность за освобождение от необходимости считать свои копейки – произошла странная (или объективно естественная) метаморфоза!

Все три Захаровых недостатка, как три голодных зверя, вырвались из клетки и нещадно принялись грызть не обремененную ах-любовью Маргаритину душу. Ну, а поскольку сексуальный потенциал Захара теперь оказался скованным не только ленью, но и тяжкими думами о том, где взять денег, то Маргарита стала чувствовать не проходящее раздражение и даже злость на несуразного своего партнера.

И тут, как будто услышав Маргаритины терзания, ей как-то вечером, когда Захар еще не вернулся, вдруг неожиданно позвонил некто Сергей Васильевич – детский врач, который полгода назад спас Сонечку от неминуемой смерти вследствие жесточайшей пневмонии. Сергей Васильевич был слегка моложе Маргариты, высок, мрачно красив и казался очень мужественным – сильным духом и телом. Что было в общем-то неудивительно, ибо свою службу детскому здоровью он нес в отделении реанимации – на зыбкой грани между жизнью и смертью. И Маргарита, переполненная чувством благодарности, ощутила к спасителю дочери столь внятное влечение, что, выписываясь из больницы, пригласила Сергея Васильевича на домашний «праздничный ужин» и дала ему свой телефон.

Однако от ужина суровый реаниматор не то, чтобы отказался, но ответил как-то уж очень неопределенно – напряженка, ночные дежурства, семья и живет у черта на куличках... Впрочем, записочку с Маргаритиным телефоном охотно взял и, аккуратно сложив пополам, спрятал в карман белого халата. А его мрачно-суровое лицо осветилось такой приятнейшей и как

будто даже заговорщической улыбкой, что Маргарита кожей почувствовала его ответное к ней влечение и, вернувшись со спасенной Сонечкой домой, стала с нетерпением ожидать звонка. Но прошел месяц другой и третий, а Сергей Васильевич так и не объявился...

Но зато, как нарочно, позвонил именно теперь, когда Маргарита была как бы замужем, раздражена безденежьем и в сексуальном смысле весьма неудовлетворительно обслужена.

– Вы меня еще помните – спросил Сергей Васильевич.

– Не то слово! – Ответила Маргарита. – Моя благодарность к вам не зависит от времени и не имеет пределов. Вот только на «праздничный ужин» я, увы, не могу вас пригласить, ибо я теперь, как бы это сказать...

– Замужем? – Помог Сергей Васильевич с сожалением в голосе.

– Да, что-то в этом роде, – огорченно подтвердила Маргарита. – Где же вы были раньше?! Ведь полгода уже прошло!

– Неужели полгода? – Удивился Сергей Васильевич. – А я и не заметил. Как же быстро летит время! Жаль... Я очень хотел с вами встретиться!

– Так ведь и я хочу! – Воскликнула Маргарита. – Только пока не представляю, как это можно сделать в моем теперешнем положении.

– А вы запишите мой новый рабочий телефон, – предложил Сергей Васильевич, – и дайте мне знать, когда что-нибудь придумаете. Я теперь работаю неподалеку от вашего дома.

В тот вечер Маргарита, проклиная про себя несправедливые несурезицы своей женской судьбы и ощущая неодолимое (оно, оказывается, никуда не делось) влечение к суровому доктору, несколько раз дерзко нахамила ничего не понимающему Захару. А потом, в постели, когда Захар выключил свет и сказал «спокойной ночи», Маргарита впервые в их короткой жизни обозвала Захара импотентом...

***

Случай для того, чтобы позвонить Сергею Васильевичу, представился буквально через пару дней и спровоцировал его, сам того не ведая, именно Захар.

Вернувшись поздно вечером с работы, он обнаружил Маргариту в компании неизвестной ему актрисы Катеньки, с которой (Захар, понятное дело, этого знать не мог) Маргарита ежегодно отмечала окончание летних гастролей. Они, как всегда, скинулись на бутылочку сладкого вермута, Катенька уже успела в подробностях поведать Маргарите и разные пикантные подробности о гастрольной жизни, и, конечно же, об «Отелле», который, на удивление всей труппе, ни с кем из одиноких молоденьких актрисок не завел романа (хоть его на это и соблазнили), но зато всем уши прожужжал о какой-то своей, несусветно умной и красивой иногородней якобы жене, которая, может быть, осенью к нему сюда приедет. Одинокие молоденькие актриски, – подытожила Катенька, – на «Отеллу» хором обиделись и единодушно решили, что новый молодой герой-любовник во внесценической реальности либо безнадежный импотент, либо педик...

К приходу Захара Маргарита с Катенькой уже вдоволь посплетничали и теперь, вместе с ошачливленной Сонечкой, с упоением танцевали под супермодные в том сезоне итальянские хиты.

Выпить с девушками вина Захар решительно отказался. Он безо всякого стеснения улегся на диван и заявил, что у него раскалывается голова и что он слышать не может этих «бездарных макаронников»! Более того, Захар настоятельно и даже как будто с оттенком приказа попросил избавить его от этой «примитивной музыки», чем моментально вывел Маргариту из миротворного хмельного равновесия.

– Вообще-то, – едко (и впервые!) напомнила Маргарита, – я – хозяйка в этом доме. И сегодня у меня – гости. И мы хотим слушать итальянцев. Ты, кстати сказать, тоже, в сущности, гость. А от головной боли я могу дать тебе таблетку!

– Ну, тогда хотя бы сделайте музыку потише, – сказал Захар, как будто не обратив внимания на грубое и обидное Маргаритино заявление. От таблетки отказался и отвернулся лицом к стене. Вечер был безнадежно испорчен.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду домой, – сказала Катенька, закурив на пару с Маргаритой сигаретку на кухне. – Мне твоего Захара что-то жалко. И голова у него болит...

– Вот и возьми его себе! – Отрезала Маргарита. – Какое он имеет право хамить моим гостям и хозяина из себя строить?! А я из-за него хорошему человеку в свидании почти что отказала, – и Маргарита шепотом рассказала Катеньке про «доброего доктора». – Вот сейчас пойду тебя провожать и наудачу позвоню ему из автомата – вдруг он как раз сегодня дежурит?

– Но ведь ты все равно не можешь позвать его к себе, – рассудительно сказала Катенька.

– Ну и что? – Ответила Маргарита. – Может, он сам меня к себе позовет?

– Куда? В реанимацию? – Перепугалась Катенька.

– А почему бы нет? – Развеселилась Маргарита. – Заодно посмотрю, как они там детишек спасают.

Сергей Васильевич Маргаритиному звонку очень обрадовался: у него действительно, к счастью, выдалось ночное дежурство, и он ничтоже сумняшеся пригласил Маргариту хоть и не в то же самое, но в точно такое же отделение реанимации, в котором он когда-то спасал Сонечку от жестокой пневмонии.

– Ведь вы же когда-то хотели увидеть, как мы детишек спасаем, – сказал Сергей Васильевич почти Маргаритиными словами.

– Ждите меня через час! – Решительно ответила Маргарита, слегка ошарашенная совместным ходом мыслей.

И тогда Маргарита решительно потянула за собой, обратно домой, потрясенную Маргаритиной «наглостью» Катеньку (надо же было обеспечить себе алиби!), приказала Захару уложить Сонечку спать, а ее, Маргариту, не ждать до утра, ибо она проведет эту ночь у Катеньки, где им никто не запретит слушать ненавистных Захару «макаронников» и создавать неудобства Захаровой голове и «тонкой его душе»!

Захар, очевидно, памятуя о том, что он все же скорее гость, чем хозяин, в этом доме, не стал ни возражать, ни тем более скандалить. Маргарита чмокнула Сонечку в пухленькие щечки-губки и пожелала своей горе-семье спокойной ночи...

***

...Сергей Васильевич действительно провел Маргариту, крепко и убедительно прижимая ее не слишком послушное (вермут-с!) тело к своему белому халату, по некоторой части своего отделения, показал ей (сквозь стеклянные стены, разумеется) вырванных из рук смерти детишек; а потом неожиданно увлек Маргариту в какое-то темное пустое помещение с одинокой жесткой кушеткой у стены, закрыл дверь на ключ – и с нескрываемой жадностью набросился на Маргариту...

И затем за несколько (три, четыре или пять?) часов этого страстного интимного общения «добрый доктор» (ах, как недоставало Маргарите именно такого «лечебного» участия!) выполнил не менее чем двухмесячную норму сексуально ленивого Захара. Кто же там в эти расчудесные часы наблюдает за спасенными детишками, – спрашивала себя Маргарита в минуты передышки.

А впрочем, у Сергея Васильевича, как в результате выяснилось, был понимающий напарник. Он-то в свое время и завершил тихим, уважительным стуком в дверь эту полную звериной страсти и восторга безумную ночь.

И тогда оказалось, что на улице уже почти совсем рассвело. Сергей Васильевич вызвал такси, страстно, до боли, целовал Маргариту в губы у ворот больницы, говорил, что ночь была прекрасна и нежна, и что он с нетерпением будет ожидать следующего Маргаритино

звонка. А Маргарита, с удовольствием отвечая на поцелуи, чувствовала себя ну совершенно реанимированной! Правда, к этому приятнейшему ощущению примешивалась и капля стыда: она мерзко изменила Захару! Хотя, если честно, капля эта была весьма незначительной: ведь именно Захар виновен в том, что Маргарита почти уже забыла, что это такое – чувствовать себя безусловно желанной и сексуально обслуженной дамой!

И потому ничуть не удивительно, что уже на пороге квартиры чувство стыда благополучно улетучилось; и Маргарита наскоро (чтобы не вызывать подозрений у как будто бы спящего Захара) умывшись, нырнула под одеяло на свое законное место рядом с незадачливым партнером. Однако подозрения все же вызвала. Захар, конечно же, моментально проснулся и резонно заявил:

– Ты была не у подружки!

– Как это не была?! – Возмутилась Маргарита.

– От подружки ты не вернулась бы так рано. Сейчас всего четыре часа утра. В такое время возвращаются от мужчины. С которым не хочется просыпаться утром в одной постели. Не хочется или нет возможности.

Прозорливость Захара так потрясла Маргариту, что у нее от стыда аж пятки похолодели, но она стойко стояла на своем: была, дескать, у Катеньки, а домой вернулась так рано лишь за тем, чтобы не проспать в гостях того момента, когда Захар уйдет на работу и Сонечка, не приведи бог, останется одна.

– Неужели ты думаешь, что я бы оставил Сонечку? – Спросил Захар, искренне удивленный дурацким Маргаритиным предположением.

– Конечно, не оставил бы, – ответила Маргарита. – Но на меня наверняка бы отчаянно злился за то, что я нарушаю твой жизненный ритм! И вообще я хочу спать!

...Проснувшись законным уже утром от щебета Сонечки, как всегда вынутой Захаром из ее высокой клетки-кроватки, Маргарита обнаружила Захара совсем уже одетым и... с внушительным пакетом в руках. Сквозь пакет не слишком красноречиво просвечивали несвежие (и свежие, впрочем, тоже) Захаровы рубашки.

– Неужто ты решил воспользоваться услугами прачечной? – Сострила Маргарита как бы сквозь сон.

– Да, – серьезно ответил Захар. – Я решил переехать в гостиницу.

– Не поняла! – Окончательно проснулась Маргарита. – Ты что, от меня уходишь? Ты мне не веришь?! Ты все еще думаешь, что я тебе изменила?!

– Честно говоря, я не знаю, что думать, – искренне ответил Захар. – Но свои сомнения я должен пережить один. Это, во-первых. А во-вторых, у меня нет денег на совместную жизнь. Так что лучше нам этот сложный период перекантоваться поодиночке. А я пока придумаю себе какую-нибудь быстроходную работу. У меня уже есть кое-какие мысли.

– Значит, на гостиницу ты денег найдешь, а на совместную жизнь – нет? – Обиделась Маргарита.

– Именно так, – сухо ответил Захар. – И вообще я должен подумать, стоит ли нам жить дальше. И ты тоже подумай.

– И сколько ты собираешься думать? – Обиженно поинтересовалась Маргарита.

– Откуда я знаю? – по обыкновению ответил Захар вопросом на вопрос. – Там видно будет...

И ушел.

***

«Привычка свыше нам дана, замена счастию она», – грустно призналась себе Маргарита (пусть и не своими словами) в первый же вечер, который они с Сонечкой коротали без Захара. А в последующие дни Маргарита с удивлением осознавала, что она не просто грустит, а чув-

стует себя так, как будто у нее насильственно отняли нечто большое, важное и жизненно необходимое.

Нет, она вовсе не чувствовала себя так, как будто ее предательски кинул горячо любимый человек: не страдала, не лила слез, не испытывала боли. Но зато испытывала ужасающую пустоту! Ее маленькая квартирка казалась ей как будто недозаселенной, а вечера (когда засыпала Сонечка) – бесполезно потраченным временем.

– Глупость какая! – вслух сердилась на самое себя Маргарита. – Ведь я свободна от быта, от службы партнеру, который не только меня не удовлетворяет, но и во многих своих проявлениях раздражает! Ведь лучше голодать, чем что попало есть, и лучше быть одной, чем вместе с кем попало!

Однако внутренний Маргаритин голос (диссонансом к внешнему) упрямо твердил, что Захар – вовсе не «кто попало». Что он по-своему интересный и весьма незаурядный человек, искренний (что нечасто встречается) и добрый, а его сексуальное недоустройство и неприличные звуки и запахи – это самая настоящая чепуха на постном масле. Все это, вместе взятое, – гораздо меньше, чем та огромная пустота, в которой вдруг очутилась Маргарита. Да что Маргарита?! Захара доставало даже неразумной Сонечке. А иначе зачем бы ей на всякий случайный стук в дверь или телефонный звонок радостно картавить «Захай! Захай!», а потом явственно огорчаться?!

Слава Богу, думала Маргарита, что Сонечка еще слишком мала для того, чтобы спросить у Маргариты объяснений! И что бы тогда Маргарита ей ответила? Что Захар – никудышный сексуальный партнер?! Да разве в этом высший смысл совместного существования?! Разве не важнее то ощущение внутреннего комфорта, которое, пожалуй, гораздо приятней, чем всякие любовные треволнения и в общем-то изнурительный «звериный» секс?!

А ведь их жизнь с Захаром, вспоминала Маргарита, началась и протекала так естественно и непринужденно, как будто они и в самом деле были созданы друг для друга. Ну, и что с того, что не любили? Может быть, вся любовь была у них впереди! Как знать?!

***

Утешало Маргариту в этих ее внутренних метаниях лишь то, что Захар, похоже, испытывал идентичные чувства, ибо он время от времени (как минимум один раз в три дня) наносил Маргарите телефонные «визиты»: живо интересовался ее театральными делами, здоровьем Сонечки и о своей индивидуальной трудовой деятельности понемножку рассказывал да жаловался на нерадивых своих помощников, которые, не будучи связаны канатами службы государству, являют чудеса лени, безответственности и вечно русского «авось»...

Маргарита не осмеливалась спросить Захара, когда он собирается (и собирается ли вообще) вернуться «в семью», понимая, что решение этого вопроса, увы, не в ее компетенции: Захар поступит так и только так, как именно он считает правильным и нужным. А впрочем, в этой Маргаритиной несмелости скрывалось и некоторое смущенное кокетство: она чисто по-женски (лукаво) не желала демонстрировать Захару одолевавшую ее грусть.

Пусть лучше думает, что у нее и без него все в порядке и дел невпроворот: пьесы вечерами читать, вести длинные деловые беседы с мэтром Сатановским, который любил звонить Маргарите за один вечер по три раза кряду; недлинные – с подружками, которых она за недолгое время жизни с Захаром почти забросила (ведь глупо же подолгу болтать с кем-то по телефону, когда у тебя под боком – живой собеседник; опять же и об интимном дамском при нем всласть не поговоришь), заниматься с Сонечкой, наконец!

А однажды, дабы доказать самой себе свою естественную независимость, Маргарита даже позвала в гости Сергея Васильевича. Но не по своей вовсе инициативе. Ибо «добрый доктор», как будто унюхав своей звериной плотью Маргаритино неожиданное одиночество, сам позвонил как-то вечером (Сонечка как раз отходила ко сну) и сказал без обиняков, что хочет Мар-

гариту. Маргарита было обрадовалась и даже призналась Сергею Васильевичу, что, возможно, навсегда рассталась со своим гражданским мужем, и, конечно же, согласилась в надежде на очередную чувственную «реанимацию» принять «доброе доктор» в своей обители.

Однако вышло все, увы, не то, чтобы несуразно, но как-то уж совсем не вдохновенно и даже банально. То ли отсутствие белого халата стало тому причиной, то ли место действия (в отличие от отделения детской реанимации) оказалось не столь экстремально возбуждающим, но Сергей Васильевич не набросился на Маргариту, аки зверь голодный, не кинул ее страстно на диван, а отправился сначала на кухню и предложил Маргарите испить по рюмочке спиртика из маленьких больничных пузыречков.

И тут за рюмочкой-то и выяснилось, что говорить Маргарите с доктором особенно не о чем, что нет у них (кроме детских болезней, разумеется) никаких услаждающих душу точек соприкосновения. И потому беседа за рюмочкой выходила натужной, тягостной и безрадостной.

А потом, когда они из кухни неизбежно переместились в постель, никакой особой радости Маргарита не испытала. Ибо спортивно подтянутое тело доктора показалось ей едва ли не до отвращения чужим и исходящий от него мужской запах – неприятным, и потому сексуальную часть встречи она перенесла не как страстная любовница, а как терпеливая, умело играющая в страсть жена, которой надлежит (а куда денешься?!) исполнить свой супружеский долг.

Сергей же Васильевич, как будто бы почувствовав Маргаритину холодность, взял да и зачем-то признался, что он сегодня отчего-то – не в самой лучшей форме. Впрочем, «дело» свое он благополучно довел до конца, но ни второй, ни тем более третьей попытки провоцировать не стал, чему Маргарита была несказанно рада, ибо секс с «добрым доктором» почему-то оказался для нее на этот раз скучной и утомительной работой.

Наутро, с облегчением закрыв дверь за Сергеем Васильевичем, Маргарита с удивлением поняла что, кажется, изрядно запуталась в своих представлениях о взаимоотношениях полов. Она не любила Захара, но никогда его огромное тело не казалось ей чужим, а редкий секс всегда приносил удовлетворение. Сергея Васильевича она тоже не любила, но ощущала к нему до вчерашнего вечера страстное влечение – однако радости от вторичного совокупления не испытала! В чем тут было дело? В отсутствие эстрима? В чуждом запахе? Или в том, что Захар был для Маргариты неплохим другом и непринужденным собеседником, а Сергей Васильевич в друзья ей предназначен не был? Что в общем-то не удивительно: ведь не каждый человек в этом мире способен стать нашим другом!

Какой из всего этого вывод? Да вот какой: все на свете партнеры делятся, очевидно, на «твоих» и «не твоих». И значит, следует смириться с тем, что «твой» партнер способен ублажать тебя всего два или три раза в месяц. Если желаешь чаще – сама прилагай усилия! Ну, а коли не хочешь прилагать – живи тем, что подадут. И между прочим, от сексуальной недовостребованности еще никто в этом мире не умер. И даже не заболел. А если и заболел, то не от недовостребованности, а от непонимания сути вещей и, как следствие, от несмирения.

И в следующий раз Маргарита твердо отказала Сергею Васильевичу в доступе к своему телу, уверенно (дабы не обидеть «доброе доктор») солгав ему, что она опять не одинока.

***

А через пару дней, как будто почувствовав Маргаритино усмирение, позвонил Захар и предложил Маргарите, если она, конечно, не возражает, вновь воссоединиться.

– Я, наконец, наладил небольшое производство, – объяснил Захар. – Манны с неба не обещаю, но на приличную жизнь нам, надеюсь, хватит. Заодно еще раз увидишь, какой я мастер!

Стоит ли говорить, что Маргарита безо всяких колебаний согласилась, не представляя себе, какое неприятное женское испытание, сам того не подозревая, приготовил ей ее «мастер»...

В первый день Захар привез пакеты со своими рубашками и едой, а на второй – те самые полтора десятка воняющих лаком картинок с изображением юных насиликоненных красоток, с которых мы начали это повествование.

Привез он своих «прелестниц» в отсутствие Маргариты, как бы предоставив ей возможность насладиться его творениями в одиночестве. Вот Маргарита и сидела в оцепенении посреди кухни – и, задыхаясь от лаковой вони, «наслаждалась».

– Нравится? – Горделивым шепотом спросил Захар, который успел (пока Маргарита разглядывала картинки) тихонько войти, раздеться и оказаться за ее спиной. – Никто из художников еще не додумался писать картины на металле кузбаслаком. Работать, конечно, приходится только открытым цветом, но зато выходит ярко и зрелищно!

– Честно говоря, – сказала Маргарита, – пока мне нравится только то, что ты мастерски владеешь рисунком. Впрочем, цвет, хоть и вызывающе открытый, тоже неплох. Но содержание-то – пребанально! Твои юные прелестницы – это чистый китч!

– Ну и что? – Удивился Захар. – И почему китч – это сразу плохо?! Да я завтра же пару-тройку картинок продам – и холодильник снизу доверху заполню! Не все же ведь в этом городе такие образованные и привередливые, как ты! Я знаю массу людей, которые с радостью купят себе такую девочку и украсят моей картинкой свою спальню.

– Ты, наверное, имеешь в виду одиноких мужчин? – Ехидно уточнила Маргарита. – Для усиления затухающей потенции? Вместо порножурнала? Но только твои прелестницы вовсе не эротичны!

– Почему это они не эротичны? – Обиделся Захар за своих «девушек».

– Да потому, во-первых, что они – не девушки, а куклы! Головы непропорционально велики, каждая персь – размером с лицо. А выражение лица – фальшиво-наивное и невинно глуповатое. Девушка с таким лицом ни за что не стала бы обнажаться. Разве что сдуру или спьяну. Но они у тебя вроде трезвые. А причем здесь этот кокетливый цветочек? И где это ты видел, чтобы перси такого размера торчали как каменные изваяния?! Разве что они из силикона... Честно говоря, мне страшно на них смотреть!

– Ну, и не смотри, – еще пуще обиделся Захар. – Это в тебе комплекс говорит, ты им завидуешь, потому что твоя собственная грудь уже потеряла упругость, – и эротического желания не вызывает. Ты правильно делаешь, что не разгуливаешь при мне обнаженной.

– У меня комплекс?! – Взвизгнула Маргарита. – Да это у тебя – комплекс лени, а причину ты, наконец, отыскал во мне. Ибо тебе для эротики сверхдопинг требуется. А у одной моей подружки муж считает, что грудь, подобная моей, очень эротична. У подруги – такая же. Но муж говорит, что его очень возбуждает грудь женщины, которая вскормила его ребенка.

– А может быть, он ей лжет, чтобы не обижать? – Предположил Захар. – А я – честный. И считаю, что грудь, которая потеряла упругость, не только не эротична, но и не эстетична!

– А пузо твое – эстетично? – Ехидно спросила Маргарита.

– Ну что, мое пузо? Я – мужчина, мне это простительно.

В общем поругались они в тот вечер еще немного по поводу эстетики и гармонии – и больше Захар про Маргаритину грудь никогда не заговаривал. Но и картинок в дом до поры до времени не приносил. А Маргарита, в свою очередь, уязвленная замечанием по поводу своих слегка увядших прелестей, по-прежнему (но теперь уже сознательно) перед Захаром не обнажалась, а в свою ночную сорочку облачалась исключительно в ванной комнате

Ну, а своих каменногрудых куколок Захар на другой день вынес из дому с Маргаритиных глаз долой, а вернулся с огромной порцией отборнейшего мяса разных сортов, консервно-чайно-кофейным дефицитом и целой коробкой пива, которое в начале перестройки на магазинных полках тоже не водилось, – его надо было искать днем, что называется, с огнем. Разливное – в бочках-буренках, впрочем, в продаже имелось, а в бутылочках – нет. Захар же пива из бочек не признавал и не пил – брезговал: мало ли, говорил, чем это они пиво для

количества разбавляют; недаром же, дескать, торговец пенного напитка – в нашей стране одна из самых доходных профессий.

– Ну вот, – сказал Захар, нежно погладив рыжеволосой рукой коробку с пивом, – этого мне почти на неделю хватит. А картошки, овощей да масла-сахара сама купишь, – и Захар выдал Маргарите на расходы ее месячную зарплату.

– Неужели это все – «куколки»? – Спросила ошеломленная Маргарита.

– Да куколки! – Гордо ответил Захар. – Работники торговой сферы (особенно на базаре) от них просто в восторге. Я же тебе говорил, что художественный вкус нашего народа прост и неприхотлив. И значит, я попал в точку. А кстати, ты знаешь, что буквально позавчера вышел закон, разрешающий индивидуальную трудовую деятельность?

– Кажется, не знаю, – ответила Маргарита. – У нас в театре его по крайней мере не обсуждают. Мы же учреждение государственное.

– А я тебе еще вчера хотел сказать. Но ты так на моих «девочек» накинулась, что я и забыл.

– Значит, теперь тебя никто не сможет наказать за пожизненное уклонение от работы на государство? – Обрадовалась Маргарита.

– Вот именно! – Подтвердил Захар. – Мне не нужно больше скрываться. Правда, придется этому дебильному государству налоги платить. Ну, да с этим я уж как-нибудь разберусь!

***

В подробности Захаровой творческо-индивидуальной деятельности Маргарита особенно не вникала, ибо у нее и своих, театральных, хлопот было невпроворот. Да к тому же Сонечка, которую всякий день приходилось возить с собой на работу и там между делом за ней следить: вовремя накормить и уложить на тихий час в коляску из театрального реквизита, которая несколько месяцев кряду стояла в Маргаритином кабинете.

Дело в том, что Сонечка после проблемной пневмонии и сверхусилий реаниматоров страдала респираторным аллергозом, и потому сообщество вечно сопливых детсадовских детишек ей было категорически противопоказано – и она с полугода росла и воспитывалась в театре. А Маргарита говорила: «Все свое ношу с собой.» Слава Богу, выращивание детей в театре было делом обычным...

Но когда, примерно через месяц, Захар принес в дом свою новую (всего в одном экземпляре и совершенно уже не воняющую лаком) картинку, Маргарита с радостью обнаружила, что Захар (несмотря на всенародный спрос) внял почти всем ее замечаниям.

На картинке, сдержанным и благородным своим колоритом вызывающей ассоциации с работами так называемых «старых мастеров», на фоне античного пейзажа, подернутого легкой утренней дымкой, стояла, опершись на огромный, внушительно увесистый меч, красивая (и в отличие от «куколок» – живая!) дама в тунике цвета слоновой кости, с темными распущенными волосами и выражением победительного торжества на умном лице. Плод ее торжества небрежно валялся неподалеку от ног убийцы – это была живописная мужская голова, кудряво-волосая и будто спящая. Казалось, что убитый умер, сраженный предательским мечом, столь неожиданно, что не успел даже проснуться и испугаться.

– Неужели это?.. – Начала было Маргарита, не веря глазам своим.

– Да! – Гордо ответил Захар. – Это моя иллюстрация к библейской истории о том, как Юдифь отрубила голову Олоферну.

– Вот значит как! – Воскликнула Маргарита, обиженно отвернувшись от картинки. – Ты смеешься над моим желанием принять обряд крещения, а сам втайне Библию почитываешь?

– Да ничего я не почитываю, – ответил Захар. – Просто, во-первых, сейчас мода на религию, а во-вторых, мне эти библейские истории о страданиях еврейского народа бабушка вместо

сказок рассказывала. Ты-то, небось, толком и не знаешь, за что Юдифь Олоферна обезглавила. Хочешь, расскажу?

– Давай, – согласилась Маргарита. – Очень интересно.

– Так вот. Олоферн был самым знаменитым начальником царя Навуходоносора, который (в смысле царь) объявил себя богом и решил все окрестные народы завоевать. В том числе и евреев. Но евреев в тот момент завоевать было невозможно, потому что жили они, что нечасто бывало, без греха – и бог не дал бы их в обиду. Когда Олоферну про этот нюанс рассказали, он, с одной стороны, не очень-то и поверил, а с другой, – решил не идти напролом, а взять город измором, отрезав его от источников воды и продовольствия. Через несколько дней у евреев началась паника – и они уже готовы были сдать, предав своего бога и покорившись Навуходоносору. Вот тут-то к старейшинам и пришла красотка-вдова Юдифь и сказала, что она знает, как спасти город. В общем, она пришла к Олоферну, солгала ему, что евреи уже на грани греха, что она не хочет грешить вместе с ними, но зато через несколько дней сможет сказать Олоферну, когда евреев возможно будет завоевать. Юдифь была так красива и говорила так искренне, что ей все поверили. Вот идиоты! – Прокомментировал Захар. – Разве можно так безоглядно верить женщине?!

– Мужчине – тоже нельзя, – возразила Маргарита. – Но это совсем другая тема. Продолжай.

– В общем Олоферн поселил Юдифь со всей возможной роскошью в своем стане, а потом как-то раз пригласил красавицу-вдову на свою пьянку с военачальниками. Надеялся напоить ее и затащить в постель. В результате они все там, включая Олоферна, перепились. А Юдифь, поскольку была очень умной, только делала вид, что пьет и потому осталась совершенно трезвой. И тогда она, с божьей, надо полагать, помощью, отрубила Олоферну голову, положила ее в мешок и отнесла в свой город.

– Насколько я понимаю, Юдифь рассчитывала на то, что войско Олоферна, обнаружив безголового начальника, в страхе разбежится? – Догадалась Маргарита.

– Именно так, – подтвердил Захар. – В том, что простая еврейская женщина способна сначала заморочить знаменитому военачальнику голову, а затем ее отрубить, завоеватели увидели карающий перст божий, и в страхе разбежались.

– Потрясающая история! – Воскликнула Маргарита. – Жаль, что у меня не было еврейской бабушки, и до сих пор нет Библии.

– Но зато теперь ты знаешь эту историю, – гордо сказал Захар, – и можешь даже ее финал рассмотреть повнимательнее.

Маргарита вновь обратила свой взор на «библейскую» картинку – и ахнула? Ибо оказалось, что изумленная сюжетом, она не заметила ехидного подвоха: туника на Юдифи была полупрозрачной, и левая (тугая и весьма внушительного размера) грудь хитроумной вдовы весьма недвусмысленно и нежно сквозь тонкую ткань цвета слоновой кости просвечивала. И это было вроде уместно и в меру эротично. Но зато правую грудь героини еврейского народа Захар (очевидно, очарованный красотой собственного творения), не удержавшись от соблазна, обнажил! Он будто острой бритвой сделал ровнехонькую прореху в Юдифовой тунике и явил ее правую персь восхищенному взору будущего покупателя.

Маргарита от досады аж застонала:

– Неужели ты, художник, не понимаешь?! Что та грудь, которая просвечивает и едва угадывается – гораздо эротичней, чем та, что откровенно обнажена?! И что обнаженная грудь в данном случае неизмеримо принижает торжественность момента?! Ты ведь не эротическую картинку рисовал, а библейскую!

– А может быть, я таким образом пытаюсь приблизить библию к простому народу? – Парировал Захар.

– Да твой простой народ и сюжета-то этого библейского не знает! – Воскликнула Маргарита. – Так же, как и всех прочих! Ты уж тогда и аннотацию к картинке напиши. Да поясни, что это не Олоферн тунику на Юдифи испортил! Что это твоих блудливых рук дело!

– Ну, знаешь, тебе не угодишь, – обиделся Захар. – Я ей библейский сюжет нарисовал, а она...

– ...а она не хочет, чтобы о тебе думали, что у тебя – сексуальные комплексы. Или что ты на женских прелестях помешался.

– Да пусть думают, что хотят! – Отмахнулся Захар. – Главное, чтобы на эту картинку спрос был.

***

Маргарита потом не уточняла, а Захар особенно не распространялся о том, каков был спрос на его живописный библейский сюжетец в авторской, так сказать, интерпретации. Но, судя по тому, что копеек они не считали, новый Захаров бизнес хоть, может быть, и не процветал, но приносил свои плоды, достойные поедания и выпивания: для Захара – пиво, для Маргариты – чай да кофе, для Сонечки – соки и дефицитное детское питание.

Впрочем, иногда за ужином, Захар мельком сообщал, что он сочиняет и другие разные картинки, но сюжетов Маргарите не пересказывал, зато не уставал жаловаться на нерадивых помощников и на то, что в этой, избалованной социалистическим «собесом» стране, нормальный деловой человек может рассчитывать на себя и только на себя. И да поможет себе... он сам!

И вдруг однажды, незадолго до нового года, Захар вдруг ни с того ни с сего (обычно он этого не делал) позвонил Маргарите в театр и возбужденно сообщил, что написал картинку на шекспировский сюжет.

– Давай я привезу ее тебе прямо в театр, – суетился Захар, – ты ее на стенку повесишь, и, может быть, ваши актеры ею заинтересуются. Шекспир все-таки. Неплохой подарок к Новому году.

– Опять в обнаженной грудью десятого размера? – Подозрительно спросила Маргарита.

– Нет, ну что ты, – обнадежил Захар. – На этот раз никакой обнаженки. Или ты думаешь, я совсем тупой?

– Да нет, в тупости тебя не упрекнешь, – ответила Маргарита, – раз уж ты и на Шекспира замахнулся. Но все-таки привези-ка свою картинку сначала домой.

Тут надо сказать, что в маленьком Маргаритином кабинетике как раз сидел (как это бывало почти ежедневно) ее бывший возлюбленный – тот самый герой-любовник и чернокудрый «Отелло», который, как обычно, жаловался Маргарите на свои очередные муки: во-первых, у «Отеллы» не вытанцовывалась почти что главная роль в новом спектакле, за что режиссер называл его не органичным и «игрушечным»; а во-вторых, «Отелло» клял на чем свет стоит их извечную актерскую нищету и мечтал о том, чтобы когда-нибудь уйти из театра в какой-нибудь бизнес и почувствовать себя полноценным мужчиной, которого никакой режиссеришка не посмеет назвать «игрушечным».

В сравнении с огромным и целеустремленным Захаром «Отелло» выглядел столь мелким, жалким и ничтожным, что Маргарита (не в первый раз уже) только диву давалась, как это ее угораздило хоть ненадолго этим полуженственным (актер – профессия женская) недомужчинкой и плаксой увлечься! За что?! За какие заслуги?! Неужто и впрямь лишь за его нескончаемые муки?! А уж те, что терзали «Отеллу» сейчас, и вовсе казались Маргарите действительно (прав был режиссер) «игрушечными» и отчасти высосанными из пальца. И потом: Захар в отличие от «Отеллы» никогда и ни на что (кроме разве что нерадивых работников) не жаловался. Он был настоящий (минус хороший секс) мужчина-добытчик. И притом – неглупый собеседник. А «Отелло» – только сопли да тоже «минус секс». Так что, пожалуй, спасибо

Галочке за то, что отыскала Маргарите столь действенный и дееспособный клин! И к черту ах-любовь!..

...Вернувшись с Сонечкой домой, Маргарита «застукала» Захара, гордо застывшего, скрестив руки на выпуклости живота, перед новым своим творением, которое он уже успел повесить на стенку как раз напротив их спального ложа.

На творении были изображены Отелло (но, понятное дело, шекспировский, а не Маргаритин) и Дездемона – в драматический момент сакраментального вопроса: «Молилась ли ты на ночь?!»

Картинка на этот раз была (в отличие от первых двух – вертикально исполненных) сугубо горизонтальная – узкая и длинная, поскольку Дездемона, вытянувшись во весь рост, уже лежала в постели. Грудь у несчастной героини, уличенной вражеским словом в несуществующей измене чернокожему мужу (которого она за муки полюбила), возвышалась горой и достигала почти до самого верхнего края картинки!

Причем. Плавная линия этой супервыдающейся части ее тела начиналась, кажется, от самого основания ее шеи. Или даже от окончания подбородка! Маргарита хихикнула про себя, но поначалу промолчала, ибо все дездемонины «неземные телесные прелести» Захар заботливо и целомудренно скрыл под белым ночным одеянием (розовые сосочки, правда, слегка просвечивали).

Лицо у Дездемоны было недоумевающим и одновременно насмерть испуганным – и ведь было от чего! Ибо в ногах у бедной женщины Захар угнездил страшную-престрашную харю темнокожего ревнивца. Да-да, не лицо, а именно харю – с бешено выпученными белками глаз и отчаянно разверстым (то ли в неслышном крике, то ли в плотоядном желании сожрать «подлую изменщицу») толстыми кроваво-красными губищами! Отелло был воистину ужасен! Хотя, если честно, гораздо более – смешон, ибо казался не столько оскорбленным в лучших чувствах шекспировским героем, сколько пугающим чудовищем из детских сказок.

Но все это, вместе взятое, вполне можно было принять и даже похвалить, если бы не одна незначительная деталька! Сведенная страстным порывом рука Отелло, скрючив напряженные пальцы, тянулась через всю картинку вроде бы к горлу Дездемоны, которую ревнивому мавру, согласно Шекспиру, следовало задушить. Однако, пристально и внимательно проследив вектор направленности «убийственной» руки Отелло, Маргарита с изумлением обнаружила, что страстные чаяния обманутого мавра устремлены вовсе не к нежной шейке Дездемоны, которой (ну, шейки то есть) видно-то почти и не было. И потому мстительная рука Отелло, что было совершенно очевидно и неоднозначно, тянулась к высоченному холму дездемониной груди!

Маргарита упала на диван и принялась хохотать как безумная. Хохотать и приговаривать: «Ай да Отелло! Ай да Захар!» – и еще какую-то бессвязную ерунду в этом же роде. Бедный, оскорбленный в лучших чувствах Захар недоуменно переводил взгляд с невинной картинки на погибающую от смеха Маргариту и обратно – и ничего не мог понять.

– Ты над чем смеешься?! – Спросил, наконец, Захар. – Это же трагедия Шекспира!

– Да не Шекспира вовсе, – кое-как уняв приступ смеха, ответила Маргарита. – Это трагедия Захара! Во-первых, Отелло был хоть и темен кожей, но вполне для своего времени цивилизован. А у тебя кто?! Какой-то оголтелый полубезумный вождь африканского племени из диких джунглей! Он у тебя как будто только что с дерева спрыгнул! А рука-то рука?.. – И Маргарита снова принялась хохотать.

– Чья рука? – Не понял Захар.

– Отеллова рука, чья же еще? – Давилась судорогой смеха Маргарита. – Почему она у него не к горлу Дездемоны простерлась, а к ее, прости за грубость, сиське?! А значит, как ни крути, выходит, что ты не трагедию Шекспира, а свои скрытые эротические желания в руке Отелло воплотил. Это ТВОЯ умозрительная рука к могучей сиське тянется! Бедный ты мой, бедный!..

– И ничего я не бедный! – Оскорбился Захар. – Может быть, я стремлюсь в своем творчестве к идеалу женского тела! И потом это только тебе кажется, что рука Отелло направлена к груди, а другие увидят то, что положено.

– Кто «другие»? – Вновь расхохоталась Маргарита. – Твои торгаши?! Или менты, с которыми ты в бане паришься?! Да они Шекспира-то, небось, и в руках не держали. Все так и подумают, что дикая черная скотина хочет изнасиловать невинную белую девушку. В общем, в театр я ЭТО не понесу. И свою грудь в угоду твоим идеалам никаким операциям не подвергну.

– Да разве я тебе когда-нибудь на это намекал? – Удивился Захар, не успев толком обидеться на Маргаритину критику. – Тем более, что, когда ты одета, у тебя все идеально.

– Может быть, мне тогда и на ночь совсем не раздеваться? – Язвительно спросила Маргарита. – Чтобы у тебя была хотя бы иллюзия моей упругой груди?

– Ты напрасно думаешь, что такая иллюзия меня возбудит, – парировал Захар.

– Да тебя и твой идеал не возбудит! – Воскликнула Маргарита. – Ибо через пару дней твоя рука к нему привыкнет – и все пойдет по-старому.

– Почему ты в этом так уверена? – Усомнился Захар.

– Да потому что причина твоей сексуальной лени – вовсе не в отсутствии идеала, – уверенно сказала Маргарита, – а в том, что в твоей душе нет любви. Скажи честно, ты любил настоящему хоть одну женщину? Любил ли так, чтобы до смерти бояться ее потерять?!

– Кажется, нет, – немного подумав, признался Захар. – Да у меня и долгих отношений-то, я уже говорил тебе, ни с кем не было. – Ты – первая, с кем я так долго живу под одной крышей.

– Но не потому, что ты меня любишь? – Уточнила Маргарита.

– Нет, не потому, – не стал скрывать Захар. – Это какое-то другое чувство. Но ведь ты тоже меня не любишь? А почему тогда живешь со мной?

– Ты мне, несмотря на твое пузо и лень, очень симпатичен, – ответила Маргарита. – ты превосходно относишься к моей дочери, и она тебя искренне любит. Мне с тобой надежно, комфортно, интересно, не скучно и просто хорошо.

– Ну, вот. И мне с тобой комфортно, интересно, не скучно и просто хорошо. А Сонечку я и правда очень люблю. Она такая забавная!

– Ну так, значит, и дальше жить можно, – резюмировала Маргарита. – Только своих пышногрудых красоток в дом больше не носи, чтобы я над тобой не смеялась и тебя не обижала.

– Заметано! – Согласился Захар.

***

Случившийся вскоре после этого «творческого» события Новый год Захар и Маргарита встречали в тесном семейном кругу, позволив Сонечке танцевать, веселиться и умеренно пробовать разные вкусности (стол, благодаря Захару, ломился от деликатесов и был накрыт как на Маланьину свадьбу) до самого боя курантов. После чего малышка моментально уснула прямо на коленях у Захара, что выглядело очень трогательно.

– Что-то и меня в сон клонит, – зевнул Захар, самостоятельно уложив по обыкновению Сонечку в ее детский уголок за шкафом. И вдруг неожиданно предложил: – Ложись и ты, я хочу выполнить свой супружеский долг, чтобы ты в наступившем году не чувствовала себя, как ты говоришь, сексуально не обслуженной.

– А со стола убрать? – Не веря своим ушам, невпопад спросила ошеломленная Маргарита.

– Потом уберешь, – сказал Захар и поцеловал Маргариту в шею...

...А потом, когда Захар с сознанием честно выполненного долга уснул сном пузатого младенца, Маргарита уже в который раз подивилась одному странному феномену: безлюбовный секс с Захаром всегда был недлинен по времени, предельно прост и неприхотлив, лишен всяких так прелюдий, интерлюдий и благодарственных эпилогов; и однако же он неизменно заканчивался желанным оргазмом. Более того оргазмом одновременным. Таким, после кото-

рого Маргарита чувствовала себя энергетически обогащенной и телесно убаженной. И всегда после этих редких актов Маргарите было легко и весело.

И это в общем-то означало, что по многим параметрам (комфорт, покой, интерес, симпатия и одновременный оргазм) Маргарита с Захаром подходили друг другу как две половинки. Не хватало только истинной любовной страсти, но о ней Маргарита, вспоминая свои тщетные страдания по «Отелле», думала с содроганием. Да и взаимная любовь, вспоминала Маргарита свои, чужие и литературные опыты, тоже ведь весьма редко протекает безболезненно и полна, как правило, выматывающих душу волнений и тревог: а вдруг на самом деле не любит? А вдруг на завтра полюбит другую? А вдруг не позвонит, когда обещал? И вдруг не придет? Тьфу!!!

Лучше уж пусть будет Захар с тремя его недостатками, но зато с одним таким важным и редким достоинством как искренность. Ах, хороший Захар, замечательный Захар!

***

...А через пару-тройку недель Маргариту вдруг затошнило. Но не от Захаровых недостатков, разумеется, а от редких его сексуальных притязаний. Выражаясь яснее, Маргарита забеременела! И, пройдя медицинское освидетельствование, возликовала: теперь-то она докажет Захару, что он вовсе не бесплоден, и подарит ему возможность любить не только чужого, но и собственного, плоть от плоти, ребеночка.

Заметим, что совместная жизнь наших героев приближалась на тот момент к восьмимесячному рубежу, однако никаких, даже самых слабых намеков на разочарование друг в друге (не считая трех мелких – со стороны Маргариты) они не испытывали. И потому Маргарита была почти уверена: новости о том, что он скоро может стать любящим папочкой, Захар отнесется если не радостно, то хотя бы благосклонно.

Так оно поначалу и вышло. В тот вечер, когда Маргарита решила открыть свою радостную тайну, Захар вернулся домой гораздо позднее обычного – Сонечка во всяком случае уже давно мирно посапывала. Захар крепко обнял Маргариту прямо в маленьком коридорчике (чего обычно не делал) и заявил:

– Прости, что так поздно! Но я сегодня пьян.

– Ты – пьян?! – Удивилась Маргарита. – А почему незаметно?

– Наверное, потому, что я толстый, и у меня ежедневная пивная закалка, – простодушно и вполне трезво ответил Захар. – Напиваюсь я вообще очень редко, ты ни разу и не видела – и сразу сплю. А сегодня в нашей бане один очень крутой мент повышение по службе обмывал. А мне ведь с этой братией дружить надо, раз я в этом городе без прописки, на птичьих правах живу.

– Это мне известно, – ответила Маргарита. – И оправдываться тебе вовсе не нужно, ибо ты меня ничем не обидел и не огорчил. Только вот ужин я, похоже, зря готовила.

– Нет, не зря! – Оживился Захар. – Сил для того, чтобы поесть прежде, чем уснуть, у меня вполне хватит.

И действительно Захар, ничуть не напоминая пьяного, с удовольствием отужинал плодами Маргаритиных трудов, достойно и логично поддерживая Маргаритину беседу о технических неувязках, связанных с постановкой нового спектакля, о разговорных достижениях Сонечки и прочих несложных материях. Словом, Захар выглядел настолько трезвомыслящим, что Маргарита, поначалу было решившая разговора о прибавлении в семействе в этот вечер не заводить, передумала и, поставив перед Захаром завершавшую ужин чашку чая, сообщила как бы между прочим:

– А знаешь, ты, оказывается, вовсе не бесплоден.

– Откуда ты знаешь? – Сморозив от неожиданности эту глупость, Захар спохватился и недоверчиво переспросил: – Ты хочешь сказать, что ты беременна? От меня?

– А от кого же еще? – Удивилась Маргарита. – Мне по другим мужикам бегать некогда. Так что ты, если хочешь, можешь стать, наконец, отцом. Время для раздумий у тебя еще есть.

– Стать отцом... – повторил Захар, ненадолго задумался, а потом радостно воскликнул: – Неужели ты родишь мне ребенка?! Моего ребенка! Сына!

– Ну, именно сына пока не гарантирую, – радостно смеясь, ответила Маргарита и ощутила такой прилив незнакомого ей прежде счастья (своей первой беременности она радовалась в одиночку), что готова была своего огромного рыжекудрого «мужа» ну просто растерзать в благодарных объятиях.

Захар, похоже, чувствовал нечто подобное. Во всяком случае он встал со своей табуретки, потянул к себе Маргариту и обнял ее так нежно, бережно и крепко, как никогда не обнимал. Одной рукой Захар гладил Маргаритину спину, а другой – ее, пока еще совсем плоский, живот. Гладил и приговаривал:

– Я хочу, чтобы ты родила мне сына!

И Маргарита Захару поверила: ведь что у трезвого на уме, я пьяного на языке...

***

Первое, что ощутила Маргарита, проснувшись утром, было вчерашнее счастье и невыразимая благодарность к еще дремлющему (это был как раз выходной – и на свою индивидуальную работу Захар не торопился) рыжекудрому исполину, который вчера, кажется, искренне хотел, чтобы Маргарита родила ему сына. Исполин, впрочем, как бы в ответ на Маргаритины мысли тут же открыл глаза, возложил на Маргаритино плечо свою тяжелую длань и полусонно, но вполне разборчиво пробормотал, как будто извиняясь:

– Какая же ты хорошая, Маргоша! И почему я такой чурбан?

– Все ты не чурбан, – ласково ответила Маргарита, – раз хочешь, чтобы я родила тебе ребеночка.

– Что я хочу? Какого ребеночка?! – Вдруг испуганно воскликнул Захар и резво выскочил из постели. – О чем ты говоришь?

– Как о чем? – Не веря своим ушам, переспросила Маргарита упавшим голосом. – О том ребеночке, который у меня вот здесь, – указала она на свой плоский живот, – и которому ты вчера так радовался.

– Так я же вчера был пьян! – Догадался Захар. – И, наверное, плохо соображал, что говорю. Неужели ты и вправду беременна?!

– Вне всякого сомнения, – теперь уже безрадостно и даже холодно ответила Маргарита, – и прерывать беременность не собираюсь. Разве что ты объяснишь мне толком, почему тебя это так пугает?

– Как почему?! – В раздраженном Захаровом голосе зазвучали интонации капризного маленького ребенка, не желающего понимать, за что его собрались выпороть. – Ведь тогда все рухнет!

– Почему это рухнет? – Удивилась Маргарита.

– Да потому что тогда я не смогу здесь жить! – Впал Захар едва ли не в истерику. – Ведь это же бесконечный плач, мокрые пеленки, запах! Я не смогу этого вытерпеть! Мне придется уйти от тебя!

– То есть ты готов бросить своего первого в жизни ребенка на произвол судьбы?! Вопреки вашим национальным установкам?! – Вскричала Маргарита.

– Нет, бросить не смогу, – немного подумав, ответил Захар. – Я бы, наверное, давал тебе каждый месяц рублей сто (в те времена это были две трети Маргаритино жалования), иногда приходил бы в гости. Но, может быть, ты еще подумаешь? Разве нам мало Сонечки?

Услышав свое имя, Сонечка, которая давно уже не спала и всячески пыталась привлечь своими невнятными репликами спорящие стороны, громко закричала: «Захай! Захай!»

Захар привычно и умело вынул Сонечку из «тюремной» ее кровати, нежно прижал ее маленькое тельце к своей могучей груди, поцеловал в щечку и снова повторил:

– Разве нам мало Сонечки? – Но, взглянув на Маргариту, перепугался, – Ну, почему ты плачешь?

– Да потому что вчера я тебе поверила, – хлюпала Маргарита. – Вчера ты разделил мою радость, а сегодня причинил боль. Значит, все это вранье, что вы – евреи – детей любите?! Или, может быть, ты – никакой не еврей?!

– Как это – не еврей?! – Оскорбился Захар. – Просто я еще не готов к тому, чтобы иметь семью и детей! У меня же ничего нет! Ни работы толковой, ни денег в достатке! А главное, у меня нет дома! И в городе этом я живу на птичьих правах, и что со мной будет через полгода – не знаю! Неужели ты этого не понимаешь? Может быть, мне придется все здесь бросить и вернуться на Украину, к родителям!

– Вечный жид и блудный сын – в одном лице? – Язвительно спросила Маргарита, утирая слезы. – Я мы с Сонечкой для тебя – удобная перевалочная база. Вот только привал у тебя что-то затянулся.

Захар передал Маргарите Сонечку, которую все это время держал на руках, присел рядом с Маргаритой на краешек спального ложа, заключил скорбную «мадонну с младенцем» в общее объятие и сказал проникновенно:

– Потому что я впервые в жизни почувствовал, что такое – СВОЯ семья. Но четвертый здесь будет лишним. Ведь у тебя всего одна комната.

– И что же теперь? Из-за этих чертовых метров детей убивать? – Опять заплакала Маргарита.

– Но ведь многие именно так и делают! – Искренне удивился Захар. – И никто не считает это убийством. Разве тебе не приходилось делать аборт?

– Представь себе, нет! – Воскликнула Маргарита. – Я же ни с кем еще не жила так долго, как с тобой.

– А почему? – Удивился Захар. – Ты же такая хорошая, красивая, добрая, умная. Помню, я очень удивился, когда узнал, что ты никогда не была замужем.

– Это вопрос не ко мне, – ответила Маргарита. – А если ко мне, то я бы предположила, что от нас – умных, красивых и добрых – мужики бегут как от чумы! И долгих отношений с нами себе не позволяют: а вдруг, дескать, под каблук попадешь?! Кстати, один из моих бывших «партнеров» мне в этом честно признался: уж очень, говорит, ты сильная.

– К тебе под каблук? – Рассмеялся Захар. – Да ты же просто создана для роли жены! Хотя... – Задумался Захар, – ... когда я в первый раз тебя увидел – я и представить себе не мог, что ты можешь стоять у плиты и тем более отстирывать мои рубашки! О трусах и носках я уж и не говорю. Но ведь я же не испугался!

– Так ведь тебе в тот вечер деваться было больше некуда! – Напомнила Маргарита. А потом (ты только сейчас в этом признался) ты всегда знал, что я для тебя – временное пристанище. Вот ты и не побоялся моих каблуков!

– Может быть, ты и права, – не осмелился солгать Захар.

– Конечно, права, – уверенно сказала Маргарита. – Вот почему ты хочешь, чтобы я убила нашего ребенка. И кстати, если бы мы с тобой верили в Бога – вопрос об убийстве бы не стоял!

– Да брось ты! – Отмахнулся Захар. – Разве что мы с тобой были бы католиками, у которых все это очень серьезно. А наши православные только и делают, что от ненужных ртов избавляются. Какие нам дети с нашим-то жизненным уровнем! Тебе бы хоть одну Сонечку осилить!

– А как же мне быть с ТВОИМ ребенком?! – Обреченно спросила Маргарита.

– Ты же умная девочка. Решай сама, – ответил Захар и погладил Маргариту по спинке. – Я-то ведь себя отцом еще не чувствую...

***

И Захар спокойненько ушел из дому по своим делам: доблестно трудиться на благо своих, эстетически недоразвитых потребителей, а обманутая в лучших чувствах Маргарита весь день напролет, то и дело принимаясь всплакивать, напряженно думала. Маргарита прекрасно понимала, что Захар почти во всем прав: и условий нет, и материальный уровень – смешной, и перспективы жизни со своенравным Захаром – весьма туманны. . . Недаром же он своих родителей на Украине, которые уже лет десять не видели блудного своего сына, поминал в разговорах не в первый раз. . .

Но плакала Маргарита не только о том, что у нее, похоже, не будет второго младенца, ибо ее совсем еще беспомощная, смешная и прехорошенькая малышка Сонечка материнский инстинкт Маргариты вполне удовлетворяла. И потому Маргарита с трудом представляла себе, как ей удастся разделить свое материнское чувство на две равных (или неравных?) части.

Поэтому оплакивала Маргарита по большей части совсем другое: отвратительно равнодушное (хоть и обусловленное обстоятельствами) отношение Захара к маленькому кусочку их совместной плоти; а главное то, что этот, ни в чем не повинный кусочек Маргарите придется УБИТЬ!

О Господи, всхлипывала некрещеная Маргарита, еще вчера она так явственно представляла себе упоительнейший (и разделенный с виновником будущего торжества) процесс плодотворения, а сегодня ей недвусмысленно предложили: избавься. Не то останешься одна!

Маргарита вдруг явственно представила себе унылый коридорный сумрак поликлиники, потом – мерзкое операционное кресло, потом – возвращение (как ни в чем ни бывало) домой к отрекшемуся от своего ребенка, немилосердному рыжему исполину, который наверняка скажет ей «Ну, вот и молодец!», – и слезы ее в одночасье высохли.

И Маргарита внезапно почувствовала к Захару такую сильную и непререкаемую неприязнь, что ей стало абсолютно ясно: если она прольет кровь не рожденного от Захара ребенка, то уже не сможет далее делить кров (кров-кровь! – не один ли у этих слов корень?) с его несостоявшимся отцом, ибо их случайное сожитительство – это вовсе никакая не семья, а лишь «невкусный» некачественный суррогат, ухмыляющаяся иллюзия брачного союза. . .

Ведь если двое людей не хотят исполнять высший нравственный долг («плодитесь и размножайтесь»), им незачем жить под одной крышей, изредка совокупляясь убожества собственной плоти ради, а не продолжения рода для. Да еще и безо всякого намека на любовь, которая бы все это собой осветила и оправдала.

Но любви – не было! Была одна лишь токсикозная тошнота и ужасающее отвращение к грядущему акту детоубийства. А вместе с тем – и к толстокожему Захару, который по-прежнему ежевечернее препротивно отрыгивал, портил воздух и сладострастно почесывал на глазах у Маргариты свое «мужское достоинство» да еще и считал Маргаритину плоть несоответствующей взлеянной им идеалу, лениво и редко используя ее по прямому назначению!

Вот где, – осенило Маргариту, – ошибалась Олечка: жить с человеком, которого ты не любишь, можно лишь при одном условии: если этот человек или ПО-НАСТОЯЩЕМУ любит тебя, или о-о-о-очень богат! А значит, полностью искупает любовью или деньгами все свои несовершенства. И все же за искренность Захару, – утешала себя Маргарита, – большое человеческое спасибо!..

***

– Ну, и что ты решила делать? – Спросил Захар за вечерней трапезой: с традиционной бутылочкой пива и длинной отрыжкой.

– Тебе вряд ли это понравится. – спокойно ответила Маргарита, – но я решила так: я избавлюсь от беременности, но ты у меня больше жить не будешь! Честно говоря, я не ожи-

дала, что мне станет так противно смотреть на человека, которому до фени его будущий ребенок! Сколько дней тебе нужно, чтобы найти другую жилплощадь?

Захар, похоже, ничуть не удивился – во всяком случае, внешне он казался вполне спокойным. Он поставил на стол опустошенный стакан и коротко сказал:

– Дня два-три.

– И ты с такой легкостью уйдешь от меня? – Язвительно спросила Маргарита.

– Нет, не с легкостью, – искренне ответил Захар. – Я буду по тебе скучать. И по Сонечке – тоже. Но жить с женщиной, которая хочет, чтобы я ушел и все время чувствовать, что я ей неприятен, – я, конечно же, не смогу. Я уважать себя перестану.

Ну, а дальше (ломать – не строить!) все покатило как с горы на Сонечкиных саночках. Через два дня Захар собрал свои скудные пожитки (грязные и чистые – отдельно), предложил Маргарите совершенно по-дружески, без тени обиды на роль изгнанника, распить с ним за последним завтраком прощальную бутылочку пива (но Маргарита предпочла кофе), потом лобызнул Маргариту в щечку, а Сонечку – в чистый лобик, не забыл поблагодарить Маргариту за столь долговременный приют – и отбыл в неизвестном направлении, предварительно испросив разрешения хоть изредка совершать телефонные «визиты» («я же к тебе так привык!»)

Маргарита, которой (несмотря на тошнотворную неприязнь) было жутко жать вновь оказавшегося бесприютным (по ее вине!) рыжего толстяка, на редкие телефонные контакты согласилась...

Еще через пару недель Маргарита препоручила Сонечку заботам Катеньки и ее бабушки, ибо у Катеньки были ежеутренние репетиции (как раз в паре с «Отеллой», у которого, наконец, стало что-то в его роли вырисовываться) – и отправилась в больницу...

***

Ненавистное «детоубийство» свершилось почти безболезненно и столь благополучно, что наутро Маргариту уже отпустили на волю, и она вполне самостоятельно добралась до своего опустевшего дома. Разве что голова слегка покруживалась, но зато исчезла напрочь эта гадкая изнурительная тошнота.

А вскоре, после условно обеденного часа приехали Катенька с Сонечкой, и Маргарита, обняв их обеих, почему-то заплакала. Катенька (даром что актриса) с готовностью Маргариту поддержала – ну, в смысле, тоже увлажнила щеки. Все втроем они сели на бывшее «супружеское» ложе (Сонечка – на коленях у Маргариты), Катенька обняла Маргариту за плечи и осторожно спросила:

– Ты по ЧЕМУ больше плачешь? По совершенному акту убийства или по своему рыжему мастеру?

– И по тому, и по другому, – честно проплакала в ответ Маргарита. – Нас было трое, могло быть четверо, а осталось опять двое.

– Но ты же не любила рыжего мастера, – резонно сказала Катенька, – и жить с ним до конца дней своих вроде бы не собиралась. Хотя, кто знает, как бы все вышло, если бы ты родила ребеночка...

– Вот об этом я, по всей видимости, по большей части и плачу, – ответила Маргарита. – Хотя и понимаю, что с моим бывшим мастером строить замки, похоже, можно только из песка. Или пива... А ты представь, ЧТО бы он сказал про мои женские прелести после года кормления грудью?! – Вдруг рассмеялась Маргарита.

– Вот именно! – Обрадовалась Катенька и с готовностью утерла щеки.

– Хочешь, я у тебя до вечера побуду и создам тебе утешительную иллюзию «тройственного союза»?

– Создавай, – согласилась Маргарита. – Только пить вино и танцевать под итальянцев мы пока воздержимся. Впрочем, вы с Сонечкой вполне можете и сплясать. На руинах утраченного времени...

***

А еще через неделю (ах, как быстро летит время, когда нету любви!) Маргарита вновь почувствовала себя свободной, самодостаточной и в общем-то вполне счастливой: ведь теперь ей не надо было убивать кучу времени на кулинарные изыски и прочие околону мужские обязанности и не на кого было, на ночь глядя, обижаться за свою сексуальную недовостребованность.

Захар между тем звонил Маргарите с невычислимой регулярностью (то два вечера кряду, то – раз в две недели) – и беседовали они, как в былые (не обремененные знаниями друг о друге) времена: легко, непринужденно и подолгу. А однажды Захар вдруг набрался смелости (или обстоятельства его опять прижали) и попросил Маргариту пустить его «ради старой дружбы» на ночлег. Всего на одну ночьку.

Маргарита, почти не задумавшись, сказала решительное «нет», а про себя подивилась: никак, ну никак она не могла даже и предположить, что равнодушные мужчины, с которым она делила кров, стол и постель, к его будущему ребенку, напрочь уничтожит в ней все те хорошие чувства, которые она к этому мужчине еще совсем недавно испытывала.

– Почему? – Несказанно удивился Захар. – Мы же были с тобой почти как муж с женой.

– Вот именно – «почти», – язвительно сказала Маргарита.

– И ты же всегда меня хотела!

– Хотела, а теперь – расхотела! – Ответила Маргарита. – Да, ты был мне симпатичен. Но я хотела тебя лишь потому, что ты еженощно спал в моей постели и раздражал мои нервные волокна. А теперь, когда моя постель пуста, и душа моя никем не занята – я вполне могу обходиться без секса. Как многие другие женщины.

– Ну, может быть, все-таки пустишь на одну ночьку? – С несвойственной ему настойчивостью спросил Захар. – Ума не приложу, куда мне сегодня податься.

– Нет! – Отрезала Маргарита. – Ты просто представь, что меня – нет, и выход сразу найдется!

***

...Пьеса, которую репетировали в театре была американская, смешная, очень добрая и чрезвычайно трогательная. Да премьеры оставалось еще дней десять – и на сцене шли так называемые прогоны: когда из отдельно отрепетированных фрагментов, наконец-то, собиралось нечто целое.

Ходить на все репетиции подряд не было для Маргариты обязательной трудовой повинностью. Но в эти жаркие «прогонные» денечки Сатановский категорически требовал, чтобы Маргарита непременно сидела рядом с ним, бок о бок, в темном зале и тщательно записывала все замечания, которые режиссер бросал ей в ухо по ходу действия. Чтобы потом, после репетиции, огласить по Маргаритиным «шпаргалкам» все свои претензии к актерам: «во время такой-то реплики стоять на месте и смотреть в глаза партнеру, а не за кулисы», «в этой сцене герой должен сесть в кресло и закинуть ногу за ногу», «и не надо все время тереть шляпу – до премьеры развалится!» и прочая, и прочая, и прочая...

Маргарита послушно, почти не глядя на сцену, записывала в темноте всю эту абракадабру, и вдруг услышала голос пожилой актрисы, которая с философической задушевностью произнесла буквально следующее:

– Деточка, если бы женщины спрашивали у мужчин совета, рожать ли им детей, род человеческий давно бы вымер!

И тут внутри у Маргариты что-то вздрогнуло: ведь пьесу она, согласно роли завлита, знала чуть ли не наизусть! Как могла ускользнуть из ее памяти эта премудрая подробность?! И почему Катенька, которая как раз и играла девушку, беременную от героя, коего, по иронии судьбы, играл как раз «Отелла», ни разу Маргарите эту сентенцию не процитировала?!

Неужели они (провинциальные актеры), и правда, только делают вид, что слушают партнера, а на самом деле – просто пережидают его речь в ожидании реплики-мостика? Катенька ждала реплики «давно бы вымер», а остальное ей было до лампочки? Не потому ли у актеров в провинциальном театре глаза так часто кажутся пустыми?

Но как бы то ни было, а услышь Маргарита эту сентенцию в нужный час, и она не стала бы, возможно, избавляться от бремени, а Захар, скорее всего, никуда бы не ушел из ее дома. А если бы даже и ушел на время, то уж ребеночка своего, как истинный представитель избранного народа, наверняка не бросил бы на произвол судьбы и смешной Маргаритиной зарплаты...

***

– Ты почему ничего не записываешь? – Грозно зашипел Сатановский, пихнув Маргариту локтем в бок. И вдруг тихонько расхохотался: – А ты молодец! Ты ведь наверняка ни с кем не советовалась, когда решила родить свою дочку!

2005 год

Любовь

– Ничего не понимаю, – с раздраженным удивлением обозрев залитую жарким июльским солнцем привоказальную площадь, сказала Вика. – Он или пьян в задницу, или, что вероятнее всего, умер. Козел!

– Мама, ну что ты такое говоришь! – укорила Вику ее десятилетняя дочь Анна. – Может быть, он просто забыл, что мы должны приехать сегодня.

Но Вика знала, что говорит, ибо за все пять лет их совместной жизни с Никой еще не было ни одного случая: когда он не встретил бы ее не то, чтобы после отпускного отдыха, предполагающего длительную разлуку двух тоскующих сердец, но и после любой, самой заваливающей (двух-, скажем, -дневной) командировки. Впрочем, «тоскующее сердце» на самом деле было одно – Никино. И однажды, в самом начале их вынужденной совместной жизни: он, почти тридцатилетний балбес, не устыдился признаться Вике: что жизни без нее он себе не представляет! Услышав это трепетное мужское признание, Вика вовсе не обрыдалась от счастья, а, напротив, вся аж заледенела от ужаса, в одночасье осознав, что избавиться от Ники ей не удастся ни-когда. Во всяком случае, до тех пор, пока смерть не разлучит их.

Хотя, понятное дело, если бы эту, ласкающую слух и сердце фразу произнес какой-нибудь посторонний, но горячо любимый мужчина, Вика наверняка тут же на месте померла бы от восторга и восхищения. Но, увы, никакого такого мужчины у Вики давненько уже не было и в ближайшей перспективе не предвиделось, ибо его место в Никином доме бесцеремонно и нагло занял младший брат – Ника. А места для еще одного мужчины в ее однокомнатной квартире попросту не было.

Впрочем, место, может быть, и нашлось, но тогда Вике почти наверняка пришлось бы иметь дело сразу с двумя алкоголиками: отказаться выпить с Никой мог только мертвый. Вика знала это из собственного опыта. От угрозы собственного алкоголизма Вику спасало лишь то, что Ника чаще пил на работе, а в ее квартире в основном отсыпался, отравляя воздух сивушным зловонием, и затем – опохмелялся. Это было хорошо в том смысле, что Ника далеко не во все свои расслабления вовлекал Вику. Но в гораздо большей степени это было плохо, ибо терпеть опохмеляющегося зловонного Нику Вике и Анне иной раз приходилось днями напролет: он пил и спал, спал и пил, иногда пел и всегда отчаянно ругался матом. Вика в такие дни не просыхала от слез, а перед сном яростно нашептывала давно не беленному потолку: «Господи, да избавь же Ты, наконец, его от мучений! Его и меня...»

Под «мучениями» Вика в этих случаях подразумевала не что иное как жизнь – и молила таким образом о смерти. Но жизнь она имела в виду не свою, а только лишь Никину. Свою собственную жизнь, несмотря на ее, с банальной точки зрения, неустроенность, Вика не считала мучением. Но только до тех пор, пока в ее квартире не поселился Ника? А он с некоторых пор только и делал, что мучился...

***

Раздумывая в редкие спокойные минуты о перипетиях Никиной судьбы, забросившей его в результате в ее квартиру и сделавшей таким образом родного брата досадной частью ее личной жизни, Вика приходила к печальному выводу о том, как мало, в сущности, человеческая жизнь зависит от волеизъявления конкретной личности, и как сильно – от внешних обстоятельств.

Во всяком случае в нашей, никаким западным умом не постижимой стране в те незапамятные времена, когда она усердно и самозабвенно строила коммунизм, и в возрасте полового, социального и всякого прочего созревания, когда обстоятельства вокруг тебя формируют все кому не лень. А вернее сказать, когда эти самые обстоятельства уже давным-давно,

задолго до твоего рождения, сформированы «заботливыми родителями»: «папой» -государством и «мамой» -правлящей партией.

Следуя их мудрым заветам и установкам, каждый советский ребенок, успешно разгрызший гранит школьной программы и прошедший начальную партийную закалку в рядах славных «сестер» Пионерии и Комсомолии, мог без особого труда поступить в вуз (а там, глядишь, и в партию), выучиться на какого хочешь (или сумеешь) специалиста и потом, в обязательном порядке, получить соответствующую образованию должностную вакансию и, может быть, даже (если работа оказывалась в другом городе) собственную жилплощадь.

Кое-что в этих планах будущего жизнеустройства советских детей зависело, правда, и от тех родителей, которые без кавычек, – от родных, стало быть, папы и мамы. Причем, вовсе не от их социального положения (оно в социалистические времена у советских граждан-товарищей было более или менее равным), а исключительно от их способности (или неспособности) угадать в ребенке какого-нибудь будущего специалиста или обнаружить в нем дремлющие до поры способности к творческой деятельности. А они, как утверждают иные философы, есть в каждом индивидууме.

Вике в этом смысле повезло на все сто: ее жизнь родители (и те, и другие) разыграли как по нотам. В школе она была почти отличницей, а посвятить свою жизнь собиралась медицине. До тех пор, пока в седьмом примерно классе не написала эпохальное сочинение про соседского кота Ваську, который (сам того, естественно, не подозревая) в одночасье перепахал всю ее юную судьбу. Сочинение было зачитано вслух в Викином классе как пример высокой школьной литературы, достойный подражания, И этот факт произвел самое неизгладимое впечатление (нет, не на Вику) на Викину маму.

Викина мама, несмотря на строгую партийную должность, была дама наивно-экзальтированная: в идеалы партии она верила также свято и неуклонно, как истинный христианин в библейские заповеди, и в оценку Викиного таланта также ничтоже сумняшеся поверила сразу и навсегда. Викино сочинение про судьбоносного Ваську было зачитано вслух всем соседям и знакомым – и все они, разумеется, разделили восторги Викиной мамы и ее в одночасье отвердевшее решение отправить Вику после школы прямехонько в Москву – учиться на журналистку.

И тут случилось странное! Мама так свято и непреклонно уверовала в Викин (ай да Васька!) талант: так много о нем говорила, так восторженно и вдохновенно расписывала все прелести связанной с ним будущей профессии («Представляешь: тебя – за дверь, а ты – в окно! Ради нескольких строчек в газете! Трое суток шагать, трое суток не спать!»), что Вика сама в него (ну, то есть в свой талант) поверила – и сочинения стала писать все лучше и лучше, Хотя перспектива лазить в окна и тем более трое суток не спать ее никоим образом не прельщала, Но кто ж станет отказываться от столичного образования, раз уж родители так настаивают?.. Правда, вместе журналистики в столице Вика поступила на иняз, дабы сделаться лучшим в стране переводчиком англо- или франкоязычной литературы. Но к нашей истории это не имеет отношения...

Но, увы, изыскательский дар Викиных родителей на Вике же и закончился. Впрочем, понять их можно: и Вику, а затем Нику они произвели на свет в таком возрасте, когда их ровесники уже вовсю нянчили внуков. И на Нику у них таким образом силенок попросту не хватило.

Тем более, что Ника оказался (в отличие от бодрой и веселой сорвиголовы-сестрички) слаб здоровьем, зрением и отчасти нервами. Во всяком случае, в раннем детстве он любил распускать по всякому поводу слезы и сопли – и ходил в иные моменты больше на разбалованно изнеженную девочку, чем на собственно мальчика. Тем более, что и волосики у него были гораздо гуще и пышнее, чем у Вики, и ресницы тоже (на зависть Вике) – длиннее и загибистее. Не мальчик был, а картинка! Или все же девочка?

Родители во всяком случае то и дело удивлялись прихотливым непредсказуемостям природы. Наблюдая за своими детьми, они приходили к выводу, что мальчиком должна была родиться Вика: а Ника, напротив, – девочкой. А им взяли да и зачем-то перепутали половые признаки. Может быть, гадали родители, все дело было в том, что, когда мама носила под сердцем Вику, папа очень сильно хотел мальчика? А родившейся несмотря на силу отцовского желания девочкой был слегка удручен и называть ее поэтому взялся поначалу не Викой, а Витькой или Витюшей? Как бы делая вид, что она и есть тот самый желанный мальчик?

Однако, похоже, что и мальчик, которого мама с папой родили три года спустя, папу не удовлетворил, ибо он, как уже сказано выше, оказался слаб и телесным здоровьем, и «интеллигентскими» нервами, а впоследствии выяснилось, что и зрением. Таким образом из Ники, по медицинским меркам, нельзя было, как ни тщишь, ковать настоящего мужчину и мужественного воина: служба в армии ему во всяком случае не грозила. И на Нику как на мальчика как бы махнули рукой. До поиска ли тут талантов, когда у ребенка то, как в народе говорится, понос, то золотуха...

Впрочем, некоторые попытки отрыть в Нике хоть какие-нибудь творческие способности все же были предприняты. Например, Нику вслед за Викой определили в музыкальную школу. Но почему-то не в класс фортепиано, на котором бодро (но без особого удовольствия) брэнчала Вика, а в класс... скрипки. Очевидно, родители втайне мечтали о том счастливом будущем, когда в доме появится настоящий музыкальный дуэт! Однако примерно через полгода эти родительские мечты приказали долго жить...

Зато потом, ряд лет спустя, в старших уже классах Ника вдруг взял да и выучился самостоятельно играть на гитаре – на слух, разумеется. А затем пересел за Викино пианино – и тоже взялся играть. Все подряд – и тоже на слух, разумеется. Что ему, бывало, напоешь, то он тебе и наиграет: хоть рок, хоть джаз, хоть какую-нибудь советскую попсу. И причем играл сразу, нахал этаким, двумя руками! В то время как Вика сначала, бывало, одной правой рукой мелодию кое-как подберет, а уж потом к ней левой рукой аккорды пристраивает...

И Вика, глядя на Нику, просто-таки помирала от зависти и удивления. И думала: а ее-то чему семь лет в музыкальной школе учили? Утешало лишь то, что и Ника Вике тоже завидовал: ноты он так и не выучился читать и просто-таки «ошизевал», наблюдая, как Вика поигрывает по нотам какой-нибудь забористый романс: как ты, говорил, в этих закорючках разбираешься – ведь в них же черт ногу сломит!..

Был, впрочем, у Ники и еще один талант: он умел рисовать. Но внимания на это почему-то никто не обратил. Пустили себе бедного Нику плыть по течению. Он себе и плыл...

***

– Мама, ну куда ты так понеслась? – остановил Вику Аннин голос. Вика кое-как вынырнула из потока сознания и привычно ужаснулась непостижимому совершенству человеческого мозга: до остановки оставалось еще метров двести, позади – примерно сто (то есть всего каких-нибудь три минуты), а она уже прожила в своем уме почти половину Никиной жизни, абсолютно забыв при этом, что в руке у нее тяжеленная дорожная сумка, предназначенная для крепкой мужской – Никиной – руки.

Вика резко тормознула в тени подвернувшегося деревца, кинула наземь сумку и полезла за сигаретами:

– Давай-ка перекурим с дороги.

– Ты же знаешь, что я не курю, – обиделась Анна.

– А я тебе и не предлагаю, – ответила Вика, – а Ника все-таки козел!

– А ты знаешь, мама, что мне сейчас пришло в голову, – задумчиво сказала Анна, – а вдруг он опять, как перед нашим отъездом, сидит в ванной, на полу – и без сознания...

«...И со шприцом в вене», – добавила про себя Вика, а вслух сказала:

– Достань из сумки кошелек и сбегай купи себе мороженое. Раз уж ты не куришь.

Вика проводила Анну задумчивым взглядом и вновь рухнула в поток сознания...

...В то отпускное летнее утро Вика не проснулась, как обычно, от характерного щелчка захлопнувшейся за Никой двери. А проснувшись самостоятельно, подивилась тому, как, оказывается, крепок иногда бывает ее давно уже не девичий утренний сон. Однако, едва войдя в кухню, Вика поняла, что дело тут вовсе не в крепости ее сна, а в том, что дверь за Никой, по всей видимости, и не захлопывалась. В кухне было отчаянно душно, ибо над горящей в обе горелки газовой плитой сохли свисающие с веревки Никины кроссовки...

Самого Ники на кухне не наблюдалось, зато дверь ванной оказалась запертой изнутри. Благо, внутренняя задвижка давно уже держалась на соплях – и Вика с относительной легкостью отодрала дверь. И обнаружила, что Ника сидит на полу ванной, прислоненный к стене, без сознания и со шприцом в вене. Сколько времени он так уже сидит, было в общем-то понятно: хлопнуть дверью ему полагалось уже часа два назад. Во всяком случае, Ника был еще теплый.

– Идиот! Сволочь! – завопила Вика, одновременно яростно избивая Нику по щекам. И вдруг с ясностью осознала, что Ника сейчас – полностью в ее власти, и что только от нее зависит, жить ли ему дальше или не жить. Надо просто взять да и НЕ вызвать «скорую помощь» – Ника посидит себе еще вот так же пару-тройку часиков: без сознания, на полу ванной и со шприцом в вене, – и навсегда освободится от мучений. И ее, Вику, от мучений тоже освободит. А Вика потом всем будет говорить, что она слишком поздно проснулась.

Вика оставила в покое Никины щеки, постояла над Никиным полутрупом, как бы раздумывая, еще несколько долгих мгновений – и направилась к телефону.

– Ну-у, это вряд ли... – усомнился в Никином спасении один из дюжих санитаров, сгружая отяжелевшего Нику на старое покрывало, в котором Никино тело, как ненужную рухлядь, выносили из квартиры.

Однако не прошло и суток, как Ника благополучненько вернулся с того света, о чем бодрым голосом лично известил Вику по больничному телефону.

– Ты хоть понимаешь, дурья твоя башка, что если бы меня не оказалось дома, ты бы сдох, как собака?! – гневно и грубо проорала Вика в невинную трубку.

– Еще как понимаю! – весело пробасил в ответ Ника. – Вот поэтому я всегда и говорю, что не представляю своей жизни без тебя! А с другой стороны, ты же знаешь, что сдохнуть в кайфе – это самая моя заветная мечта! Хотя я совершенно не понимаю, чего это я с такой небольшой дозы так далеко улетел? С концентрацией, что ли, перебор вышел? – вдруг всерьез озаботился Ника.

– Да причем тут концентрация?! – возмутилась Вика Никиной тупости. – Это тебе, может быть, звоночек прозвенел. С того света...

– Да брось ты свою метафизическую ерунду собирать, – добродушно возразил Ника. – Какой может быть звоночек за несколько укольчиков в год. Я же тебе не наркоман какой-нибудь.

***

Ника действительно не был наркоманом в настоящем, безысходном смысле этого слова, ибо со шприцом в вене его можно было увидеть ну очень нечасто. И поначалу преимущественно летом – в маковый, так сказать, сезон, когда эти, как выяснилось, зловещие (но тем не менее произрастающие в былые времена почти в каждом пригородном саду) кумачово красненькие цветочки сбрасывали свое лепестковое оперенье, являя вожделенному взору неофита от наркомании очаровательный зелененький бутончик, который, казалось, так и просил: подои меня!

Ах, как это было увлекательно, романтично и рискованно! Ибо на охоту за чудесным маковым молочком (белым и невинным, как молоко матери или добродушной коровы) выхо-

дять обыкновенно приходилось в летних сумерках, когда нерадивые садоводы покидали свои фазенды, оставляя опушенные плантации безо всякого присмотра...

А впрочем, маковое молочко было на самом деле вторичным способом для получения кайфа. Потому что в начале были таблетки. Простенькие такие (но в отличие от молочка не беленькие, а желтенькие) таблеточки от банального кашля. Они имелись в те времена в каждой уважающей себя домашней аптечке. Съел себе одну упаковочку за десять копеек – и ощущай себе неземное счастье на все сто!

А каким еще способом, скажите на милость, мог ощутить пресловутое неземное счастье незрелый подросток, задолбанный школой, родителями, переходным возрастом и половым созреванием? Подросток, полный желаний, сомнений, вопросов, на которые нельзя было получить ответов, и прыщей – и не имеющий к тому же в этой жизни никакой порядочной цели (кроме в зубах навязшей лозунговой «наша цель – коммунизм и мир!»), и не подозревающий, что кайфа, вполне аналогичного наркотическому (и даже круче) можно достичь иными, вполне естественными и совершенно бесплатными способами. Например, во взаимной любви, в слиянии с природой, в творческом порыве, в беге трусцой, наконец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.